

Рядъ
Историческихъ романо́въ.

Пьеръ Абеляръ.

Исторія
МОИХЪ БѢДСТВІЙ.

Переводъ съ латинскаго П. О. МОРОЗОВА.

Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями профессора

А. Платевокаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина.

1902.

Рядъ
Историческихъ романовъ.

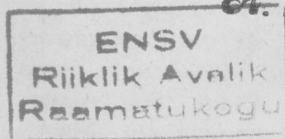
Пьеръ Абеляръ.

Исторія
МОИХЪ БѢДСТВІЙ.

Переводъ съ латинскаго П. О. МОРОЗОВА.

Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями профессора

А. Прагевскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Картографическаго заведенія А. Ильина.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 августа 1902 г.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

EESTI
RAHVUSRAAMATUKOGU

2-08-07887

ВВЕДЕНІЕ.

I. Глубокое средневѣковье.

Бываютъ души, къ которымъ болѣе, чѣмъ къ сказочному инструменту, подходитъ названіе Золовой арфы. Стоитъ легкому зефиру, утреннему вѣтерку, коснуться ихъ—и раздается безсмертная, жалобная, но дивная, человѣческая пѣсня. Онѣ встрѣчаются рѣдко, но вездѣ и во всѣ времена, словно чтобы поддержать вѣру въ людей. Онѣ велики не дѣянiями великихъ людей, а тѣмъ, что милы всѣмъ, что при нихъ всякому теплѣе жить и легче дышется. Таковы герои предлагаемаго читателямъ романа.

Это—странный романъ въ ряду нашихъ книжекъ. Онъ писанъ за семь съ половиной вѣковъ до насъ, когда никто и не подозрѣвалъ, что когда-нибудь будетъ такой родъ литературы. И писанъ онъ не авторомъ, а самими его героями,—вѣрнѣе, самою жизнью. Это—не любимый приемъ романистовъ, а дѣйствительная переписка. Она ничтожна по размѣрамъ, не въ примѣръ нынѣшнимъ романамъ. При всемъ томъ, это—быть можетъ, самый яркій, настоящій романъ изъ всѣхъ сочиненныхъ романовъ. Мы любимъ искать „человѣческихъ документовъ“, извлекая ихъ нашей фантазіей изъ груди наблюденій надъ душой живущихъ вокругъ насъ. Взгляните же, что это за документъ, и въ прямомъ смыслѣ этого слова, и въ области психологіи!

Сущность его прозрачна, какъ горный ключъ, проста, какъ сама трепещущая жизнь. Но облакающія ее формы такъ

стары, такъ чужды нашему глазу, что кажутся частью непостижимыми, частью чудовищными. *Этого* романа нельзя усвоить, какъ слѣдуетъ, безъ помощи исторіи. Мы позволяемъ себѣ подать руку читателю, чтобы повести его въ глубь средневѣковья, тѣмъ болѣе опасную, что тутъ дѣло идетъ не о простой политикѣ. Нашъ очеркъ будетъ чисто бытовой, и посвященный именно умственному быту, идейной культурѣ.

А это значить углубиться въ дебри схоластики. Правда, схоластика вовсе не такъ умопомрачительна, какъ думаютъ; но читатель могъ бы заскучать и при маленькомъ очеркѣ, еслибъ мы не надѣялись на помощь героевъ нашего романа. Мы увѣрены, что они выручатъ насъ, если только въ нашихъ словахъ отразится хоть малая доля того горячаго благоговѣнія, той слезной тоски, которыя овладѣваютъ нами всякій разъ, какъ мы прикасаемся къ этой Эоловой арфѣ.

Передъ нами умственный бытъ человѣка первой половины 12-го вѣка, жившаго какъ разъ между первымъ и вторымъ крестовыми походами: Абеяру было 20 лѣтъ при первомъ походѣ; второй начался пять лѣтъ спустя послѣ его смерти. Какъ тутъ все чуждо намъ, дико! А, главное, этотъ бытъ богатъ содержаніемъ, которое и создало столь крупныя явленія, какъ Абеяръ и Элоиза. Онъ сложенъ: настоящее средневѣковое міросозерцаніе тогда только слагалось; еще шла борьба между нимъ и отголосками болѣе отдаленной старины.

Смыслъ умственной эволюціи или развитія мысли въ первые 11 вѣковъ христіанства состоялъ въ претвореніи началъ, завѣщанныхъ античнымъ язычествомъ,сообразно съ требованіями новой религіи. Въ первыя два столѣтія эти начала были еще сильны. Наука блистала именами Птоломея, Плинія и Галена, Тацита и Квинтилиана. Философія и законовѣдѣніе приобрѣли даже особенное значеніе, благодаря школамъ скептиковъ и неоплатониковъ и появленію международного права Гая. „Серебряная латынь“ щеголяла не-

бывалымъ романомъ и злою сатирой Ювенала. Въ искусствѣ процвѣталъ римскій стиль, полный здороваго реализма.

Съ 3-го вѣка настаетъ упадокъ классицизма во всѣхъ отношеніяхъ, особенно отразившійся въ „желѣзной латыни“, съ ея жалкимъ риторствомъ „новыхъ софистовъ“. Философскія школы совсѣмъ закрылись. Всюду сквозила душевная дряблость, усталость, изсякновение творчества. Общество растерялось и опошлилось, подъ гнетомъ нашествія „варваровъ“, деспотизма цезарей и новаго мистицизма. А христіанство, въ пять вѣковъ, прошло цѣлый кругъ развитія. Оно овладѣло варварами, стало государственной религіей Рима и принимало стройный видъ іерархіи, съ папой во главѣ Запада. Оно побѣдило и внутреннія противорѣчія: первыя ереси замирали.

Христіанству придавала силу связь съ классицизмомъ: оно пользовалось его культурой и тѣмъ помогало романизаціи Запада. Но когда папство утвердилось, съ 7-го вѣка, новая религія начала бороться съ классицизмомъ, какъ съ язычествомъ. Обзаведясь монашествомъ, она начинала гнушаться свѣтскостью античнаго міра, его реальнымъ взглядомъ на вещи. Но еще вѣка три она не могла обходиться безъ своего стараго помощника. Всѣ учились по Боэцію, который перевелъ Аристотеля по-латыни. Списки классиковъ не трудно было доставать въ Италіи. Хотя школы были уже только монастырскія да епископскія, въ нихъ основой обученія была латынь и античныя „семь свободныхъ искусствъ“. Духовенство еще разсуждало о религіи, въ то время, какъ въ Византіи господствовало иконоборство. Сами монастыри были не пустынями, а очагами общежитія и античнаго просвѣщенія. Слѣды классицизма наглядно сказывались въ искусствѣ, въ видѣ романскаго стиля.

Вплоть до 11-го вѣка церковь еще не преслѣдовала еретиковъ и колдуній и допускала толкованіе догматовъ; иные папы склонялись къ мнѣніямъ, которыя вскорѣ были признаны еретическими; у католиковъ епископы стояли за иконоборство, а синоды гремѣли противъ мощей и па-

ломничества. Даже сѣрый народъ считалъ еще монашество гдѣ чудачествомъ, гдѣ призваніемъ избранныхъ; онъ ладилъ съ евреями, которые оживляли торговлю и промыслы. А вожди мысли уже прислушивались къ арабскимъ ученымъ, доставлявшимъ Западу какъ бы классическую школу. Въ 10-мъ вѣкѣ видимъ такой сильный умъ, какъ Эригена. Правда, это былъ уже монахъ, даже мистикъ. Но его мистицизмъ исходилъ изъ неоплатонизма, а главное, онъ ввелъ античную философію въ богословіе: его и назвали отцомъ школьной науки или *схоластики*. Эригена первый у христіанъ поставилъ „разумъ“ (ratio) выше „авторитета“ или церкви, св. Писанія, т. е. сталъ предтечей раціонализма. Онъ пытался толковать Библию, и особенно св. Троицу, отъ разума, съ помощью Аристотеля.

Но въ 11-мъ вѣкѣ, особенно передъ рожденіемъ Абельяра, картина мѣняется. Въ душѣ средневѣковаго человѣка явственно настаеъ жестокой переломъ, боль котораго разрѣшилась страданіями нашихъ героевъ. Съ одной стороны, еще копошились преданія классицизма, свѣтскости, реального, жизнерадостнаго міровоззрѣнія. Нравы еще сохраняли гражданскую простоту: для брака довольно было свидѣтелей или тайнаго вѣнчанія. Учились въ прежнихъ школахъ семи классическимъ искусствамъ. Еще умѣли благоговѣть передъ умомъ, знаніемъ и талантомъ, какъ передъ сверхъестественными силами: народъ и даже власти преклонялись передъ тѣмъ, чего не могли постигнуть. Подконецъ французскій монархизмъ, въ лицѣ Людовика VI, шелъ впереди общества, помогая освобожденію коммунъ отъ феодаловъ и даже, съ помощью своихъ новыхъ, свѣтскихъ, юристовъ, боролся съ церковью, которая была такимъ же феодаломъ.

Послѣ ужасовъ перваго крестоваго похода, даже замѣчались пробужденіе умовъ. Чуть слышатъ гдѣ про новаго даровитаго профессора, сейчасъ стекаются туда тысячами. Начали осуждать свое невѣжество, въ сравненіи съ арабской культурой. По монастырямъ открывались даровыя школы для всѣхъ возрастовъ; мѣстами даже дѣвицъ учили классикамъ и немного

еврейскому языку. Начали требовать объясненія догматовъ: и около 1050 года вспыхнула знаменитая борьба двухъ философскихъ направленій—церковнаго „реализма“ и свѣтскаго „номинализма“. Словомъ, тогда любили разсуждать: вотъ умственная колыбель нашихъ героев!

Но тогда же страстно хотѣли вѣрить. Вѣдь, 11 вѣкъ—вѣкъ Григорія VII и начала крестовыхъ походовъ. Церковь становится душой жизни и самымъ богатымъ учрежденіемъ. Прелаты и владыки превращаются въ первоклассныхъ феодаловъ, въ главныхъ землевладѣльцевъ. Папство возносится на высоту, какой оно никогда не достигало ни раньше, ни позже. Оно обзаводится индульгенціями (отпущеніе грѣховъ), отлученіями и интердиктами (запретъ богослуженія въ цѣлой странѣ). Его легаты или посланцы руководятъ народами и властями по всему Западу. Монашество становится его могучей опорой, благодаря аскетизму и раболѣпію клюніцевъ, этихъ іезуитовъ того времени. Мистическое настроеніе охватываетъ массы: всюду являются видѣнія и чудеса; толпы паломниковъ бредутъ къ святынямъ, особенно въ Римъ, и тутъ видимъ всѣхъ, отъ императора до нищаго бродяжки и до матерей съ младенцами. Обрядность доводитъ до „праздника ословъ“, на которыхъ путешествовали Богоматерь со Христомъ. Вѣра въ чорта создаетъ новую потребу — экзорцизмъ, его изгнаніе. Евреевъ заключаютъ въ особые кварталы и одѣваютъ въ шутовское платье. Наконецъ, возникаютъ богословіе и мистика, какъ теоретическое обоснованіе жизни. Вотъ источникъ бѣдствій нашихъ героев! Вотъ колыбель ихъ палача, Бернара.

Бернаръ „носилъ Бога въ своемъ сердцѣ“. Въ его глазахъ грѣхамъ грѣхъ было самомнѣніе разума, а всѣ добродѣтели сводились къ самоуниженію (*humilitas*). Это былъ больше, чѣмъ монахъ изъ Клерво, — монастыря, воскресившаго аскетическую славу Клюни. Одна тѣнь монаха, душа, влекущая за собой блѣдное, изможденное тѣло, изсохшій плодъ таинственныхъ восторговъ созерцанія въ глухой кельѣ, да болѣзненная раздражительность въ жизни—вотъ что такое

творецъ средневѣковой мистики. Въ этой пожираемой страстью природѣ отвращеніе къ ученію, скорѣе даже къ одному методу, превращалось въ ту ненависть іезуита къ личностямъ, которая не знаетъ различія въ средствахъ, лишь бы они оправдывались цѣлью. Съ лихорадочной неумоимостью чело-вѣка, одержимаго навязчивой мыслью, колесилъ Бернаръ по Франціи, а потомъ и за ея предѣлами, чтобы изыскивать церковную крамолу, чтобы всюду убивать личность, принося ее въ жертву Риму. Этотъ духъ сыска не щадилъ ничего—ни троновъ, ни святынь; онъ изливалъ на всѣхъ слезы и молитвы, угрозы и кары. И всѣ трепетали предъ нимъ, не исключая королей и папъ.

Бернаръ, съ своимъ оруженосцемъ Норберомъ, юрди-вымъ даже по одеждѣ, покрыли сѣтью розыска весь Западъ и разсылали свою братію всюду, до Сиріи и Палестины. Они изгоняли бѣсовъ, творили чудеса: Норберъ пытался даже воскрешать мертвыхъ, впрочемъ неудачно. Одинъ передѣлалъ заново Клерво, другой основалъ орденъ премонстрантовъ: лѣтописецъ назвалъ ихъ „двумя масличными деревьями предъ лицомъ благочестія Божія“. Путь великаго мистика былъ устланъ побѣдами. Современникъ говорить о мощи его слова: „Оно вносило смуту въ семью: жены прятали своихъ мужей, матери—сыновей. Міръ стоялъ только его молитвами“. И ему молились при жизни, какъ святому. Гдѣ онъ ни ступалъ, тамъ монастыри выростали, какъ грибы. И „отъ одной его рясы всегда рычали бѣсы“, говоритъ ученикъ Абеяра. Бернаръ затравилъ наконецъ и этого бѣса разума. А все-таки, бѣдняга, сочинилъ знаменитый гимнъ „Суета міра“ (*Vanitas mundi*), который кончается такимъ обрываніемъ струнъ: „Счастливецъ тотъ, кто можетъ презирать свѣтъ“!

Вотъ крайне любопытная, сложная и ужасная атмосфера, въ которой суждено было дышать героямъ нашего романа.

II. Несравненный учитель.

Когда проѣдете изъ Нанта верстѣ 20 по дорогѣ въ Пуатье, вамъ повстрѣчается мѣстечко въ одну улочку. Въ концѣ его, на холмѣ, ютится старая-престарая церковка, а за ней—низенькіе обломки толстыхъ стѣнъ и слѣды рововъ, поросшихъ кустарникомъ. Это, скажутъ вамъ,—„холмъ Абеяра; а мѣстечко зовутъ Паллэ“.

Здѣсь-то, при королѣ французскомъ Филиппѣ I, у одного небогатаго рыцаря, родился, въ 1079 году, первенецъ Петръ, котораго прозвали *Абеяромъ*, т. е. Салолюбомъ (1). Прелестный, пребойкій мальчикъ сталъ любимцемъ отца. Рыцарь знался съ чернецами, т. е. съ учеными: онъ потомъ и самъ поступилъ въ монастырь, вмѣстѣ со своей сожительницей. Онъ сочувствовалъ страсти говорливаго мальчика къ знаніямъ, особенно къ діалектикѣ (2) или искусству „диспутовъ“, ученыхъ споровъ. И вотъ, Петръ безпрепятственно уступилъ право первородства братьямъ и превратился въ „перипатетика“ (3), т. е. въ странствующаго философа, а не рыцаря.

Мальчикъ тотчасъ же началъ ломать не копыя, а языкъ. Диспуты были тогда въ модѣ. Изъ всей педагогической семерки діалектика знать не хотѣла ни одной сестры, кромѣ теологіи, да и той норовила подставлять ножку. Она называлась „искусствомъ“ попреимуществу, т. е. дѣломъ жизненнымъ: ея служители именовались „артистами“. Не было недостатка въ ея проповѣдникахъ. Нашъ рыцарь философіи, странствуя по провинціямъ Франціи, безъ труда находилъ себѣ учителей и единокорцевъ. Вскорѣ онъ напалъ на славнаго тогда діалектика, кстати своего земляка, Росцеллина, имѣвшаго свою школу въ Компьенѣ (4). По словамъ этого профессора, Абеяръ пришелъ къ нему „совсѣмъ маленькимъ“: ему было тогда лѣтъ тринадцать.

Но этому юному забіякѣ уже показалось и ученіе такого великана „глупымъ“ (*insanum*). Ктому же именно тогда, въ 1092 году, церковь осудила Росцеллина, и ему пришлось

скрыться въ Англію. Абельяръ пошатался еще въ разныхъ мѣстахъ, наконецъ явился въ Парижъ, съ началомъ новаго вѣка (1100), когда ему пошелъ 21-й годъ.

Тогда еще не было настоящихъ университетовъ (5): философія и теологія преподавались въ епископскихъ соборныхъ да въ монастырскихъ школахъ. Въ Парижѣ ими занимались наиболѣе въ соборной школѣ Богоматери (Notre Dame), въ городѣ (Cité) или на Сенскомъ Островѣ, въ этой ячейкѣ Парижа. Благодаря этой школѣ, столица Франціи уже становилась Аѳинами схоластики: въ нее начинали стекаться студенты всякихъ возрастовъ не только со всей Франціи, но отчасти и изъ чужихъ краевъ. И „схоластикомъ“ или „ректоромъ“ этой школы состоялъ не кто-нибудь, а самъ архидіаконъ Гильомъ изъ Шампо (Champeaux), этотъ „столпъ (columna) докторовъ“ и „какъ бы ангель“ въ преподаваніи, по словамъ учениковъ.

Но и нашъ атлетъ діалектики былъ уже не „маленькій“. А способъ преподаванія давалъ ему оружіе въ руки: тогда профессоръ сначала дѣлалъ „лекцію“, т. е. чтеніе, диктовку, а потомъ предлагалъ студентамъ тутъ же дѣлать „комментаріи“ или „глоссы“, толкованіе записаннаго, и защищать ихъ,—стало быть, диспутировать. Вскорѣ маститому Гильому житья не стало отъ юнца Петра, какъ Платону отъ Аристотеля. Онъ возненавидѣлъ счастливаго спорщика, котораго сначала приласкалъ-было. Поднялась и зависть товарищей. А въ Абельярѣ уже закипало честолюбіе. Недолго думая, отрокъ-студентъ завелъ собственную школу подъ Парижемъ, а въ 1108 году основался въ самой столицѣ Франціи. Ему было тогда уже тридцать лѣтъ.

Этотъ шагъ былъ цѣлымъ событіемъ и въ жизни Абельяра, и во всей культурѣ средневѣковья. Пѣсня Шампо была спѣта. Старикъ превратился изъ схоластика въ монаха и создалъ собственную обитель тамъ, гдѣ скончалась одна затворница преславной святости. А юный талантъ, боецъ новшества, побѣдоносно „раскинулъ свой станъ“ на холмѣ св. Женевьевы. Этотъ станъ—зародышъ знаменитой „латинской страны“ или

Латинскаго квартала; этотъ холмъ сдѣлался „Синаемъ университетскаго преподаванія“. Въ ту пору весь Парижъ состоялъ изъ островнаго Города. А на лѣвомъ берегу Сены тянулись большіе сады и виноградники, среди которыхъ были разбросаны монастырскія кельи и часовеньки, вокругъ церкви св. Женевьевы, покровительницы Парижа. Въ монастырскихъ постройкахъ ютились частныя школки, робко косившіяся на могучую школу города, ректоръ которой, „канцлеръ собора Богоматери“, лишь терпѣлъ ихъ: студенты уже не помѣщались въ сутолокѣ самаго Острова.

Затаенная вражда между Женевьевой и Богоматерью, между дочкой и матушкой, вспыхнула теперь открыто, благодаря „испытанной научности и возвышеннаго краснорѣчія“ новаго профессора, говоря словами его враговъ. Съ тѣхъ-то поръ Парижъ сталъ поистинѣ сердцемъ міра: все развитіе человѣчества, какъ въ кинематографѣ, проходитъ передъ нами картинами борьбы города и Латинскаго квартала, праваго и лѣваго берега Сены. До сихъ поръ первый изъ нихъ окаменѣлымъ взоромъ обращенъ къ прошлому, храня пережитки средневѣковья, второй жадно вглядывается въ будущее и дрожитъ отъ грузныхъ силъ прогресса. И, при своемъ зарожденіи, эти силы не могли найти себѣ лучшаго воплощенія, чѣмъ нашъ мученикъ новшества.

Конечно прогрессъ побѣдилъ: Шампо сошелъ со сцены и вскорѣ умеръ епископомъ. Но чего стоило это „Протеку“, видно изъ того, что, еще до постигшаго его ужаса, онъ два раза долженъ былъ по нѣскольку лѣтъ отдыхать на родинѣ „отъ общей слабости силъ“, отъ переутомленія.

Абеляру оставалось сдѣлать еще шагъ, чтобы стать безспорнымъ представителемъ своего времени. Тогда этого поста нельзя было достигнуть безъ теологіи, которая становилась властительницей думъ, какъ выраженіе духа крестовыхъ походовъ. Абеляръ въ годъ овладѣлъ этою наукой, которая была еще въ пеленкахъ: уже въ 1113 году мы видимъ его профессоромъ богословія въ самой школѣ парижской Богоматери.

Настало незабвенное пятилѣтіе высшей славы, безпримѣрнаго, но заслуженнаго блаженства генія. Передъ нами несравненный учитель.

Красивый, величественный и вмѣстѣ нѣжнаго сложенія профессоръ былъ въ цвѣтѣ здоровья и рьяности: ему было 34—38 лѣтъ. Онъ неутомимо читалъ множество лекцій, обладая двумя кафедами: онъ конечно не покидалъ своей философіи. Довольно послушать невольныя признанія враговъ, чтобы судить о томъ, что это были за лекціи. Даже они были поражены его „протеевской“ памятью, его скороспѣлой ученостью, острой критикой и доступною даже ребенку ясностью рѣчи, которую онъ пересыпалъ стихами, шуточками, насмѣшками. Современники особенно изумлялись той необычной „тонкости“ лекцій этого „острѣйшаго изъ острыхъ“, которая „столько же необходима философіи, сколько полезна для веселаго расположенія духа“. Ихъ плѣнялъ и его прелестный голосъ, которымъ онъ владѣлъ артистически. Настоящій и первостатейный французъ на кафедрѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова!

Абеляръ воскрешалъ собой великихъ философовъ Эллады: и успѣхъ былъ соотвѣтственный. Блестящаго профессора, мало сказать, любили: предъ нимъ благоговѣли, имъ гордились; и достойная зависть бессильно шипѣла со всѣхъ сторонъ. „Кто не спѣшилъ взглянуть на тебя, когда ты показывался на улицѣ, и кто не провожалъ тебя пристальнымъ взоромъ?“ Положимъ, это—вздохъ Элоизы. Но вотъ еще болѣе сильныя слова почтеннаго аббата-очевидца:

„Римъ, питавшій доселѣ своихъ слушателей всякой наукой, посылалъ къ тебѣ, какъ къ мудрѣйшему, своихъ питомцевъ. И не могли удержать ихъ ни пространства, ни вершины горъ, ни глубина долинъ, ни чреватые опасностями и разбоями пути. Толпу юношей Англій не страшили бури волнъ морскихъ. Далекая Бретань отсылала къ тебѣ въ науку своихъ животныхъ ⁽⁶⁾, а Анжу—своихъ неукротимыхъ звѣрей. Пуатье, Гасконъ и Каталонія, Нормандія, Фландрія, Тевтонія и Швабія наперерывъ старались согрѣваться твоимъ геніемъ и славо-

словить его. Умалчиваю о парижанахъ и французахъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ, которые такъ жаждали твоего слова, словно больше нигдѣ нельзя было найти обученія. Всѣхъ до того поражали твоя ясность ума, сладость рѣчи (*suavitas eloquii*), легкость изложенія, утонченность знаній, что они спѣшили взапуски къ тебѣ, какъ къ самому чистому источнику философіи“ (7).

Этому обаянію, какъ и силамъ „Голіаеа“ схоластики, казалось, не было границъ. Абельяръ тогда-же сталъ славиться не только какъ авторъ ученыхъ трактатовъ, но и какъ поэтъ. По церквамъ пѣли его латинскіе псалмы, въ народъ проникали его свѣтскіе романсы на „варварскомъ“ языкѣ, какъ называли тогда зарождавшуюся французскую рѣчь. Это былъ первый труверъ или, вѣрнѣе, предтеча труверовъ (8). И самъ поэтъ снабжалъ свои стихи музыкой: онъ мастерски игралъ на лирѣ и пѣлъ чрезвычайно пріятнымъ голосомъ. А это дѣлало его совсѣмъ неотразимымъ для женщинъ, по свидѣтельству самой Элоизы. Поэтъ-философовъ и безъ того выдѣлялся изъ массы грубыхъ, грязныхъ клериковъ Города. Онъ изящно одѣвался и жилъ бариномъ: 5,000 слушателей обогащали его своими взносами; хорошую „бенефицію“ (доходъ) давало и принятое имъ тогда званіе каноника, которое еще не вводило его въ составъ „регулярнаго“ духовенства (9).

Нѣтъ никакого преувеличенія въ слѣдующихъ словахъ біографа Абельяра, Шарля Ремюза, повторяющихъ выраженія очевидцевъ: „Тамъ, въ Городѣ, противъ дворца, подъ сѣнью церковей и собора Богоматери, въ мрачныхъ кельяхъ и обширныхъ залахъ монастырей, на муравѣ лужаекъ, кишѣла эта священная рать вѣры и знанія, всякихъ учениковъ парижской школы. И посреди нея часто шествовалъ благородной походкой человекъ съ широкимъ челомъ, съ живымъ, гордымъ взоромъ, еще сохранявшій красу юности, но съ болѣе рѣзкими чертами, съ болѣе темнымъ цвѣтомъ полной возмужалости. Его одѣяніе было степенно, но тщательно. Онъ отличался строгой роскошью фигуры, простымъ изяществомъ обхожденія, то доступнаго, то надменнаго, ве-

личавой, но красивой поступью, не безъ лѣнивой небрежности, этого знака самодовѣрія и привычки властвовать. Его сопровождала гордая, только не для него, свита. Любопытная толпа почтительно разступалась, когда онъ шелъ на лекцію или возвращался, окруженный учениками, пылавшими отъ его слова. Все это обличало владыку школы, славу міра, любимца Города. Всюду говорили о немъ; отовсюду притекали послушать его. Уличная толпа останавливалась на его пути, жаждающая взглянуть на него; жильцы выходили изъ покоевъ на пороги домовъ; жѣнщины отдергивали занавѣски съ подслѣповатыхъ стеколъ своихъ окошечекъ“.

Этотъ апостолъ науки сознавалъ, что онъ вознесся на высоту вѣка, благодаря лишь собственнымъ силамъ, лишь своему генію. Все богатство своей страстной природы положилъ онъ къ ногамъ знанія и высшаго честолюбія. Всепоглощающая работа восхожденія заглушала всѣ другіе позывы жизни. Но пылкая, многосторонняя, полная тѣлесныхъ силъ природа просилась наружу. Абельяръ былъ не изъ тѣхъ, которые довольствуются тихимъ пристанищемъ кабинета и каеедры. Взявъ здѣсь свое, онъ почувалъ свободу и „началъ ослаблять бразды своихъ страстей“: вѣдь, „счастье отуманивается“! А чѣмъ больше крѣпится богатырь, тѣмъ разрушительнѣе его спущенная съ цѣпи сила.

Насталъ знаменитый 1118-й годъ, когда Абельяру было подъ сорокъ,—минута мимолетнаго высшаго блаженства, прерванная ужаснымъ вѣчнымъ бѣдствіемъ. Крупная половинка нашла соразмѣрную половинку: и произошелъ взрывъ, имѣющій міровое значеніе. Возблагодаримъ нашу чету: она такъ искренно и ясно сама рассказала страшную драму, что мы увольняемся отъ того, что должно описывать не чернилами, а слезами. Мы только лѣтописно пояснимъ краснорѣчивую переписку, слѣдующую за этимъ Введеніемъ.

III. Жертва жестокаго вѣка.

Захотѣлось жить, любить! И, Голиаеъ даже тутъ, онъ зналъ, что все будетъ къ его услугамъ, что онъ можетъ выбирать любую. Свѣтскихъ женщинъ Абеляръ не зналъ, живши до сихъ поръ въ ученомъ уединеніи; да и ухаживанье уже становилось тогда мудренымъ „служеніемъ дамъ“, рыцарскимъ флиртомъ, требовавшимъ слишкомъ много времени. Профессоръ бросился-было въ омутъ новаго Вавилона, какимъ уже считался тогда Парижъ: онъ самъ подтверждаетъ мнѣніе пріятеля Фулька, что тогда раззорялся на грязь. Но не того жаждала гордая душа. На него налетѣлъ ураганъ настоящей страсти, какъ онъ не ожидалъ.

Абеляръ думалъ-было обзавестись негласной женой, что, было тогда въ обычаѣ у церковниковъ (10). Но судьба натолкнула его на женщину, подходившую къ нему душой и дарованіями. Она была не изъ „дамъ“, даже не изъ законныхъ дѣтей; но эта дѣвушка уже считалась чудомъ, несмотря на свои 17 лѣтъ: она родилась съ новымъ вѣкомъ, около 1100 г. (11). Дядя Фульберъ, самъ каноникъ, далъ ей лучшее образованіе: Элоиза училась у просвѣщенныхъ бенедиктинокъ, отлично владѣла латынью и знала римскихъ классиковъ и св. Писаніе, даже немного занималась греческимъ и еврейскимъ языкомъ. Прибавьте здоровую миловидность, статность, быстрый, жадный къ знаніямъ умъ, трудолюбіе, не говоря уже о великомъ сердцѣ, которое обнаружилось потомъ,—и передъ вами женщина, которая выдвинулась бы и теперь, а тогда была просто непостижимой, но достойной половиной Голиаеа образованія. Немудрено, что Абеляръ вдругъ потерялъ голову: студенты съ ужасомъ почуяли, что ихъ любимецъ уже „руководился не вдохновеніемъ, а привычкой“, т. е. читалъ лекціи по старымъ тетрадкамъ...

Этотъ романъ имѣетъ міровое значеніе, какъ увидимъ ниже. Оттого о немъ много говорили люди, и не понимав-

шіе этого. Мы должны высказаться, какъ дозволяютъ намъ всѣ историческія данныя.

Понятно, кто осуждалъ Элоизу. Но даже аскеты признавали искренность и глубину ея чувства. Довольно прочесть печатаемая ниже ея письма, чтобы видѣть, что передъ нами идеаль самой серьезной и поэтической любви, которую мѣстами можно бы принять за сказку, если бы тутъ все не было такъ просто, такъ человѣчно. Вся чистая, великая душа этой почти дѣвочки нараспашку передъ нами: и ясно, что ея доводы противъ брака, это самозакланіе, были ея глубокимъ убѣжденіемъ, чутьемъ тонкаго женскаго ума, а не коварствомъ или кокетствомъ — слово, которое было бы оскорбительно для чистаго пера ставить рядомъ съ именемъ Элоизы. Мало того: позоръ въ глазахъ толпы былъ для героини честью, которую она отстаивала радостно и мужественно. Со слезами и стонами пошла 18-лѣтняя женщина подъ вѣнецъ, точно такъ же, какъ потомъ подъ покрывало монахини.

Иное дѣло Абеляръ. Именно эти доводы подруги выдавали его заднюю мысль. Да онъ и самъ сознается, что заботился о томъ, „какъ бы не было ущербъ его имени“, т. е. его карьерѣ. Вѣдь, женись онъ—и прощай кафедра теологіи, прощай каноникатъ, и... Передъ нимъ, говорятъ, уже блистала mitra парижскаго епископа и даже горѣлъ кардинальскій пурпуръ! И вышелъ чудовищный исходъ, который вель къ преступленію.

Лѣтопись уголовщины среди простыхъ людей, увы, полна примѣровъ убійствъ, до которыхъ унижается страсть, чтобы только соединиться половинкамъ передъ лицомъ свѣта; а тутъ самъ герой, смѣло боровшійся съ цѣлымъ старымъ міросозерцаніемъ, придумалъ ложь, которую могло простить только любвеобильное сердце Элоизы. Абеляръ женился на „соблазненной имъ дѣвушкѣ“, чтобы отклонить гнѣвъ ея родни, но потребовалъ, чтобы ихъ бракъ оставался „втайнѣ“. И это въ тѣ минуты, когда у нихъ уже родился сынокъ, котораго отецъ преспокойно сдалъ на родину, на руки своей сестрѣ!

Ложь могла привести только къ пущей лжи, которая, при жестокости вѣка, увѣнчалась неслыханнымъ преступленіемъ. Мужъ и жена, пылающіе бурной страстью другъ къ другу, видятся рѣдко и тайкомъ. А родные дѣвушки, про которую пѣлись по городу романсы самого „соблазнителя“, стали распространять молву о томъ, что ея честь уже спасена бракомъ. Элоиза, этотъ образецъ правдивости, клянется всѣмъ, что это ложь и даже выносить за это побои. А мужъ, чтобы сгладить этотъ „ущербъ имени“, увозитъ жену въ монастырь и заставляетъ облачиться черничкой, „только безъ покрывала“: стало быть, онъ указывалъ людямъ, что это—монахиня, а не жена, а самъ навѣщалъ ее, о чемъ не могъ потомъ вспомнить безъ омерзѣнія.

Родные Элоизы повѣрили, что мужъ губитъ несчастную, „чтобы отдѣлаться отъ нея“. Они вскипѣли гнѣвомъ за это мнимое преступленіе и за издѣвательство надъ ними—и отвѣчали дѣйствительнымъ и ужаснымъ преступленіемъ. Врагъ аскетизма, вольнодумецъ, полный силъ красавецъ, влюбленный до безпамятства въ свою очаровательную и страстную жену, сталъ „евнухомъ...“

Историкъ могъ бы подумать, что ему приходится стать золотомъ, еслибъ человѣческая черточка не мелькала на кровавомъ обликѣ жестокаго вѣка: толпы стекались къ одру страдальца со слезами и краской стыда на лицахъ; преступники получили то же возмездіе, да еще были ослѣплены; только Фульбертъ отдѣлался лишеніемъ одного имущества.

Неописуемы нравственные мученія жертвы звѣрей. Но ее могла утѣшать мысль о томъ, что теперь уже ничто не препятствовало карьерѣ: вѣдь, оставалось только поступить въ монахи! Абельяръ такъ и сдѣлалъ. И у кого подыметъ рука, чтобы бросить въ несчастнаго камень за то, что великое рѣшеніе было принято лишь „ради стыда, а не изъ благочестія“? Но кто оправдаетъ поступокъ, выраженный имъ самимъ съ душою раздирающей краткостью: „Элоиза еще *прежде меня, по моему указанію*, добро-

вольно приняла монашество?" А онъ самъ сознается, что она легко нашла бы другого мужа!

Лишенный зубовъ левъ налагаетъ лапу на добытую имъ кость. А главное, тутъ ясно: онъ не понималъ своей подруги; онъ глубоко оскорбилъ ее. Даже это вѣчно-любящее все-прощающее сердце, сразу все ушедшее въ самопожертвованіе, никогда не могло забыть всей горечи обиды, какъ святая мученица, которую заподозрили бы въ способности стянуть серебряную ложку. „Это доказательство твоего недвѣрія ко мнѣ наполнило меня сильной скорбью и заставило краснѣть“, сказала, 16 лѣтъ спустя, жертва, которая все еще пламенѣла неутолимой страстью къ своему „единственному“...

Началась новая жизнь, жизнь безличная. Но она была выбрана не добровольно. Голіаѳъ еще былъ живъ. Онъ не могъ затянуться въ тину обыкновеннаго монашества: онъ и здѣсь являлся крупной щукой. Абеляръ выбралъ первенствующее аббатство Франціи—знаменитое Сен-Дени (12). Но оно служило „больше цезарю, чѣмъ Богу“, по словамъ св. Бернара; и если нравы духовенства были тогда вездѣ неприглядны, то здѣсь аббатъ Адамъ представлялъ собой лучшей примѣръ грѣхопаденія человѣка. Абеляръ возвысилъ гнѣвный голосъ обличенія. Кстати онъ хотѣлъ отомстить церковникамъ, которыхъ считалъ сообщниками Фульберта, и самъ собирался въ Римъ. Его спасло то, что онъ былъ не просто монахъ, а Абеляръ. Студенты умоляли любимаго учителя возвратиться на кафедру, учить бѣдныхъ, безраздѣльно отдаться наукѣ. Адамъ, чтобы отдѣлаться отъ своего безпокойнаго сожителя, предложилъ ему пожить въ принадлежавшемъ ему аббатству пріоратѣ (маленькая обитель) Мэзонселъ, въ Шампани. Геній взялъ свое: Абеляръ, уже въ слѣдующемъ году вновь открылъ свой университетъ, въ сельской глуши.

И—старая исторія! Пустыня населилась тремя тысячами студентовъ, которымъ не хватало ни мѣста, ни пищи. Другія школы пустѣли. Ихъ директора злились, завидовали. Къ

епископу и даже въ Римъ летѣли доносы, требовавшіе закрытія школы Абеяра, такъ какъ она была частная, даже не въ стѣнахъ монастыря. Мало того. Такъ какъ Абеяръ впервые выступилъ теперь и съ богословскимъ трактатомъ, доносчики поднимали крикъ объ „ереси“. Абеяръ отвѣчалъ блестящей апологіей,—самозащитой, которую самъ называетъ „ошельмованіемъ (investiva) невѣждъ въ діалектикѣ“, предвосхищая знаменитыя „Письма Невѣждъ“ временъ реформаціи.

И позвали Голяеа на провинціальный соборикъ въ Суассонѣ (13). И принудили его собственноручно сжечь свой трактатъ и, „какъ школьнику“, прочитатъ символъ вѣры, а его самого приговорили къ вѣчному заключенію въ монастырѣ (1121). Абеяръ со слезами исполнилъ все, хотя это сожженіе собственной мысли было для него „болѣе огорчительной обидой, чѣмъ его тѣлесное изувѣченіе“. У несчастнаго не было защиты: ему не дали сказать слова; противъ него выдвинули толпу изувѣровъ. Онъ только оправдался передъ потомствомъ: въ его автобіографіи описаніе суассонскаго собора—самыя обстоятельныя и художественныя страницы, рисующія вѣкъ.

И это преступленіе противъ человѣческаго достоинства совершили люди, не имѣвшіе на то никакого права: Абеяръ былъ подчиненъ, какъ монахъ, парижскому епископу, а не произвольно собравшемуся „соборику“ изъ „профессоровъ заразы“ (14). И эти палачи такъ боялись своей жертвы, что, не позволяя ей говорить на соборѣ, не смѣли воспретить ей проповѣдовать свою „ересь“ среди народа, который уже склонялся на ея сторону. Жертву поспѣшили только убрать: Абеяра возвратили въ его осиное гнѣздо—въ Сен-Дени.

Голяеа впалъ въ отчаяніе: привыкшій побѣждать всѣхъ, онъ впервые встрѣтилъ Давида въ лицѣ церкви, которая уже привыкла тогда возражать на убѣжденія „бичомъ“ (flagellum), какъ намекнули Абеяру. Несчастный закрывалъ руками лицо, омоченное слезами, и ропталъ на самого Бога. Лишь съ помощью Людовика VI, этого друга „оратая и оратора“, этого освободителя сельскихъ общинъ, удалось ему

избавиться отъ своихъ палачей въ С.-Дени: онъ удалился въ пустынь Ножанскаго лѣса, близъ Труа, гдѣ построилъ въ лѣсу часовеньку и шалашъ и назвалъ ихъ Параклетомъ—Утѣшителемъ Небеснымъ.

Да, это былъ утѣшитель, достойная награда гению. Пустыня вдругъ оживилась, стала „Оиваидой знанія“. Сюда устремилось новое поколѣніе учениковъ, образовавшее какъ бы колонію просвѣтителей—общину, которая „жила въ шалашахъ, работала на себя и на учителя и страшилась только одной кары—прекращенія лекцій“. Наука опять питала и славила профессора. И она окружила его такою мирною идилліей, среди прелестной природы, въ мягкомъ климатѣ.

Но онъ, мятежный, все искалъ бури: онъ не отдыхалъ въ своемъ Утѣшителѣ и трехъ лѣтъ. Его свободное слово и новыя книжки задѣвали стародумовъ такъ же, какъ и каменное изображеніе той самой Троицы, за которую досталось ему въ Суассонѣ (15). Его слава и обаяніе разжигали зависть. И „эхо“ стало его предателемъ. Выступили новыя пресмыкающіяся (reptilia), и во главѣ ихъ самъ Бернаръ, пріятель Гильома Шампо, вождь тогдашняго іезуитства. Въ его списокѣ опальныхъ уже было подчеркнуто имя Голіаеа. Вѣдь, такъ близко лежали другъ отъ друга жизнерадостный Ножанскій лѣсъ и Долина Печалей, гдѣ пріютились Параклетъ и Клерво—эти твердыни разума и вѣры (16)!

Голіаеа терзали страшные призраки. Его научныя работы, его вдохновенная рѣчь прерывалась видѣніями новыхъ соборовъ, душевныхъ пытокъ, быть можетъ, сожженія не только книгъ, но и автора: не забудемъ, что ровно за сто лѣтъ передъ тѣмъ (1022) во Франціи были спалены первые 13 еретиковъ. Въ оцѣпенѣніи отчаянія отъ подымавшейся громовой тучи, Абеляръ помышлялъ жить по-христіански среди язычниковъ: вѣдь, кордовскій халифатъ былъ не такъ далеко! Но случай привелъ его не на югъ, а на сѣверъ: ему предложили званіе аббата въ бретонскомъ монастырѣ Святого Жильды (17).

Бѣдняга попалъ отъ Дамоклова меча „въ пропасть“,

живьемъ „въ гробъ“,—отъ учениковъ, носившихъ его на рукахъ, въ лапы вороватыхъ, разбойничьихъ „варваровъ“, даже лопотавшихъ на какомъ-то кельтскомъ нарѣчїи; а ихъ тиранилъ, „хуже, чѣмъ жидовъ“, мѣстный рыцарь-центавръ. Узникъ промѣнялъ залитую солнцемъ долину Сены на угрюмыя скалы, болота и песчаные холмы, молчаніе которыхъ нарушалось лишь „ужаснымъ прибоемъ“ волнъ-великановъ да тоскливымъ пискомъ чаекъ.

Отголоски замиранія въ этой юдоли душевной и хозяйственной нищеты сохранились въ „Плачахъ“ (Planctus, Odae flebiles) страдальца, обрацики которыхъ составляютъ двѣ послѣднихъ главы нашего романа. Скованный на голомъ утесѣ Прометей увидѣлъ, что всѣ его прежнія злосюченія — пустыя: онъ созналъ, что жизнь его „безплодна“. Она стала наконецъ и не безопасна: дикая братія набрасывалась на нее и съ ядомъ, и съ кинжаломъ. „И до сихъ поръ я каждый день чую присутствіе меча надъ моей головой...“

На этомъ обрывается „Исторія моихъ бѣдствїй“, на пятомъ году страданїй Прометея (1129).

IV. Вздохи влюбленныхъ.

Протекло десять лѣтъ съ ужасной ночи изувѣченїя Абельяра. Несчастннй испыталъ цѣлую вѣчность страданїй; а мы только подконецъ, въ одномъ „Плачѣ“, встрѣчаемъ намекъ на Элоизу, подъ покровомъ Дины, дочери Іакова. Гдѣ же была эта-то жертва? Она скиталась по святымъ обителямъ; она была гдѣ хотите, только не въ сердцѣ своего „единственнаго“.

Одна ужасная ночь положила зїяющую пропасть между половинками, вчера только, казалось, созданными другъ для друга, какъ никогда не бывало на свѣтѣ. Она осталась вѣрна своему идеалу, своему кумиру, своему прежнему, настоящему человѣку. Въ ней немолчно кипѣли жизни силы. Стонущей, рыдающей жертвой шла она подъ черное покрывало, погребав-

вшее ее заживо. Правдивая душа не скрывала, что монашескіе обѣты были всегда ея горемъ: во снѣ, на молитвѣ ее преслѣдовали сладкія картины былаго полного счастья. Уже она учила своего учителя, отстаивая права своихъ подругъ на свободу хоть отъ постовъ.

Да, ей приходилось возвращать своего друга на прежній путь разума. Онъ сталъ уже другой человѣкъ. Одна ужасная ночь превратила Голіаеа въ сухаго старика, въ озлобленнаго аскета. Вмѣсто Платона и Аристотеля, его идеаломъ сталъ Иеронимъ. Какъ заурядный постникъ, соблюдалъ онъ всѣ мелочи монашескаго устава. Онъ уподобился „дикому ослу“ Юва (XXXIX, 5—7), который „посмѣвается городскому многлюдству“. Онъ считалъ нарушеніемъ долга чернеца-покаянника не только теперь уже безопасныя свиданія съ своей вдовой, но самую переписку и посвященіе ей своихъ книгъ; и лишь сначала онъ помогалъ ей немного деньгами. На всякія попытки любящей души завязать хоть какія-нибудь сношенія отвѣтомъ было леденящее молчаніе могилы.

Только разъ встрепенулось сердце монаха. Когда, за упраздненіемъ ея монастыря, Элоиза была выкинута на улицу, онъ переселилъ ее съ подругами въ свой запустѣвшій Параклетъ. Онъ даже не разъ пріѣзжалъ туда, чтобъ окончательно устроить скиталицъ безбѣдно и выхлопотать назначеніе Элоизы аббатиссой. Параклетъ опять началъ-было оправдывать свое имя, становится для страдальца „пристанищемъ отъ бурь“. Только мужъ избѣгалъ своей вдовы: слѣдуя монастырскому уставу, онъ и не заглядывалъ въ ея келью. И все-таки вдругъ поднялась злая молва даже про евнуха! Монахъ тотчасъ опять скрылся. Это было въ 1130 году: и бѣненіе сердце въ бывшихъ половинокъ замолкло опять лѣтъ на пять. Молчаніе было прервано, въ 1135 году, такой страстью все не умиравшей женщины, что она наконецъ хоть на денекъ взломила ледъ.

Дѣло было такъ.

„Варвары“ святого Жильды, наконецъ, выкурили своего строгаго аббата. Переодѣвшись, ночью, бѣжалъ онъ подзем-

нымъ ходомъ, подъ охраной одного мѣстнаго рыцаря, своего почитателя. И Голіаеъ началъ „скитаться, какъ Каинъ“. Лѣтъ пять (1129—1134) прозябалъ 50—55-лѣтній мученикъ по какимъ-то угламъ Бретани, сохраняя впрочемъ званіе аббата св. Жильды. Въ этомъ-то полномъ забвеніи міра онъ предался наукѣ и литературѣ.

Но бурная душа искала выхода. У бѣдняги, какъ у короля Лиры „осталась еще частица сердца“: и въ 1134 году явилось замѣчательное произведеніе, которое произвело почти непостижимый переворотъ въ литературѣ. Желая хоть умственно пожить, чуя, что его жизнь—явленіе міровое, Абельяръ набросалъ автобіографію, до того похожую на романъ, что мы выбрали ее для нашего изданія. Это—*Исторія моихъ бѣдствій*, въ видѣ письма къ другу, которое составляетъ три первыхъ главы нашей книжки.

Этотъ скорбный листъ, болѣе похожій на „трагедію“, чѣмъ автобіографія патріарха Несторія, потрясаетъ насъ. Что же должна была почувствовать Элоиза, которой кто-то доставилъ его? Словно изъ-за могилы донесся голосъ тоскующей души „единственнаго“, котораго въ Параклетѣ могли считать уже мертвымъ, если не смирившимся. Онъ живъ, но ему ежеминутно грозитъ мучительная смерть! Въ страстномъ сердцѣ закипѣла былая буря; въ сильной душѣ опять зазвучали заглушенныя, но не порванныя струны жизни. Элоиза не могла молчать...

И явилось знаменитое письмо. Кто разъ прочелъ его, тотъ ужъ не забудетъ никогда этого перла жизненной поэзіи, по глубинѣ, пылу, яркости чисто человѣческаго чувства. Завязалась переписка, вошедшая въ сказки, какъ достояніе всего человѣчества: ея одной было бы достаточно, чтобы увѣковѣчить имена этихъ двухъ дивныхъ существъ.

Въ письмѣ Элоизы (наша гл. IV) впервые, въ средніе вѣка, раздалась тревожная музыка любви, животрепещущей даже въ самоотреченіи. Элоизѣ душно въ одиночествѣ. Она зоветъ къ себѣ „благодатнаго утѣшителя“, который былъ источникомъ ея скорби. Элоиза кидаетъ своему Абельяру уп-

рекъ въ томъ, что она была ему нужна только, какъ забава!

Въ отвѣтъ донесся запахъ склепа, глухой голосъ евнуха, которому легко было оставаться безстрастнымъ. Первое, письмо Абеяра, опущенное въ нашемъ переводѣ,—настоящая проповѣдь, достойная самого Бернара. Ея заголовокъ таковъ: „Элоизѣ, своей любимой сестрѣ во Исусѣ, Абеяръ, ея братъ въ томъ же Исусѣ,“ Авторъ отвѣчаетъ схоластически по пунктамъ, преподаетъ утѣшенія прописей, толкуетъ Пѣсню Пѣсней ради усмиренія страсти. Впрочемъ онъ не поскупился и на кучу благочестивыхъ выписокъ о важности женщины въ глазахъ Создателя. Въ заключеніе—просьба похоронить его въ Параклетѣ, а пока молиться за него по особой, тутъ же приложенной, молитвѣ.

Личнаго въ этомъ письмѣ только слѣдующее начало:

Если, съ тѣхъ поръ какъ мы обратились къ Богу, я не обращался къ тебѣ съ голосомъ поученія и утѣшенія, то виной тому не моя небрежность, а полное довѣріе къ твоей мудрости. Я не думалъ, чтобы въ такой помощи нуждалась та, которую Господь одарилъ всѣми дарами благодати, и которая способна сама возвращать заблудшихъ на путь истины, поддерживать колеблющихся, воспламенять хладѣющихъ... Впрочемъ, если твоя скромность думаетъ иначе, укажи мнѣ, о чемъ писать тебѣ... Посылаю Псалтырь, которую ты такъ просила, сестра моя, нѣкогда дорогая въ свѣтѣ, а теперь еще болѣе дорогая во Христѣ. И возносите вѣчно молитвы Господу по причинѣ бѣдствій, угрожающихъ моей головѣ ежедневно.

Элоиза не унималась. Въ ея новомъ миломъ письмѣ (наша гл. V) еще горячѣе изливаются сердечныя страданія. Оно полно изумительно правдивыхъ признаній негаснущей любви. Этой сильной молодой женщинѣ больно отъ признанія правъ здоровой природы. Ей обидно, что гнѣвъ Божій щадилъ чувство, когда оно было преступно по тиранству людей, и отнялъ страсть, когда она стала „законной“. Она срываетъ покрывало: „Моя набожность—лицемѣріе! Помогите мнѣ, единственный, твоимъ присутствіемъ, твоими рѣчами, молитвами, заботами избѣжать опасности! Исцѣлите меня!“

На этот вопль скованной силы жизни другъ отвѣчалъ, какъ „рабъ Христовъ невѣстъ Христовой“, и какъ схоластикъ—„по пунктамъ“; а каждый пунктъ поддерживается цѣлою батареей ученыхъ ссылокъ. Мы и взяли это письмо въ наше изданіе (гл. VI), какъ образецъ „эпистолярнаго стиля“ схоластиковъ: тутъ „эіопская жена“—чистый перлъ. Въ оставшей душѣ евнуха уже не осталось и чутья человѣка. Его возмущаютъ „безразсудныя“ жалобы жертвы. Онъ учитъ ее скромности, даже ядовито указываетъ на кокетливую Галатею Виргилія, которая жаждала того, отъ чего спасалась. Мало того. Евнухъ досадуетъ на то, что „виновныхъ было двое, а покаранъ одинъ“. Его утѣшаетъ лишь мысль, что она не можетъ вытти замужъ, т. е. „стать только женщиной“. Мало того: онъ радуется, что Господь сохранилъ въ ней „страсти юности“, какъ „вѣнецъ мученической“. Но зато поразительна и прямота языка монаха 12-го вѣка, которую намъ пришлось сглаживать въ переводѣ. Письмо кончается новою молитвой за мученика, гдѣ призываются громы небесныя на его враговъ.

Это посланіе было новымъ закланіемъ воскресавшей жертвы. И такъ, они уже не понимали другъ друга, говорили на разныхъ языкахъ! Въ отвѣтъ, лишь въ первыхъ строкахъ слышится послѣдній вздохъ зарождавшейся души новаго времени. Но онъ трогаютъ до слезъ. Великое женское сердце поняло все: оно рѣшило вторично умереть для міра,—затаиться. Въ привѣтствіи стоитъ уже схоластическое, но красивое и глубокомысленное слово: „Нарочитому господину его собственная (18)“. Затѣмъ—глухой стонъ живого человѣка, надъ которымъ кладутъ могильную плиту:

Я не хочу давать тебѣ повода обвинить меня въ какомъ-либо непослушаніи. И, вотъ, по твоему повелѣнію, я налагаю узду на выраженіе моей скорби, какъ ни велика она. Буду воздерживаться хоть на письмѣ отъ слабости, которой трудно, вѣрнѣе — невозможно избѣгнуть въ устной рѣчи. Въ нашей власти меньше всего наше сердце: мы скорѣе его рабы, чѣмъ господа. Когда его волненія овладѣваютъ нами, плоть не въ силахъ сопротивляться ихъ напору. Они прорываются наружу и легче всего изливаются въ

словахъ, этихъ ближайшихъ звукахъ всколыхнутой души, какъ сказано въ Писаніи: „отъ избытка сердца уста глаголятъ“ (*Матѳ.* XII, 34). Удержу же мою руку отъ писанія, если не могу лишить своего языка словъ. О, еслибы скорбящая душа была готова повиноваться такъ же, какъ пишущая рука! Впрочемъ, ты можешь, если не совсѣмъ исцѣлить скорбь, то хоть облегчить ее. Какъ клинъ выгоняется клиномъ, такъ новая мысль заставляетъ забывать прежнюю. Умъ, направленный въ другую сторону, сглаживаетъ или навремя пресѣкаетъ воспоминанія. И чѣмъ болѣе чиста мысль, чѣмъ болѣе она кажется необходимой, тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ она душой, отвлекаетъ ее отъ всего другого.

И разбитое сердце прячется. Передъ нами аббатисса. Она строчить длинное, уснащенное учеными ссылками посланіе, гдѣ просить наставника оказать „отеческую милость“ — начертать новый уставъ для своей обители и исторію ея ордена. Зато тутъ блещетъ не только ученость, но и большой умъ чудесной женщины. Здѣсь ученица головой выше учителя: вѣрнѣе, это — прежній, настоящій Абеляръ, но болѣе стойкій; онъ даже борется съ новымъ Абеляромъ, превращавшимся въ Бернара.

Въ ту пору монашество еще только слагалось: его расцвѣтъ послѣдовалъ лѣтъ сто спустя, когда утвердилась „нищенствующая братія“ доминиканцевъ и францисканцевъ. Монахи еще жили по древнему уставу св. Бенедикта; а для монахинь вовсе не было своихъ правилъ. Элоиза удивлялась смѣшенію „разныхъ“ существъ, подведенію своихъ сестеръ подъ мужской уставъ, который говоритъ о „штанахъ“ и т. п. Она возмущалась аскетизмомъ этого устава, приводившимъ къ лицемѣрью. Ссылаясь на блаженнаго Августина, она доказывала, что дѣло — въ самой добродѣтели, а не во внѣшнихъ ея признакахъ, „которые встрѣчаются у ханжей точно такъ же, какъ и у благочестивыхъ“. Это — ни больше, ни меньше, какъ знамя Лютера! Элоиза требовала хоть дозволить монахинямъ носить полотняное бѣлье, употреблять мясо и вино. Абеляръ прислалъ ей сколокъ съ устава Бенедикта, да еще предписывалъ молчаніе и восемь службъ въ день, распределенный по часамъ! Элоиза давала его всѣмъ читать, какъ великое произведеніе, а на дѣлѣ держалась собствен-

ныхъ „правиль“—краткихъ, человѣчныхъ, разумныхъ и при мѣнимыхъ къ жизни черничекъ.

Аскетъ-схоластикъ обрадовался случаю. Кромѣ устава трактата, онъ закатилъ „невѣстѣ Христовой“ столь же объемистую исторію ордена. Она вообще доходила до Христа, а касательно монахинь—до самой Евы, „этого источника всѣхъ нашихъ бѣдствій“.

Затѣмъ Элоиза просила, отъ имени своихъ сестеръ, сочинить недостающіе псалмы и рѣшить нѣкоторыя богословскія „задачи“, что конечно было тотчасъ же исполнено. И повторилась исторія съ уставомъ. Элоиза опять оказалась настоящимъ Абеляромъ. Она отлично пользовалась критическимъ методомъ своего учителя, какъ твердая рационалистка, съ остроуміемъ свѣтлой головки, подчасъ даже съ легкой насмѣшкой. Этой прямой душѣ былъ ненавистенъ монастырь,—и св. Писаніе стало загадочнымъ. Новому Абеляру становилось трудно бороться со старымъ: онъ прибѣгалъ къ монашеской казуистикѣ.

Трогательно видѣть, какъ въ этихъ ученыхъ затѣяхъ проглядывала иногда женщина, робко прорывалась старая живая нотка. Элоиза нагромождала богословскіе вопросы не безъ задней мысли продлить сношенія съ „единственнымъ“. Она сопровождала свою толстую тетрадку записочкой тонкаго свойства. Аббатисса напомнила своему аббату про его любимца, Іеронима: какъ-де онъ восхищался умомъ и ученостью своей ученицы, Марцеллы! И—невольный вопль: „Зачѣмъ я говорю это, о учитель, любимый всѣми, а нами особенно!“

Но если чужая душа—потемки, то тѣмъ осторожнѣе нужно относиться къ такой сложной психикѣ и къ такому особому положенію, какъ у Абеяра. Многое могло сдерживать его порывы. Есть трогательныя указанія. Эти пять лѣтъ сношеній съ Параклетомъ были благотворны для страдальца. „Пристанище отъ бурь“ сберегло угасающія силы, чтобы онъ снова блеснули на каедрѣ.

Абеяръ много сработалъ тогда: приготавливались и издавались богословскіе трактаты. И вездѣ сквозить мысль о милomъ

Параклетъ. Для него мученикъ сочинилъ до сотни псалмовъ, которые пѣлись по всей Франціи и даже въ Германіи, а иные дошли до гуситовъ и Лютера. Для него онъ писалъ рядъ педагогическихъ статей, вродѣ указаній, какъ изучать языки и литературу. Для него онъ потрудился надъ цѣлымъ трактатомъ „Гексамеронъ“—толкованіе шести дней творенія. Для него онъ рѣшалъ съ полсотни богословскихъ задачъ. Для него создалъ онъ рядъ замѣчательныхъ проповѣдей. Для него онъ съ любовью долго коптѣлъ надъ Уставомъ: и тамъ есть идиллія мужскаго монастыря, лежащаго такъ близко отъ Параклета, чтобы каждый вечеръ сливался звонъ колоколовъ обѣихъ обитателей...

Перелистывая фоліанты для своихъ трактатовъ, схимникъ чаще всего останавливался на „богъ Элогимъ“—слово, которое напоминало ему милое имя. И къ ней относились посвященія этихъ трактатовъ, согрѣтыя нѣжнымъ уныніемъ. Иногда и въ перепискѣ прорывалось, тотчасъ же съ ужасомъ подавляемое, чувство. Имъ согрѣта молитва о новомъ мученикѣ. И ее сопровождали слова: „Особенно молись за меня ты, которая, пожалуй, обязана первая помочь мнѣ въ удручающихъ меня бѣдствіяхъ“. Одна дѣловая записочка, которая тоже просить помолиться, кончается словами: „Прощай во Христѣ Иисусѣ служанка Христа, нѣкогда дорогая моему сердцу въ міру, теперь еще болѣе дорогая моей душѣ во Господѣ, моя супруга нѣкогда по тѣлу, а теперь моя сестра по духу и моя спутница въ монашествѣ“.

На этомъ и замерла переписка. Но лѣтъ пять спустя, когда страдальца постигло новое соборное осужденіе, онъ вспомнилъ свою спутницу, чтобъ излить ей свою правовѣрную душу. Сохранился только отрывокъ этого письма, въ сочиненіи одного изъ его учениковъ. Эти трогательныя и благородныя строки принято называть „исповѣданіемъ вѣры“ (fidei confessio) Абельяра. Мы передаемъ его (глава VII), какъ любопытный документъ, освѣщающій душу не одного нашего героя, но и его вѣка.

V. Еретикъ-аскетъ.

Дивная переписка великихъ страдальцевъ, какъ закатъ сентябрьскаго солнца, озаряетъ конецъ бретонскаго отшельничества мягкимъ, унылымъ свѣтомъ. Это пятилѣтіе можно было назвать блаженствомъ въ такой бурной жизни. Голіаеъ забился въ невѣдомую врагамъ берлогу. Его охраняло сочувствіе сильныхъ міра—герцога бургундскаго, графа Шампанскаго, самихъ министровъ короля. Его возросшіе ученики занимали высокіе посты въ церкви, въ школѣ и литературѣ: они благотворно вліяли даже въ папской куріи. Душа мученика нашла истиннаго утѣшителя въ женскихъ сердцахъ Параклета, расцвѣтавшаго не по днямъ, а по часамъ. Силы учителя крѣпли: тогда-то частью были созданы, частью получили послѣднюю отдѣлку его главныя сочиненія.

А онъ, мятежный, просить бури...

Развѣ могли молчать воскресавшія силы личности, каждый шагъ которой имѣлъ мировое значеніе? И гармонія бретонскаго уединенія разрѣшилась рѣзкимъ аккордомъ на весь свѣтъ. „Исторія моихъ бѣдствій“ была смиреніемъ паче гордости: то была перчатка, брошенная Голіаеомъ пигмеямъ. Она повѣдала міру о великомъ преступленіи предъ челоуѣчностью и прогрессомъ. Страшилище для старины, пошлости и мракобѣсія выходило изъ подполья. Въ 1136-мъ году Абельяръ уже опять гремѣлъ съ каеэдры на холмѣ св. Женевьевы.

Мы не знаемъ, какъ это случилось: съ прекращеніемъ переписки, біографія нашего героя становится затруднительной. Мы видимъ только, что Голіаеъ воскресъ не для покаянія, а для продолженія старой борьбы. Онъ проповѣдуетъ то же самое, что было сожжено въ Суассонѣ: нѣкоторыя его вещи съ трудомъ добывались учениками и поглощались съ особой жадностью, какъ запретный плодъ.

И передъ нами безсмертный виртуозъ каеэдры: 57-лѣтняго профессора сопровождалъ прежній успѣхъ. Онъ сохранилъ всю силу обаянія на учащуюся молодежь: „одинъ восторгъ

для всѣхъ!“ говорилъ о немъ 26-лѣтній Іоаннъ Сольсбери, прибывшій изъ Англіи внимать истинѣ у ногъ знаменитости. Его книги придавали ему новую силу. „А Петръ Абелярь—говорить Бернаръ—опять учить, опять пишетъ свои новшества. И книги его переходятъ за моря, перепрыгиваютъ Альпы, разносятся по провинціямъ и царствамъ. Да что! Говорятъ, онѣ въ силѣ въ римской куріи“. И знаменитый святитель прибавляетъ: „Съ виду Іоаннъ, въ душѣ Иродъ, онъ вновь открываетъ старые водоемы и засыпанныя топи еретиковъ, чтобы вола и ослы падали туда. Изъ своей бретонской норы выползла свернувшаяся змѣя; и, какъ у гидры, на мѣсто одной срубленной головы у нея вырастаютъ семь новыхъ“.

Началась открытая борьба двухъ великановъ 12-го вѣка, вѣрнѣе—одинъ изъ отрывковъ вѣчной тяжбы двухъ началъ жизни, гдѣ побѣда опредѣляется требованіями времени. „Авторитетъ“, церковная вѣра, принудительность выступили противъ „разума“, критики, свободы мысли. Исторія, вождѣнія толпы взывали къ сердцу, тѣсный кружокъ просвѣтителей оборонялъ умъ. Воплощеніе зарождавшейся мистики должно было побѣдить Голіаѳа рачіонализма. Нужды нѣтъ, что и Абелярь былъ тогда уже истиннымъ монахомъ: у него была только вѣра, а требовалась догма. У него аскетизмъ былъ привить обстоятельствами, а у Бернара онъ былъ врожденнымъ свойствомъ. Абелярь не переставалъ требовать разсужденій и орудовать діалектикой. Онъ твердилъ, какъ Соломонъ: „кто легковѣренъ, тотъ легкомысленъ“. Бернаръ же все вспоминалъ слова пророка: „Не увѣруете—не поймете“. И онъ возненавидѣлъ діалектику, которая, „какъ ядъ“, отравляла воздухъ, всюду подымая споры о тайнахъ святыни, особенно среди задорной молодежи.

Неизбѣжно долженъ былъ разразиться бой, и смертный. Это уже не борьба учителей изъ зависти, изъ-за куска хлѣба, какъ было въ Суассонѣ: за двадцать лѣтъ новая потребность исторіи созрѣла до непобѣдимаго вождѣнія. А Бернаръ набилъ руку въ своемъ ремеслѣ. Онъ уже

изловилъ нѣсколько сошекъ рационализма или просто непочтенія, возводя ихъ въ званіе „еретиковъ“: теперь его увлекла слава захватить въ свои сѣти самого Голіаѳа. Онъ взялся за дѣло съ такой яростью, что „даже современники, а отчасти и сами поклонники его, смотрѣли на это зрѣлище, покачивая головами“, говоритъ профессоръ Гаусратъ (19).

Великій духовидецъ уже давно добирался до „Голіаѳа“ діалектики (это—его слово), но никогда не вступалъ въ открытый споръ, боясь именно его діалектики и учености. Онъ не смѣлъ и касаться его философіи и литературы, гдѣ ему была бы пожива получше, чѣмъ въ теологіи вѣрующаго Абеяра. Бернаръ только выслѣживалъ „еретика“ подспудно, особенно съ тѣхъ поръ какъ тотъ намекнулъ въ своихъ проповѣдяхъ на чудодѣянія его друга, Норбера, и на несообразности службы въ Клерво, а въ „Исторіи бѣдствій“ указалъ, хотя и безымянно, на его подвиги въ Суассонѣ. Бернаръ началъ писать, тоже безымянно, къ іерархамъ насчетъ „вреднаго лжеучителя“, а его друзья называли даже послѣдняго „негрмантомъ и слугой демона“. Онъ придирался къ Элоизѣ за то, что у нея одно слово въ „Отче нашъ“ читаютъ невѣрно. А она читала по Абеяру, который тотчасъ же самъ отписалъ Бернару, защищая „духовный“ хлѣбъ противъ „наущнаго“. И искренняя Элоиза назвала слишкомъ ретиваго цистерціанца „лжеапостоломъ“ (гл. IV).

А тутъ эти книги, книги Абеяра, да еще лекціи! „Его ядовитыя книги—писалъ елейный аббатъ изъ Клерво уже до самого Рима—не лежатъ спокойно на полкахъ. Нѣтъ, ихъ читаютъ на перекресткахъ! Онѣ снабжены крыльями. Онѣ наполняютъ города и замки, вмѣсто свѣта, мракомъ, вмѣсто меда—ядомъ или, вѣрнѣе, ядомъ въ меду. Сочиненія его странствуютъ отъ народа къ народу, изъ царства въ царство“. Пріятели прибавляли: „Онѣ своими болтливыми учениками напустили на Францію египетскую казнь квакающими жабами“. Это—какой-то сынъ египтянина и жидовки, гигантъ, титанъ, гидра, Прометей! Это—просто „Абойларъ, (aboyer)—песъ, лающій на небеса!“ кричали они. „Нѣтъ,

это—пчела (abeille), направляющая свое жало противъ Господа“—поправлялъ ихъ Бернаръ.

Затѣмъ пошли письма къ Абеляру, дружески предостерегавшія его: то были произведенія, ребяческія по содержанию, но уже намекавшія на костеръ. И, вѣроятно, они уже произвели свое дѣйствіе: Абеляръ и года не пробылъ въ Парижѣ; онъ опять года три гдѣ-то скитался, кажется, въ Шартрѣ.

Наконецъ, самъ орелъ мистики спустился на свою жертву. Пьеса была разыграна по нотамъ. Одинъ пріятель Бернара прислалъ ему безымянный, имъ же написанный, доносъ, гдѣ богословіе Абеляра изобличалось, въ 13-ти пунктахъ, какъ ереси Арія, Несторія и Пелагія. Прибавлялось, что есть книжки, конечно еще болѣе ужасныя, да „онѣ такъ боятся свѣта, что ихъ не достать“. На этомъ основаніи, Бернаръ закидалъ кардиналовъ посланіями, гдѣ описывалъ всѣ ужасы новой ереси и взывалъ къ папѣ: „Опясывайся мечомъ, ибо человѣческій разумъ похищаетъ все, ничего не оставляя вѣрѣ!“

Пошли и новыя письма къ Абеляру, указывавшія особенно на его неосторожныхъ учениковъ. А среди учениковъ очутился Арнольдъ Брешнянскій, заклятой врагъ папской тирани и стяжательствъ владыкъ, уже изгнанный соборомъ изъ Италіи за ревностное примѣненіе „Этики“ Абеляра. Пылкій, рѣшительный, правдивый „оруженосецъ Голіаѳа“ вскипѣлъ и поджегъ своего колебавшагося учителя. Абеляръ потребовалъ собора для очной ставки съ своими клеветниками.

Блестящій соборъ состоялся въ 1140 году, въ Санѣ (20). Тутъ былъ самъ набожный король Людовикъ VII, привлеченный новыми мощами, и много владыкъ—все друзей Бернара. Самъ Бернаръ отказался отъ диспута: „Я—мальчикъ въ сравненіи съ такимъ сильнымъ бойцомъ“, признался онъ со слезами. Да и не мое-де это дѣло: ересь налицо; „св. Духъ самъ внушить“. Толпа тоже была подготовлена, какъ въ Суассонѣ. Когда въ Санѣ вступилъ Бернаръ, одинокій, больной, согбенный, съ опущенными глазами, въ грубой рясѣ монаха изъ Клерво, народъ падалъ на колѣна и подстав-

ляль лбы для благословенія чудодѣйственной руки. Когда вошелъ Абеляръ, высокій молодчина, съ гордо поднятой красивой головой, окруженный учениками, толпа отстранялась съ ужасомъ или отвращеніемъ.

Наканунѣ собора, у хозяина города, архіепископа, былъ пирь, на которомъ заготовили приговоръ по 17-ти пунктамъ еретичества. Абеляръ узналъ объ этомъ и поразилъ всѣхъ. Когда, на другой день, Бернаръ началъ читать, на соборѣ, эти пункты, онъ вдругъ остановилъ его словами: „Не желаю ничего слушать: признаю одного только судью—римскаго первосвященника“. Голиаеъ тихо удалился среди соборянъ, окаменѣвшихъ отъ изумленія (21).

Многіе кардиналы, да и самъ папа, были его учениками. Но Бернаръ опять закидалъ курію ужасными письмами насчетъ „еретика“ и уже грозилъ расправой съ самимъ Римомъ, въ случаѣ его измѣны Господу. И Иннокентій II рѣшилъ: писанія Абеяра сжечь, а его самого, „какъ еретика“, отлучить отъ церкви и „подвергнуть вѣчному молчанію“ (заточить въ монастырь); такъ же кстати поступить съ Арнольдомъ, котораго никто и не обвинялъ, кромѣ Бернара. Исполненіе приговора поручалось также обвинителю. Такую силу уже пріобрѣлъ тогда носитель средневѣковаго мистицизма!

Измученный Голиаеъ не могъ вынести такого удара. Его оруженосецъ гремѣлъ, въ его защиту, на холмѣ св. Женевьевы. Другой ученикъ, Беранжэ, издалъ талантливую апологію своего наставника, которая напоминаетъ письма Паскаля противъ иезуитовъ, а въ описаніи пира въ Санѣ даетъ предвкушать Мольера. Весь улей Голиаеа, съ Элоизой во главѣ, волновался и дѣйствовалъ на общество. Самъ же онъ успѣшилъ только излить свою наболѣвшую душу и тѣмъ косвенно поразить приговоръ собора въ письмѣ къ Элоизѣ; а въ рукахъ такой всѣми уважаемой силы это „Исповѣданіе вѣры“ могло имѣть общественное значеніе. Голиаеъ ослабѣлъ. Онъ медленно подвигался къ Риму. Застигнутый въ дорогѣ болѣзнью, онъ, ночью, остановился въ Клюни.

Его привела сюда смилостивившаяся судьба: она хотѣла,

должно быть, чтобы вѣрующая душа отлетѣла съ вѣрой въ людей. Въ Ключи Абеляръ нашелъ то, чего онъ былъ лишенъ всю жизнь—доброту. Эта маститная, преславная и пребогатая обитель мерцала свѣтлой точкой среди надвигавшагося мрака аскетическаго мистицизма: тутъ царствовали миръ, любовь къ наукамъ и искусствамъ, свѣтскость безъ ея пороковъ. Аббатъ Петръ назывался Достопочтеннымъ (Venerabilis) не за одно свое долготѣіе: то былъ милѣйшій Фенелонъ 12-го вѣка. Здравомысленный, мягкій, изящный, ученый старикъ жилъ съ простотой истиннаго христіанина. Съ какой-то рыцарственностью онъ вѣжливо, но твердо отстаивалъ человѣчность передъ изувѣрствомъ „внучки“ (22). Онъ писалъ Бернару: „Какъ это вы исполняете такіе тяжелые обѣты, какъ посты, бдѣнія, муки, а не можете выносить такой легкой обязанности, какъ любовь христіанская!“ Читатель познакомится съ этой чистой душой гордаго Ключи изъ письма Петра къ Элоизѣ (глава VIII).

Съ помощью Петра, произошло примиреніе, послѣ того какъ Абеляръ съѣздилъ въ Клерво и издалъ новое исповѣданіе вѣры. Бернаръ уже видѣлъ ясно, что общественное мнѣніе становится противъ него: онъ „простилъ“ соперника, хотя тотъ ничего не уступилъ по существу. Абеляръ же былъ уже другой: исчезъ былой задоръ, надменность, насмѣшливость, нетерпимость къ возраженіямъ; сохранились только обворожительное обхожденіе, умѣнье находить общія точки зрѣнія, руководить разговоромъ.

Римъ, который неохотно, только ради Бернара, осудилъ Голаіаа, согласился теперь на просьбу Петра оставить его въ Ключи, „какъ воробья или горленку въ гнѣздѣ“. Да, Голаіаа-то уже не было: передъ нами горленка съ перебитыми крыльями. Ему оставалось и жить-то всего года два. Абеляръ руководилъ научными занятіями братіи, а больше молчалъ, молился, читалъ. Но онъ остался вѣренъ тому разуму, которому служилъ всю жизнь, и котораго ужъ не помрачали никакія страсти. Его апологія оправданіе, дошедшая до насъ въ отрывкахъ, гласитъ краснорѣчиво: „я неповиненъ; не

судите, да не судимы будете“. Его послѣднею задачей было создать учебникъ діалектики, и какой! „Въ немъ—говорить онъ—я далъ свободный полетъ моему духу, ибо послѣдній день моей жизни положить конецъ ненависти, которая лежала поперекъ дороги моимъ сочиненіямъ“. Послѣдними строками Голиава мысли было восхваленіе науки: „Всякое знаніе хорошо, даже знаніе зла, ибо безъ него нельзя быть праведникомъ. И если-бы знаніе было зломъ, то какъ же Богъ могъ бы быть свободенъ отъ злобы?“

Въ свободные отъ работы надъ учебникомъ часы Абельяръ, хотя „старшой“, но одѣтый въ самую жалкую ряску, шагаль одиноко, съ опущеннымъ челомъ, по безконечнымъ корридорамъ роскошнаго монастыря. Онъ думаль конечно объ исторіи своихъ бѣдствій. Потомкамъ показывали, въ концѣ одной аллеи обители, огромную старую липу: подъ ея тѣнью любилъ сидѣть „братъ Петръ“, вглядываясь въ дорогу среди луговъ и лѣсовъ, которая вела въ Параклетъ...

Между тѣмъ все мучительнѣе становилась застарѣлая короста. Аббатъ Петръ послаль страдальца, въ 1142 году, въ другой свой монастырь, Сен-Марсель, у Шалона на Сонѣ, въ самый здоровый и ласковый уголокъ Бургундіи. Тамъ Абельяръ опять безотрывочно молился, читаль, диктоваль. Вдругъ его силы пали. Однимъ яснымъ апрѣльскимъ утромъ онъ созваль братію, совершилъ, у нея на глазахъ, всѣ предсмертные обряды и тихо скончался, 63-хъ лѣтъ отъ роду. Братія положила его останки въ гробъ, грубо высѣченный изъ цѣльнаго камня. Гробъ она поставила въ часовенкѣ своей убогой обители.

VI. Вѣрная и великая до гроба.

Элоизѣ было тогда около 42-хъ лѣтъ. При ея образцовомъ крѣпкомъ сложеніи, это была женщина въ цвѣтѣ силъ; а такія сильныя, созданныя для жизненнаго подвига, души не налагають на себя рукъ. Уже безъ всякаго намека на личную жизнь, безъ самага блѣднаго луча надежды, промыта-

рилась она еще лѣтъ двадцать съ тѣхъ поръ, какъ остылъ прахъ ея „единственнаго“.

Мы почти ничего не знаемъ объ этихъ годахъ ея прозябанія. Да и не нужно знать: мы знаемъ ее самое. Элоиза— одна изъ тѣхъ цѣльныхъ, вѣрныхъ себѣ натуръ, изъ тѣхъ „однолюбовъ“, путь которыхъ мы можемъ начертать безошибочно безъ всякихъ документовъ исторіи. Довольно немногихъ отрывочныхъ черточекъ, сохранившихся, какъ дивное завѣщаніе потомству, чтобы и Θомы, не вѣрующіе въ чело- вѣческое достоинство, признали, что этотъ путь былъ усѣянъ цвѣтами любви, добра и чести.

Прежде всего нужно было покончить съ замогильнымъ долгомъ любви. Элоиза сочинила, въ подражаніе псалмамъ Абеяра, похоронный гимнъ. Сначала хоръ монахинь исполняетъ „Со святыми упокой“. Потомъ сама аббатисса запѣваетъ: „Съ тобой сплетена моя судьба, съ тобой упокоюсь бо- лѣзная и вступлю въ Сионъ! Разрѣши крестъ! Веди къ свѣту омраченную душу!“ Въ отвѣтъ слышится ангельская арфа и хоръ: „Они просили слиться съ небожителями: они вошли въ святилище Спаса. Пусть же почіютъ отъ трудовъ и отъ плачевной любви—

Requiescant a labore,
Doloroso et amore.

По смерти Элоизы, параклетки, въ каждый Троицынъ день, прибавляли еще службу на греческомъ языкѣ, въ честь учености своей первой аббатиссы.

Но Элоизѣ хотѣлось пѣть свой гимнъ надъ самимъ прахомъ своего „единственнаго“. Она тотчасъ же послала, съ однимъ ключникомъ, письмо къ Петру Достопочтенному, очевидно желая знать о концѣ жизни покинувшего ее друга и умоляя его уступить ей его прахъ. Это видно изъ отвѣта ключникаго аббата. Принявъ въ расчетъ церковное положеніе обоихъ Петровъ, мертваго и живаго, должно сказать, что добрый аббатъ совершилъ цѣлый подвигъ любви. Тайкомъ отъ монаховъ Сен-Марсея, ночью, онъ увезъ тѣло Абеяра

въ Параклетъ и тамъ открыто принялъ „еретика“ въ лоно церкви. Онъ самъ похоронилъ его. Онъ даже далъ отпущеніе грѣховъ покойнику, за печатью Ключи: объ этомъ просила его Элоиза. По обычаю того времени, она повѣсила священный пергаментъ надъ гробницей, которую сама устроила мужу въ склепѣ той первозданной часовеньки, что послужила основаніемъ Параклету.

Трогательны эти сношенія Параклета съ Ключи—отрадный идеаль благороднаго, просвѣщеннаго монашества. Передъ нами словно мерцаетъ отблескъ великой любви страдальцевъ. Съ той минуты, какъ Абельяръ попалъ въ Ключи, Элоиза не спускала нѣжнаго взора съ добраго аббата, съ этой родственной души. Она посылала ему запросы о мужѣ и подарки—рукодѣля сестеръ. А его чувство лучше всего вылилось въ печатаемомъ нами письмѣ къ Элоизѣ⁽²³⁾: и по духу, и по литературной формѣ, это—плодъ той же горней сферы, въ которой создалась переписка друзей аббата. И въ немъ сквозитъ что-то болѣе теплое, чѣмъ христіанская любовь монаха-добряка. Это что-то замѣтно даже въ записочкѣ, которую отвѣчалъ Петръ, съ годъ спустя, на новое письмо изъ Параклета.

Дѣло было такъ. Элоиза просила прислать ей пергаменты и на отпущеніе грѣховъ покойнику, и на обѣщанный ей сорокоустъ въ Ключи, когда она закроетъ глаза. Она говорила, вспоминая посѣщеніе аббата: „Другіе скажутъ, что принесло имъ присутствіе вашего преподобія? Я же не въ силахъ не только сказать, но даже обнять мыслью все благодѣяніе, всю сладость вашего посѣщенія. И ваше преподобное смиреніе не гнушается давать имя сестры мнѣ, которая недостойна называться вашей служанкой“. А онъ съ волненіемъ вспоминалъ „объ искреннемъ благожелательствѣ“ при его приѣмѣ. Онъ просилъ: „Молю Небо, чтобы это чувство не покидало меня! Не забывайте меня, молитесь за мою душу. Я же, взамѣнъ, даю благожелательство, на какое только способенъ. Вѣдь, задолго до нашего свиданія, а особенно потомъ, въ глубинѣ моего сердца хра-

нится для васъ любовь—чистая, твердая, достойная васъ“. Петръ обѣщаль сдѣлать все и для ея сына: „Астралябій нашъ, ибо онъ вашъ!“ воскликнулъ онъ.

Для своего сына Элоиза могла сдѣлать только одно: она просила аббата пристроить его, добыть ему какую-нибудь „пребенду“ (24). Она обращалась съ тѣмъ же къ Бернару, чтобы онъ переслалъ ея челобитную въ Римъ. Бернаръ послалъ бумагу, куда слѣдуетъ, съ жестокой припиской: „можете исполнить ее, если сочтете достойной“. Астралябій былъ тогда 25-лѣтнимъ юношей. Онъ воспитывался сначала у тетки, въ Бретани, потомъ въ какомъ-то монастырѣ. Онъ пошелъ по слѣдамъ отца. Абеляръ сопровождалъ благословеніями юнаго ученаго, во время переписки съ матерью, когда тому было лѣтъ 16. Это — лучшее изъ его стихотвореній. Здѣсь въ двухъ словахъ вся „Этика“ Гоіаѳа. Отецъ внушалъ „сладоcти своей жизни“: „Больше учись, чѣмъ поучай, и не спѣши съ незрѣлыми трудами. Но не слѣдуй слѣпо за учителями: учи только тому, во чтò самъ вѣришь. А вѣра приходитъ не чрезъ насиліе, но чрезъ разумъ. Обуздывай себя, особенно въ счастья. Читай больше всего Св. Писаніе“.

Лѣтъ десять спустя по смерти Абеяра, на его родинѣ, въ Нантѣ, подлѣ его брата-каноника, жилъ и каноникъ Астралябій. Въ поминаньѣ Параклета отмѣчено, что онъ скончался вскорѣ послѣ матери, 45-ти лѣтъ.

Элоизѣ приходилось служить не своимъ приснымъ, а общему дѣлу. Она работала на церковь; она показывалась только Богу, Которому никогда не отдавалась. Эта цвѣтущая женщина съ величавымъ самообладаніемъ избѣгала міра. Она не склонялась передъ нимъ, не заискивала у него. Не въ примѣръ Абеяру, Элоиза была тверда, какъ скала: ни на іоту не отступала она отъ завѣтовъ мужа-учителя и открыто прилагала его мысли къ жизни своего Параклета; она даже сберегла каменную Троицу, надѣлавшую столько хлопотъ покойному. Но ея обаяніе дѣйствовало на міръ, какъ электричество на разстояніи. Изъ всѣхъ современныхъ ей свидѣтельствъ ясно, что даже враги не могли

относиться къ ней безъ уваженія, иногда даже безъ изумленія. Самъ Бернаръ не смѣлъ трогать ее: цари монастырей, Ключи и Клерво, склонялись передъ царицей монахинь.

Вообще же „епископы любили ее, какъ дочь, аббаты — какъ сестру, міряне — какъ мать“. Всякій старался помочь ей, одарялъ ея милую обитель. Въ ризницѣ Параклета хранился даже десятокъ буллъ и грамотъ разныхъ папъ. Онѣ признавали столько мучившее Абеяра имя обители, объявляли ее „неприкосновенной“, подѣ страхомъ отлученія, уступали ей земли и разныя льготы; а начальнику онѣ возводили сначала въ санъ „пріорши“, старшой, потомъ—аббатиссы. Элоиза же оказалась еще смѣтливой хозяйкой. И Параклетъ, этотъ муравейникъ жалкихъ хижинъ при Абеярѣ, сталъ неузнаваемъ тотчасъ послѣ 1130 года, когда поселились тамъ изгнанныя аржантэйльки. Вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ монастырей Франціи, по богатству такъ же, какъ и по внутреннему достоинству и славѣ.

Эта слава сіяла надъ красивой головкой Элоизы до самаго конца. Всѣ безъ зависти читали посланія и стихи къ ней одного поэта, который, не зная ея лично, называлъ ее „вѣздой Діаны“, которая такъ же „превосходила свой полъ“, какъ ея перо затмевало „перья докторовъ“. Но лучшимъ аттестатомъ духовной прелести „аббатиссы-жены“ (nupta)—какъ называли Элоизу безъ имени — было знакомое намъ посланіе Петра Достопочтеннаго, гдѣ вся ключійская братія призываетъ Девору, съ ея сестрами, поселиться поближе, въ ихъ прекрасной женской обители. А лучшей надгробной надписью Элоизѣ служатъ слова Абеяра въ письмѣ къ сыну: „Нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, какъ хорошая жена“.

Такъ, удивительныя половинки оставались неразрывными духовно, вопреки судьбѣ-разлучницѣ. Потомство почтило эту связь, соединивъ ихъ кости. Когда скончалась Элоиза, въ 1163 году, однихъ лѣтъ съ Абеяромъ, прахъ ея положили въ томъ же склепѣ, только въ своемъ гробу. Болѣе трехъ вѣковъ спустя (1497), гробы были перенесены въ новую богатую церковь Параклета, а потомъ 23-я аббатисса

сложила ихъ кости вмѣстѣ, раздѣливъ только свинцовой доской. Прошло еще три вѣка (1794),—и якобинцы, которымъ очевидно не являлась тѣнь Бернара, опустошили Параклетъ, даже разбили каменную Троицу, какъ „суевѣріе“. Но они не тронули завѣтной гробницы: какъ извѣстно, новые рационалисты были „сентиментальны“, нервно-чувствительны.

19-й вѣкъ начался великимъ консульствомъ—и Наполеонъ I тотчасъ приказалъ привезти святыню ума въ столицу Франціи. Изъ тщательнаго протокола видно, что кости сохранились прекрасно. Художникъ Ленуаръ сдѣлалъ маски по черепамъ, послужившія основой ходячимъ портретамъ. Въ это время обитель Сен-Марселя продавалась съ торговь, какъ „національное имущество“. Мѣстный медикъ купилъ каменный гробъ, гдѣ впервые покоился прахъ Абеяра, и доставилъ его въ Парижъ. Ленуаръ сложилъ въ него кости, а самый гробъ заключилъ въ часовеньку затѣйливаго готическаго стиля, которую устроилъ изъ остаткоѣ Параклета. Художникъ поставилъ это сооруженіе въ свой музей. Въ 1817 году оно было перенесено на кладбище Отца Ляшеза, гдѣ стоитъ и теперь. На часовенькѣ вырѣзали имена Абеяра и Элоизы и прибавили по-гречески: „Навѣки соединенные“.

VII. Колумбъ схоластики.

Чтобы понять Абеяра, какъ философа и богослова, мы выдѣляемъ эти вопросы въ двѣ особыя главки. Только этимъ путемъ читатель, ничѣмъ не развлекаемый, легко проберется черезъ дебри средневѣковой діалектики, которыя страшны только съ виду, благодаря мудренымъ терминамъ, а въ сущности просты и древни, какъ міръ.

Умоначертаніе людей 12-го столѣтія непостижимо безъ связи съ началомъ средневѣковья. Припомнивъ начало этого Введенія, читатель пойметъ въ чемъ дѣло. Мы видѣли, что предъ рожденіемъ Абеяра. Эригена попалъ уже въ разрядъ „еретиковъ“. Вѣкъ Григорія VII становился гонителемъ по-

слѣднихъ слѣдовъ классицизма: церковность совсѣмъ брала верхъ надъ свѣтскостью, богословіе—надъ наукой. Явился отецъ *теологии*, Ансельмъ кентерберійскій. Онъ тоже спалъ и видѣлъ, какъ бы ввести философію, т. е. ея приемы, въ ученіе о Божествѣ, но пошелъ путемъ, противоположнымъ Эригенѣ.

Положивъ жизнь на защиту невидимаго міра, Ансельмъ содѣйствовалъ уясненію основнаго вопроса схоластики—что такое „универсаліи“, общія понятія, или „роды и виды вещей“ (*genera et species*)? Конечно онъ, увлекаясь Платономъ, утверждалъ, что понятія существуютъ внѣ нашего ума (*extra animam*), „реально“ (*universalia sunt realia*) и независимо отъ видимаго міра, которому они предшествуютъ (*ante rem*). Этотъ крайне идеалистическій взглядъ и назвали *реализмомъ*.

Но аристотелевскій раціонализмъ Эригены не пропалъ даромъ. Французъ Росцеллинъ объявилъ, что понятія—простые звуки (*voces*) или „названія“ (*nomina*), приложенныя къ предметамъ (*post rem*), существующія лишь въ нашемъ умѣ (*in anima*): это ученіе, понынѣшнему крайне реалистическое, назвали *номинализмомъ*. Возникъ первообразъ борьбы Бернара съ Абеяромъ. Ансельмъ добился того, что Росцеллинъ бѣгалъ изъ страны въ страну и потомъ отрекся отъ своего ученія на соборѣ 1092 года. Онъ даже донесъ на собственнаго ученика, Абеяра, какъ на еретика.

Преемникомъ Ансельма сталъ знаменитый схоластикъ—парижскій профессоръ, другъ Бернара, Вильгельмъ Шампд. Онъ уже довель реализмъ своего учителя и поклоненіе Платону до крайности: по его мнѣнію, весь міръ—призракъ, и понятія могутъ существовать безъ предметовъ. Это невольнo вызывало протестъ: выступилъ Абеяръ.

Философскій путь Абеяра былъ предначертанъ исторіей. Когда насталъ „мракъ“ средневѣковья, подъ вліяніемъ мистическаго настроенія, нужно было, прежде всего, учиться мыслить, рассуждать. Изъ отцовъ мысли тутъ наставникомъ могъ быть только Аристотель: Платонъ, котораго почти не знали, могъ служить только къ развитію мистицизма. Къ тому же вель случай. Аристотеля знали не по однимъ ла-

тинскимъ отрывкамъ да по намекамъ и ссылкамъ у бездарныхъ „гlossаторовъ“ и „комментаторовъ“ или толковниковъ: его „Органонъ“ былъ переведенъ, въ 5-мъ вѣкѣ, Боэціемъ на латинскій языкъ. Немудрено, что онъ заполонилъ умы, сталъ какъ бы символомъ науки вообще.

А это-то и требовалось: „Органонъ“—логика, наука мыслить. Въ описываемое время эту науку называли *діалектикой*, разумѣя логику прикладную или аристотелево „искусство упражненія“: такъ и Абеляръ назвалъ свое основное философское сочиненіе. Это—не сама философія, а методъ, орудіе разсужденія, примѣняемое къ любому предмету: Абеляръ и считалъ діалектику наукамъ наукой, вождемъ всей науки (*dux universae scientiae*), „единственной наукой“. И у такого ума она могла стать орудіемъ всякаго знанія: въ рукахъ у него были только двѣ изъ шести главъ „Органона“ Аристотеля, и не въ подлинникѣ; а онъ геніально догадался о многомъ, чего тамъ не было. Его справедливо прозвали перипатетикомъ. Онъ схватилъ быка за рога, положивъ въ основу своей „Діалектики“ сомнѣніе и свободомысліе.

Но разъ діалектика была „вся наука“, то въ ней неизбѣжно должны были отразиться два вѣковѣчныя начала мышленія, такъ картинно изображенныя Рафаэлемъ въ „Афинской Школѣ“. И здѣсь, какъ въ древности, Платонъ указывалъ на небо, Аристотель—на землю. Мы видѣли, что когда выступалъ Абеляръ, роль перваго игралъ реалистъ Шампо, втораго — номиналистъ Росцеллинъ. Шампо зарвался до того, что объявилъ существующими одни только универсалии: сами предметы и особи были, въ его глазахъ, лишь „случайностями“ (*accidentia*). Такъ у Платона видимый міръ былъ лишь воплощеніемъ идей.

На это-то и ополчился здравый смыслъ Абеляра, какъ онъ самъ рассказываетъ въ своей „Исторіи бѣдствій“. Онъ сокрушилъ „столбъ докторовъ“ одною насмѣшкой. Если, сказалъ онъ, человѣчество реально, а каждый человѣкъ лишь его случайность, то, стало быть, оно въ одно время воплощается во всякомъ человѣкѣ: оно—съ Платономъ въ Римѣ и съ

Сократомъ въ Афинахъ; съ другой стороны, когда Платонъ въ Римѣ, значить и Сократъ тамъ.

Стало быть, Абеляръ—номиналистъ? Конечно.

Но честолюбивый, своеобразный, чужавшій свои силы юный геній схоластики не желалъ играть роль оруженосца Росцеллина: ему самому хотѣлось быть рыцаремъ, да еще первымъ въ свѣтѣ. Онъ провозгласилъ новое ученіе — *концептуализмъ*. Побивая обоихъ своихъ учителей, онъ объявилъ, что универсаліи—и не реальности, и не одни названія: это—нѣчто, существующее не отдѣльно, а „въ самихъ вещахъ“ (in re). Абеляръ назвалъ это нѣчто „концептомъ (conceptus)“ или понятіемъ. Вѣдь, иначе, разъ мы не можемъ обойтись безъ универсалій, ими стали бы особи, т. е. часть равнялась бы цѣлому; универсаліи являются, когда мы „понимаемъ“ общія черты особей, какъ нѣчто единое, какъ собирательную особь.

Концептуализмъ не имѣлъ прочнаго значенія, какъ новое философское ученіе. Ясно, что это — натяжка изъ тщеславія, а отчасти, быть можетъ, и изъ страха сразу испытать печальную участь Росцеллина. Это—не больше, какъ прикрытый номинализмъ. Вотъ слова самого Абеяра, которыя мы приводимъ также и какъ образецъ его изложенія. Онъ тогда же писалъ, въ отвѣтъ „невѣждамъ въ діалектикѣ“, принимавшимъ „его догмы за софизмы“:

„Боже мой! Да, вѣдь, это—старая басня о лисицѣ и виноградѣ. Такъ, иные наши доктора, для которыхъ діалектика недосыгаема, называютъ ее обманомъ: для нихъ все непонятное—глупость, все недоступное—бредъ. Если вѣрять имъ, они опираются на св. Писаніе. О, сколько святыхъ докторовъ восхваляли эту науку, ими же оскорбляемую! Вѣдь, не трудно указать имъ мѣста у св. отцовъ, гдѣ діалектика признается необходимой для пониманія, для изъясненія св. Писанія. Августинъ, самъ Іеронимъ обращаются къ ней за рѣшеніемъ богословскихъ задачъ. Что такое еретики, если не софисты? И какъ мы пристыдимъ ихъ, если не будемъ сами діалектиками? Только такъ мы и окажемся учениками Христа. Вѣдь, какъ называетъ его Евангеліе? Развѣ не разумомъ, не воплощеннымъ Словомъ, „свѣтомъ въ потемкахъ“, тѣмъ началомъ, гре-

ческое имя котораго послужило названіемъ логикѣ? Если Христа зачастую называли „софіей“, мудростью, если онъ—Слово (Logos), о которомъ говорятъ и Платонъ, и св. Іоаннъ, то друзья мудрости, „философы“, ученики Слова или „логики“, суть самые ревностные хрістіане. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ они не ищутъ, не призываютъ тѣхъ даровъ, которые были ниспосланы Св. Духомъ въ видѣ огненныхъ языковъ, т. е. слова, разумѣнія и любви? Наконецъ, самъ Господь нашъ не пренебрегалъ оружіемъ разсужденій, чтобы убѣждать евреевъ. Онъ не всегда доказывалъ вѣру чудесами: онъ тоже прибѣгалъ къ силѣ разума. Его божественный примѣръ учить насъ, что мы-то, лишенные чудесъ, должны бороться только словомъ, должны только имъ убѣждать тѣхъ, кто ищетъ мудрости, какъ греки временъ св. Павла. И, для умѣющихъ судить, разумъ важнѣе чудесъ, которыя, вѣдь, можно приписывать и адской силѣ. Если ошибки проскользаютъ въ сужденіи, то именно когда не знаешь искусства доказательствъ. Стало быть, нужно предаваться изученію логики, которая все проникаетъ, даже священные предметы“.

„Діалектика“ Абеяра—несомнѣнно Аристотель, только въ схоластической мантии. Это окончательно видно изъ его еще болѣе своеобразнаго учебника логики—*О родахъ и видахъ* (De generibus et speciebus), гдѣ собственно изложенъ концептуализмъ. Послѣдній естественно такъ занималъ своего автора, что именно „концептамъ“ посвященъ особый трактатецъ. *О понятіяхъ* (De intellectibus). Эта работка намекаетъ на психологію, которой, въ сущности, не было въ средніе вѣка. Тутъ Абеяръ даетъ пять „страстей (способностей) души“, какъ у Аристотеля. Онъ выводитъ „всякое познаніе“ изъ чувственнаго воспріятія (sensus); но разсуждать, составлять концепты, и даже о невидимыхъ вещахъ, могутъ только существа, одаренныя разумомъ (ratio), который—то же, что душа (animus). Воображеніе (imaginatio) есть воспоминаніе чувствъ, т. е. то же, что воспріятіе, но только по отношенію къ предметамъ отсутствующимъ. Ясно, что этихъ двухъ способностей-близнецовъ, связанныхъ съ тѣлеснымъ міромъ, не можетъ быть у Бога. Наконецъ, душа обладаетъ еще вѣрой и наукой: о нихъ учебникъ не распространяется. Словомъ, тутъ Аристотель Боэція; но Абеяръ развилъ его болѣе строго и методично.

Хотя Абельяръ не оставилъ философской школы, заслуга его велика, какъ живаго наставника, привлекавшаго умы къ научному мышленію, какъ истолкователя логики Аристотеля.

Напрасно папство преслѣдовало его учениковъ: Арнольдъ брешьянскій былъ казненъ; изъ другихъ кто похоронилъ себя въ монастырѣ, кто погрязъ въ мірской суетѣ; болѣе счастливые перекочевали въ Монпелье и Салерно. Великій Стагирить, поддержанный арабами и евреями, дѣлалъ свое дѣло: въ 13-мъ вѣкѣ средоточіемъ рационализма сталъ даже орденъ францисканцевъ. Онъ далъ, въ 13—14 вѣкахъ, такихъ великановъ номинализма, какъ Дунсъ Скотъ и Оккамъ. У церкви оставалось одно средство—взять у врага его собственное оружіе. Около 1250 г. доминиканцы начали читать въ Парижѣ запретнаго Аристотеля съ благословенія папы. Его назвали „предтечей Христа“ и чуть не причислили къ лику святыхъ. Наконецъ, Тома аквинскій ввелъ его въ богословіе. Это случилось лѣтъ сто спустя по смерти Абельяра, который дѣлалъ то же. Въ противоположности работъ того и другого рѣзко сказалась разница временъ.

VIII. Сомнительный богословъ.

Тома только развилъ ученіе „отца богословія“, объявилъ философію „служанкой“ (ancilla) теологіи. Ансельмъ первый сказалъ: „вѣрую, чтобъ понимать“ (credo ut intelligam). Ученикъ гонимаго имъ Росцеллина сказалъ: „Изслѣдованіе (inquisitio)— вотъ ключъ къ мудрости. Черезъ сомнѣніе приходимъ къ изслѣдованію, а черезъ изслѣдованіе схватываемъ истину (это почти слова Кирилла александрійскаго). Ищите и обрящете; толцые и отверзятся. Для величайшаго христіанскаго философа, Оригена, нѣтъ тайнъ: онъ все объяснялъ! „Слѣдуя этому своему любимцу, и Абельяръ старался все объяснить приложеніемъ своей діалектики.

Это—цѣлая эпоха въ теологіи. До тѣхъ поръ богословы занимались лишь толкованіями Библии отъ св. отцовъ: ихъ

и называли „библейщиками“ (biblici) или „практиками“ (practici), ибо они только проповѣдовали свою вѣру, не мудрствуя лукаво. Это не удовлетворяло пытливаго Абеяра: онъ первый взялся толковать отъ разума, сличая критически одинакія мѣста въ Библии и постановляя свой приговоръ, высказывая свое мнѣніе, „сентенцію“ (25). Отсюда новая школа въ богословіи — мыслеобильные, „сентенціозные доктора“ (doctores sententiarum) или „теоретики“ (theoretici).

Началомъ ея должно считать весьма любопытную книжку Абеяра— *Да и Нѣтъ* (Sic et Non), свидѣтельствующую о глубокой учености новаго теолога. Это—собрание 1.800 противорѣчій въ Библии. До самаго 19-го вѣка (26) эта книжка служила какимъ-то пугаломъ: о ней говорили шопотомъ. Но виной тому было только ловкое названіе, напоминавшее знаменитыя „Пословицы“ Эразма и „почемъ я знаю (que sais-je)?“ Монтаня. Абеяръ не только не разрѣшалъ противорѣчій, но прямо желалъ помочь церкви устраненіемъ этого соблазна. Онъ указывалъ на вліяніе апокрифовъ или отреченныхъ, подложныхъ книгъ, а также на ошибки переписчиковъ.

Но конечно прискорбны были сами противорѣчія. Они казались, на примѣръ, такихъ вопросовъ: „Можно ли представлять Бога матеріально? Можетъ ли слово принять тѣло? Грѣшны ли дѣти? Справедливо ли самоубійство?“ и т. д. Въ то же время Абеяръ находилъ въ Библии слѣды античнаго антропоморфизма, осуждалъ аскетизмъ, высоко ставилъ древнихъ философовъ, считалъ даже нѣкоторыхъ изъ нихъ достойными канонизаціи: вѣдь, пользовались же ими даже апостолы! Ихъ естественная религія мѣстами казалась ему чуть не выше христіанства. Въ неконченной и написанной точно нашимъ языкомъ книжкѣ „Разговоръ между философомъ, евреемъ и христіаниномъ“, вышедшей тогда же, намъ говоритъ словно Натанъ Мудрый Лессинга, желающій устранить изъ религіи всѣ чувственныя представленія.

Впрочемъ враги будто и не знали этихъ книжекъ: они набросились на сочиненіе, повидимому самое невинное. То было *Введеніе въ теологію*. Нужды нѣтъ, что авторъ же-

лалъ „подавить ереси, которыми кишѣла Франція“. Книжка возбуждала сомнѣніе въ своей благонадежности уже тѣмъ, что студенты схватились за нее: вѣдь, то была сущность лекцій ихъ любимца, которыхъ они давно ждали. Затѣмъ тонкость и свобода сужденій, смѣлость постановки вопросовъ, критическій духъ діалектики или, какъ говорится въ „Исторіи бѣдствій“, „уподобленія человѣческаго разума“, — все это показалось завзятымъ церковникамъ слишкомъ свѣтскимъ.

Ктому же Введеніе конечно должно было взяться за „самую основу вѣрученія“ — за самое понятіе о Божествѣ: авторъ и назвалъ еще свою работу „О единствѣ и троичности“. А давно ли соборъ осудилъ за эту тему Росцеллина? Положимъ, Абельяръ тутъ выступилъ противъ своего учителя, впадавшаго почти въ тритеизмъ; но случилась другая бѣда. Онъ впалъ въ ересь „единства лица“ или въ сабеллизмъ, считая ипостаси лишь „аттрибутами“ (27). Носясь съ своей діалектикой и съ классиками, онъ дѣлалъ сравненіе съ тремя частями силлогизма и обращалъ св. Духа въ платоновскій Логось.

И совершилось по Писанію: „сами враги—наши судьи“. Соборъ въ Суассонѣ сжегъ „Введеніе“ (1121). А дѣло было не легкое. Самъ подсудимый доказалъ, что еретики-то—судьи, у которыхъ выходило такъ, что „отецъ можетъ быть своимъ собственнымъ сыномъ“. Главный изъ судей призналъ, что во „Введеніи“ не было „ничего, что походило бы на открытую ересь“. И вышелъ такой соблазнъ: Абельяра, возставшаго противъ Росцеллина, осудили за тотъ же номинализмъ, который сгубилъ Росцеллина; а потомъ, на соборѣ въ Санѣ, автора обвинили, за тѣ же книги, въ противоположной ереси!

То была двойная ошибка со стороны церкви. Осужденіе придало силу именно опаснымъ сторонамъ Абельяра и ослабило поддержку, которую всегда находила догма въ схоластикѣ. Человѣкъ вѣрующій, Абельяръ былъ самымъ разумомъ, протягивавшимъ руку вѣрѣ: онъ хотѣлъ именно подогнать вѣру къ схоластикѣ, чтобы „оградить ее отъ самой діалектики“.

Онъ говорилъ: „Не желаю быть Аристотелемъ, если это отдавить меня отъ Христа“. Но послѣ осужденія кто могъ вѣрить въ искренность такихъ заявленій? Не безъ основанія приписывали страху ту передѣлку „Введенія“, которую вскорѣ издалъ Абеляръ, подъ именемъ уже самой *Христіанской Теологіи*: здѣсь именно были выкинуты мѣста, осужденныя на соборѣ. И Абеляръ всячески старается опровергнуть и сабеллизмъ, и аріанство: онъ приводитъ даже примѣръ печати, воска и оттиска, сливающихся въ отпечатанномъ. Тѣмъ болѣе изумительно, что, двадцать лѣтъ спустя, Абеяра осудили на новомъ соборѣ и, главнымъ образомъ, опять за св. Троицу.

Впрочемъ, санскій соборъ уже былъ сознательнымъ походомъ противъ раціонализма вообще. Вѣдь, онъ былъ дѣломъ Бернара, т. е. мистики, этой теоріи стремленія непосредственно сливаться съ Богомъ, „по личному вдохновенію“, — стремленія до того сильнаго, что оно проявлялось даже у новыхъ еретиковъ, въ отпоръ формализму и обмірщенію церкви. Упиваясь Платономъ, котораго онъ зналъ только по Августина, Бернаръ сталъ „медоточивымъ (mellifluus) докторомъ“. Онъ училъ, что „нужно безмѣрно любить Бога“, углубляясь въ него „окомъ созерцанія“. Онъ проповѣдовалъ сладость „экстаза“ (excessus), т. е. выходненія духа изъ самого себя, буддійскаго самоосвобожденія отъ мышленія, этого высшаго „ученаго невѣжества“ (ignorantia docta). По словамъ профессора Гаусрата, онъ перетолковалъ, въ музыкальной лирикѣ своихъ проповѣдей, Пѣсню Пѣсней, какъ страстное обращеніе къ Христу, этому Жениху души, этому „меду въ устахъ, благозвучію въ ушахъ, ликующему гимну сердца“. Онъ научилъ братію, по кельямъ, простираться у креста, цѣловать раны Христа, обливать слезами Его пронзенныя ноги, въ прерывающейся, всхлипывающей рѣчи выражать избытокъ ощущеній.

Бернаръ всей душой возненавидѣлъ ученыхъ умниковъ. Онъ писалъ папѣ объ ихъ апостолѣ, заимствуя у него же діалектическіе обороты: „Ему угодно знать все, и надъ не-

бомъ, и подъ землей,—все, кромѣ святаго невѣжества. Онъ поднимаетъ лицо къ небу, испытуетъ глубину Божию и, возвращаясь къ намъ, приноситъ несказуемыя слова, которыхъ никто не дерзнетъ произнести. Готовый разсудить все, онъ мнитъ о вещахъ выше разума, вопреки разуму и вѣрѣ. Что можетъ быть противнѣе разуму, какъ не усиліе преодолѣть разумъ разумомъ? Что противнѣе вѣрѣ, какъ не отказываться отъ вѣры въ то, чего нельзя постигнуть разумомъ? Этотъ человѣкъ въ потѣ лица своего вѣчно гоняется за новшествами и, не находя ихъ, выдумываетъ небывальщину, какъ правду. Кто можетъ выносить это? Кто не заткнетъ себѣ ушей при богохульствахъ новаго Арія, Сабеллія, Пелагія?»

Бернаръ приходилъ въ ужасъ и отъ нравственнаго богословія своего противника. Оно было поистинѣ изумительно для того времени. Мы знаемъ его только изъ одной книжки—*Познай самого себя* (Scito te ipsum). Но основа вполне ясна. Недаромъ среди 14-ти пунктовъ обвиненія на санскомъ соборѣ 6 взяты изъ „Познай самого себя“; и недаромъ эта книжка были подпольной, какъ и „Да и Нѣтъ“. Смѣлость рационализма, исканіе новшествъ нигдѣ такъ не блещутъ у Абеяра: вѣдь, здѣсь дѣло касалось уже не философскихъ диспутовъ, а самой жизни, поведенія человѣка!

Книжка учила; „Грѣхъ—только слово. Онъ состоитъ не въ проступкѣ, а въ намѣреніи, въ злой волѣ. Въ своемъ возмездіи, Богъ судитъ скорѣе сердце, чѣмъ дѣяніе. Преступленіе невольное или по невѣденію не есть преступленіе: оттого Христосъ молилъ Господа простить распявшихъ его. Есть одинъ только грѣхъ—нарушеніе требованій собственной совѣсти“. Абеяръ до того настаиваетъ на намѣреніи, что даже доходитъ до іезуитскаго правила, что цѣль оправдываетъ средства. И онъ съ полной откровенностью указалъ на недостатки церковной практики возмездія, особенно исповѣди и отпущенія грѣховъ. Онъ отнимаетъ власть связывать и разрѣшать у дурныхъ владыкъ. Вотъ гдѣ сидѣлъ его ученикъ Арнольдъ брешьянскій! Онъ взялъ это положеніе въ основу своей церковной реформы и республики.

Ясно, что къ половинѣ 12-го столѣтія вполне сложились оба направленія средневѣковой мысли. Съ тѣхъ поръ уже можно было называть діалектику и мистику „тѣломъ и душой схоластики“. Не намъ судить, вѣрно ли это сравненіе, и кто былъ ближе къ сущности христіанства. Скажемъ только, въ заключеніе, что какъ бы ни грѣшилъ разумомъ, въ глазахъ современниковъ, великій перипатетикъ 12-го вѣка, сердцемъ это былъ человѣкъ своего времени. Его вѣрующая, и именно христіанская, душа вылилась въ *проповѣдяхъ*. Это небольшое собраніе, которое опять ведетъ насъ къ милому Параклету, дороже намъ всѣхъ его богословскихъ трактатовъ. Въ немъ столько теплоты и простоты, а иногда драматизма и ѣдкой сатиры на грѣховодниковъ, особенно въ рясѣ, что эти проповѣди не остались бы безъ дѣйствія и въ наши дни. Въ нихъ больше всего вспоминается Христость нагорной проповѣди.

IX. Проблескъ человѣка.

Послѣ всего сказаннаго, значеніе Протея 12-го вѣка въ умственномъ быту ясно.

Какъ *философъ*, Абельяръ—чуть не отецъ схоластики, а стало быть, и парижскаго университета. Если эта наука началась съ Эригены, а въ Парижѣ уже въ 1050 г. было больше студентовъ, чѣмъ осѣдлыхъ жителей, зато толчокъ, данный этому преподаванію въ теченіе 30-ти лѣтъ (1108—1140), равняется возмужанію младенца.

А схоластика была не вздоромъ. Это—первый выходъ разума, свѣтскости изъ рамокъ догмы, церковности. Вѣдь, разсуждать, хотя бы только объ одномъ богословіи, значило завести часы прогресса на безконечные сутки. Ктому же предметъ схоластики былъ самый высокій, всеобъемлющій: и она затрогивала всѣ вопросы древнихъ философовъ. Преобладаніе формальной стороны, діалектики, было неизбѣжно при узкомъ содержаніи. А именно тутъ-то Абельяръ и былъ виртуозъ:

его природная сила въ талантѣ критика, диспутанта и профессора. Поразительно, трогательно видѣть, какъ этотъ свѣтлый, своеобразный умъ извивался и всегда всплывалъ наверхъ среди цѣлой бездны словесныхъ игръ, монашескихъ хитросплетеній и ссылокъ на всякихъ авторовъ. Таковъ былъ духъ времени: вѣдь, и Элоиза, съ рыданіями идя въ монастырь, сыпала выписками изъ Лукана.

Величіе Абеляра не въ идеяхъ: то не былъ геній, открывающій новые горизонты мысли. Тогда нельзя было раскопаться въ этомъ направленіи, и не въ виду однихъ Бернаровъ: слабы были знанія, эти источники мысли. О важнѣйшихъ наукахъ нашего времени не было и понятія. Хромали и семь свободныхъ искусствъ: первый ученый эпохи, Абеляръ зналъ только кусочекъ Аристотеля, и то по Боэцію, Цицерона, Сенеку, Светонія, главныхъ римскихъ поэтовъ да Беду, изъ отцовъ церкви—лучше всего Августина и Иеронима. Вотъ и весь багажъ схоластика 12-го вѣка! Абеляра даже враги называютъ „піонеромъ“, пролагателемъ пути въ схоластикъ за методъ, эту основу педагогіи, въ широкомъ смыслѣ слова: это—Френсисъ Бэконъ 12-го вѣка.

Тутъ-то и слава Абеляра. Очевидецъ говоритъ про осудившіе его соборы: „ему отказали въ правѣ отвѣчать и оправдываться изъ страха предъ его совершеннымъ искусствомъ въ діалектикѣ“. Обаяніе его на слушателей было таково, что самъ профессоръ уступилъ ему каѳедру и превратился въ его ученика. А среди его учениковъ были такія свѣтила схоластики, какъ Петръ Ломбардъ, Іоаннъ Сольсбери, Оттонъ Фрейзингенъ, и такой политическій боецъ, какъ Арнольдъ Брешьянскій. Изъ ихъ рядовъ вышли 1 папа, 19 кардиналовъ, болѣе 50-ти владыкъ Франціи, Англіи и Германіи.

И была голосомъ всего образованнаго тогда міра надгробная надпись Петраклюнійскаго, которая гласила:

Галльскій Сократъ и западныхъ странъ Платонъ величайшій;
Нашъ Аристотель, средь всѣхъ мудрецовъ иль равный, иль высшій;

Свѣточъ познанья, всемірно прославленный; разносторонній Умъ, и тонкій, и острый, силой мысли и слова
Все побѣждавшій; таковъ былъ Абельяръ несравненный.

А относительно другой части современниковъ славою Абельяра могли бы послужить его собственныя слова: „логика сдѣлала меня ненавистнымъ міру!“ Зато теперь французы гордятся, что имъ принадлежитъ великій отецъ схоластики такъ же, какъ и ея разрушитель, Декартъ. И оба они стояли за разумъ и сомнѣніе, какъ оба родились въ Бретани, всегда пылавшей страстью къ независимости.

Введеніе разума въ *теологію* — вторая слава нашего героя. Здѣсь значеніе Абельяра даже важнѣе, если имѣтъ въ виду не одну форму, но и содержаніе.

Проникновеніе философіи въ теологію не было новостью. Павелъ посѣщалъ аѳинскую школу, какъ бы водружая крестъ на могилѣ Сократа. Тертуллианъ вѣрно назвалъ греческихъ философовъ „патріархами ересей“. Ансельмъ именуется отцомъ схоластическаго богословія. Но Абельяръ первый систематически подводилъ діалектику подъ корень догматики. Какъ рационалистъ, онъ заложилъ тутъ основу, которая привела, въ 19-мъ вѣкѣ, къ исторической критикѣ тюбингенской школы и къ Давиду Штраусу: онъ даже предвосхитилъ многіе вопросы этой школы.

Могучему вліянію всѣхъ этихъ новшествъ помогаль *литературный* талантъ. Какъ ни слаба латынь Абельяра съ точки зрѣнія цицероновской, она правильна, свободна, находчива. А слогъ „Исторіи бѣдствій“ восхваляютъ даже враги нашего перепатетика. Это—произведеніе художественное по изложенію. Еще болѣе виденъ художникъ, поэтъ въ „плачахъ“ (28) и даже въ проповѣдяхъ. Но въ народныхъ пѣсняхъ это, какъ видно, былъ цѣлый трубадуръ: его романсы распѣвались толпой, наравнѣ съ твореніями знаменитаго лирика сѣверной Франціи, Тибо Шампанскаго. И это въ то время, когда французскій языкъ только слагался.

Но, на нашъ взглядъ, Абельяръ, и уже вмѣстѣ съ Элоизой, важнѣе всего, какъ яркое событіе въ исторіи народной

психики. Здѣсь они еще болѣе поразительно переросли свой вѣкъ. Припомнимъ, что такое былъ *человѣкъ* въ первой половинѣ средневѣковья.

Мы видѣли, какъ постепенно тускнѣлъ классицизмъ, съ его жизнерадостнымъ взглядомъ, съ его признаніемъ правъ и красоты „этого міра“, нашего земнаго существованія. Когда подходилъ 1000-й годъ, люди, „въ виду конца міра“, по цѣлымъ годамъ не работали, не сберегали, не строились; а что было у нихъ, отдавали церквамъ и монастырямъ „для спасенія души“: „міръ одѣлся въ бѣлое платье храмовъ“, говоритъ очевидецъ. Нашъ свѣтъ, эта юдоль скорби и грѣховъ, совсѣмъ исчезалъ. Исчезалъ и *человѣкъ*, какъ личность, жаждущая жизни: онъ превращался въ жалкое, безвольное, по монастырямъ даже въ безсловесное, орудіе „того свѣта“; народы становились единымъ стадомъ римскаго пастыря и его служителей, которые сами, какъ внухи, не понимали даже радостей семьи и считали земную любовь грѣхомъ.

Обращая взоры только къ „вещамъ невидимымъ“, *человѣкъ* видѣлъ въ мірѣ видимомъ темницу души: завидовали дѣтямъ, которыя кучами переходили на тотъ свѣтъ отъ невѣжественнаго пренебреженія требованіями жизни. Опутанный на каждомъ шагу проявленіями то нечистой силы, то Промысла, лишенный даже слова Божія, скрытаго въ мертвой латыни, *человѣкъ* расплывался въ грезѣ, безконечной, какъ небо, но такой же холодной и однообразной. А женщина превращалась то въ гибельную скудель соблазна и въ вѣдъму, то въ неземное видѣніе Дѣвы Маріи и Беатриче Данта, то въ святую, то въ воображаемую „даму сердца рыцаря“.

Блѣдные проблески заглушенной жизни лишь изрѣдка мелькали тамъ, гдѣ были болѣе живучи преданія античнаго *человѣка*, именно въ южной Франціи. Но папство спѣшило подавить ихъ, какъ „еретичество“. Оно ненавидѣло, какъ грѣховную свѣтскость, и народную поэзію, начинавшую лепетать на новорожденныхъ мѣстныхъ нарѣчійхъ. Въ романтической поэзіи Прованса дѣйствительно какъ будто просился къ новой жизни античный геній: здѣсь воскресало признаніе

„этого свѣта“, жажда земнаго бытія, человѣческаго чувства. Отсюда искра робко подымалась выше, переходила къ трубадурамъ сѣверной Франціи. Вдругъ она ослѣпила міръ мгновеннымъ, но грознымъ пожаромъ: явился, и не у поэтовъ, а въ жизни, почти непостижимый по тому времени романъ Абеяра и Элоизы.

Не станемъ по-аптекаерски взвѣшивать чувства его и ея. Да тутъ нечего и копаться въ чужой душѣ. Дѣло ясно: *она* головой выше, чѣмъ *онъ*. Онъ—Абеяръ, какъ Абеяръ. Эта натура, надломленная разсужденіями и обстоятельствами, и здѣсь оказалась мужскою, въ пошломъ значеніи слова. Абеяръ не могъ, подобно своему Арнольду, положить жизнь на алтарь убѣжденій: не хватило у него силенки и на беззавѣтную любовь. Честолюбіе карьериста сгубило дивный жертвенникъ сердца, воздвигнутый его подругой. Знаменитость каедрны ощутила тяготу, замѣтивъ, что и у нея, какъ вездѣ, Минерва не уживалась съ Венерой: „мнѣ было прямо противно ходить на лекціи; я потерялъ бодрость“, жалуется намъ профессоръ. И, какъ Самсонъ, проклялъ онъ женщину. Но Абеяръ—не просто мужчина: онъ цѣнитъ счастье быть любимымъ царицей женской культуры того времени, которая сливалась съ нимъ душой, какъ просвѣщенный человѣкъ и его прямая ученица. Мы убѣждены, что еслибъ не преступленіе, совершенное надъ нимъ завистниками жизни, никакіе соблазны и пылкость крови не отвлекли бы его отъ Элоизы до могилы.

Да, идеаль любви и здѣсь—не онъ, а она. Историка и занимаетъ именно этотъ идеаль, а не игра частныхъ въ романѣ. Перелистуйте всю нынѣшнюю уйму романовъ, припомните, что вы сами видѣли вокругъ, притомъ въ пору развода, гуманности общества, побѣды женскаго вопроса, — и вамъ станетъ нето больно, нето стыдно отъ измелечанія человѣческаго сердца. Конечно, другое дѣло, если вы способны утѣшаться взглядами иныхъ ученыхъ, которые видятъ въ чувствѣ Элоизы что-то „болѣзненное, сумасбродное“ и благоговѣйно вспоминаютъ слова новой жены Цезаря, своей Грет-

хень: „они поють обо мнѣ пѣсни; это нехорошо со стороны людей“...

Но возьмите и всю христіанскую литературу (въ язычествѣ женщина—отрѣзанный ломоть): вы встрѣтите нѣчто подобное нашему роману развѣ только въ „Ромео и Джульетѣ“ да въ „Новой Элоизѣ“. Но, вѣдь, это—воплощеніе животворнаго духа Возрожденія и Просвѣщенія, т. е. тѣхъ богатырскихъ эпохъ, когда человѣчество осѣняется какимъ-то особымъ просвѣщеніемъ и живетъ во-всю, сбрасывая съ себя оковы всякихъ пережитковъ и предрасудковъ. И это—воплощеніе только, такъ сказать, теоретическое, созданіе художественнаго вымысла. Вотъ, на нашъ взглядъ, историческая перспектива, цѣпь времени, безъ которой намъ не понять *его* и *ее* 13-го вѣка.

Только указанною выше мощью „того свѣта“ объясняется вся сила этого вулканическаго протеста жизни, личности, погибающаго „человѣка“. „Вы поете все обо мнѣ. И меня далеко знаютъ, а многія завидуютъ мнѣ: на всѣхъ языкахъ славятъ вашу Элоизу; на каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ раздается мое имя. Клянусь, я не промѣняла бы моей доли, еслибы даже владыка міра, Августъ, удостоилъ меня своей руки и принесъ мнѣ въ даръ вселенную“,—говоритъ намъ она сама. И она права: онъ, этотъ схоластикъ и карьеристъ, самъ, по непреодолимой силѣ поэзіи, сдѣлалъ ихъ романъ дѣломъ общественнымъ. Иначе и быть не могло: „былое“ вождей мысли — всеобщее достояніе, какъ и ихъ „думы“.

Элоиза доказала жизнью, что ея слова—не одно поэтическое выраженіе. Ему было легко охладѣть, въ смыслѣ страсти, послѣ превращенія въ евнуха. Она, полная здоровья и, на глазахъ у Бернара, не стыдившаяся дарованныхъ природой вождельнѣй, осталась вѣрна своему „единственному“. Она жаждала только его бесѣдъ, лицезрѣнія. Для насъ выше нѣтъ той любви, какая сквозитъ въ тонкой чуткости заботъ Элоизы объ Абельярѣ: она знала его адресъ—и не писала ему. Ее прорвало только, когда она прочла „Исторію бѣдствій“, вѣрно раз-

считавъ, что невѣдомый „другъ“, которому посвящалось это письмо,—она.

И письма Элоизы вышли не только перломъ литературы, но „человѣческимъ“ документомъ: по искренности, простотѣ, по страстнымъ отзвукамъ „Пѣсни Пѣсней“, это—наши, частныя письма, какъ бы случайно забревшія въ тотъ вѣкъ, когда, за отсутствіемъ личности, посланія сочинялись только учеными и для обнародованія, какъ литературныя произведенія. Д'Аламберъ хорошо оцѣнилъ ихъ, написавъ Руссо: „Если вы говорите, что женщины не умѣютъ ни описывать, ни чувствовать настоящую любовь, значитъ вы не читали писемъ Элоизы“.

Въ письмахъ Элоизы поставленъ весь женскій вопросъ, какъ онъ ставился въ лучшую пору Эллады и въ эпоху Возрожденія, при Петраркѣ. Она вспоминаетъ Аспазію и, по этому поводу, сознательно обнаруживаетъ „вольномыслие страсти“: она говоритъ о „святомъ заблужденіи“ (*sanctus error*), о „блаженной лжи“ (*beata fallacia*). Она роняетъ даже совсѣмъ изумительную для того времени фразу: „пусть не считаетъ себя непродажной та женщина, которая охотнѣе выходитъ за богатаго, чѣмъ за бѣднаго“. Сюда же ведетъ глубокое психологическое соображеніе, такъ наивно и мило выраженное въ упрекъ Абеяру: „еслибъ ты меньше вѣрилъ мнѣ, ты больше дорожилъ бы мной“. А онъ, въ отвѣтъ, расширяетъ женскій вопросъ до понятій нашего времени: онъ противъ обычныхъ, „низкихъ женскихъ работъ“ для такихъ женщинъ, какъ она. И, при всей сдержанности запуганнаго монаха, въ „Исторіи бѣдствій“ сквозитъ признаніе основнаго земнаго чувства: „походка обличаетъ богиню“, можно сказать словами Виргилія про теплющуюся здѣсь страсть.

Эта человѣчная сила потрясла даже сердца 12-го вѣка. Добровольно принятый на себя позоръ сталъ торжественнымъ сіяніемъ надъ челомъ Элоизы. Всѣ глубоко уважали ее: самъ Бернаръ былъ очарованъ ею. Судьба влюбленныхъ вызвала слезы толпы, вздохи поэтовъ; цвѣтами украшались ихъ мо-

гилы. И вѣрили наивнымъ словамъ Турскаго лѣтописца: „Поглощаемая скорбью, она рѣшила и мертвою лежать въ могилѣ мужа. И когда скончалась, ее отнесли къ могилѣ. Супругъ, задолго раньше умершей, принялъ ее съ распростертыми объятіями и сжалъ ее въ своихъ рукахъ“. Скажемъ словами Гизо: „Умъ и ученость Абеяра обезсмертили его въ книгахъ; любовь Элоизы снискала ея любимцу, какъ и ей самой, безсмертіе въ сердцахъ“.

Въ „Исторіи бѣдствій“ живы и другія основныя черты личности, человѣка новаго времени, что и трогаетъ насъ на разстояніи восьми вѣковъ. Самопризнаніе, автобіографія—это грѣхъ для того времени, когда художникъ и писатель смиренно скрывали свои имена, приступая къ своему дѣлу послѣ поста, молитвы и исповѣди. Если не считать исповѣди Августина, близкаго къ классическому міру, такихъ произведеній не найти до Петрарки и Руссо. Общій тонъ „Исторіи бѣдствій“—также музыка изъ другой оперы. Это—не хандра монаха, а міровая скорбь Цицерона, Сенеки и Тацита, воскресшая у Петрарки, Руссо и Байрона. Мы слышимъ словно отзвуки „Еврейскихъ мелодій“ послѣдняго въ тоскливыхъ, чувствительныхъ Плачахъ ⁽²⁹⁾.

Отсюда и античная гордость, самосознаніе личности, а также связанное съ ней славолубіе, исканіе любви народной. Очевидецъ и ученикъ Абеяра говоритъ: „Онъ смолоду былъ такъ надмененъ (arrogans), такъ полонъ вѣры въ свой геній, что не могъ снисходить съ высоты своего ума, чтобы слушать уроки своихъ учителей“. Съ этимъ связанъ первый признакъ личности и генія,—своеобразность, самоопредѣленіе, а стало быть, и неугомонное отрицаніе. Въ самомъ дѣлѣ, что это было за бродило жизни! Послѣ соборнаго осужденія, ничего нельзя было дѣлать Голіаѳу—ни читать лекціи, ни издавать книги: такъ онъ не даетъ жить своимъ палачамъ въ Сен-Дени, выуживаетъ изъ мрака неизвѣстности какого-то Ареопагита. И ужъ таково положеніе обновителей жизни: каждый ихъ шагъ—буря, слава и... зависть, страхъ. Абеяръ „шутя“ ткнулъ монаха носомъ въ Ареопагита, а

вышелъ всенародный соблазнъ въ церкви. И любящее покои мракобѣсiе завопило: „вотъ врагъ всего государства!“

Впрочемъ намъ-то, знающимъ исторiю Абельяра, не трудно видѣть, что вся его жизнь была протестомъ и безпокойнымъ бродиломъ. Но это и всѣ понимали съ самага начала. Лѣтописецъ, рисуя изображенiе каменной Троицы въ Параклетѣ, замѣчаетъ: „оно было необычайно, какъ все у него“. Петрарка припечаталъ это мнѣнiе словами: „онъ былъ необычаенъ во всемъ“. Этотъ гений Возрожденiя горячо любилъ Абельяра: его душа новаго человѣка чуяла въ немъ своего предтечу такъ же, какъ мы чуемъ что-то родное въ нихъ обоихъ.

Значенiемъ нашего героя, какъ „человѣка“, объясняется замѣчательная его судьба въ потомствѣ. Нужды нѣтъ, что сочиненiя Абельяра лежали запретнымъ плодомъ почти до половины 19-го вѣка, чего не случилось ни съ однимъ философомъ: о немъ не переставали говорить не только во всякой исторiи философи, но и вообще въ просвѣщенныхъ кругахъ.

При жизни имъ интересовались даже люди необразованные. Тогда и тотчасъ по смерти его писатели говорили: „Это—удивительный (mirabilis) философъ, славнѣйшiй учитель; мы не видѣли ничего подобнаго, да и прежде не было такого“. Поэты славили его, какъ своего запѣвалу и какъ друга „женщины, какой, право, не было другой на свѣтѣ“. Они даже думали, что Абельяръ сочинилъ знаменитый „Романъ Розы“, гдѣ упоминается о немъ: увѣряли, что набросанный тамъ портретъ Красоты—сама Элоиза. Не прошло ста лѣтъ, какъ ихъ переписка появилась на французскомъ языкѣ. Потомъ этотъ общiй языкъ страсти передѣлывали на всѣ лады, по вкусу времянь.

Въ среднiе вѣка это было частью чародѣйство⁽³⁰⁾, частью сама рыцарская наивность: иногда наша чета даже считалась такимъ же вымысломъ, какъ Тристанъ и Изольда, эти идеалы сказочной любви. Въ 17-мъ вѣкѣ тутъ выражалась утонченная любезность маркизовъ и ихъ дамочекъ. Въ эпоху сентиментализма явилась „Новая Элоиза“. Возникла куча подложныхъ писемъ и жизнеописанiй нашихъ

героевъ (31). Шатобрианъ взялъ ихъ имя для изображенія христіанской любви. Въ наше время переписка Абеяра и Элоизы составляетъ уже достояніе народныхъ библіотекъ (напр., нѣмецкій переводъ въ Universal-Bibliothek "Reclam'a). А въ Парижѣ, на кладбищѣ Отца Ляшеза, подъ величавыми кипарисами и туями, не бываетъ пусто у часовеньки художника Ленуара. Завѣтная гробница всегда покрыта цвѣтами. И несчастливые любовники дрожащими руками отрываютъ блестящіе листки темнаго плюща, которые, засыхая, походятъ на сердечки.

Абеяръ и Элоиза не умираютъ: они не могутъ умереть, пока будетъ жить человѣкъ, съ самою могучей, жизнедавческой и убійственной, съ самою сладкой и мучительной изъ его страстей. И если каждому изъ насъ приходится оплакивать горе, то пожалѣемъ *ее*, а не *его*. Если трудно вообразить что-нибудь ужаснѣе бѣдствій Абеяра, зато врядъ-ли можетъ быть счастье выше того, которое испыталъ этотъ предокъ свободомыслія, мученикъ за благородныя убѣжденія: онъ жилъ въ сіяніи славы; онъ былъ любимъ, какъ божество, идеаломъ женщины.

Х. Книги объ Абеярѣ и Элоизѣ.

Долго, безпримѣрно долго знали Абеяра только по наслышкѣ. И то были лишь отрывочныя, краткія, даже случайныя извѣстія у современниковъ или ихъ ближайшихъ преемниковъ. Таковы, главнымъ образомъ, ученики и поклонники „перипатетика“—Петръ Достопочтенный, Іоаннъ Сольсбери и Оттонъ епископъ Фрейзингенскій (32). Приходится причислить сюда и такой ненадежный источникъ, какъ гонители Абеяра—Бернаръ и его поклонникъ, Сен-Викторъ, который укоренялъ мистику въ собственномъ монастырѣ подъ Парижемъ. Указанія перваго находятся въ его страстныхъ письмахъ-донасахъ; второй обобщилъ этотъ сыскъ въ книжкѣ „Противъ явныхъ и уже осужденныхъ ересей“.

Этими очевидцами пользовались позднѣйшіе лѣтописцы, не прибавляя ничего новаго. То же должно сказать о множествѣ замѣтокъ о великомъ діалектикѣ, появлявшихся въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ въ общихъ исторіяхъ и словаряхъ, наиболѣе издававшихся монахами, а позже — и такими просвѣтителями, какъ *Bayle* (*Dictionnaire critique*), *Diderot* (*Encyclopedie*), *Moreri* (*Dictionnaire*). Отдѣльныя сочиненія объ Абельярѣ долго были лишь пересказомъ Оттона да „Исторіи бѣдствій“, обыкновенно съ прибавкой вымысловъ. Они начинаются съ 16-го вѣка, когда одинъ его землякъ, *Argentré*, набросалъ родъ его біографійки въ своей „*Histoire de Bretagne*“ (1538).

Переворотъ въ изученіи Абельяра составляетъ конечно его собственное свидѣтельство. Первое изданіе его сочиненій появилось въ 1616 году, благодаря монаху *Амбѣзійсу* (*Amboise*) и *Дюшену* (*Duchesne*). Это дѣльное изданіе недаромъ названо „*Abaelardi et Heloisae Opera*“: сюда вошло все существенное, — не только главные труды Абельяра (по богословію), но и важнѣйшіе документы. Здѣсь-то впервые была напечатана и *Historia calamitatum*, по рукописи Петрарки, на которой сохранилось много любопытныхъ замѣтокъ великаго отца Возрожденія. Тутъ и переписка Абельяра съ Элоизой, снабженная полезными, хотя иногда наивными, примѣчаніями Кверцетана, которыми и мы воспользовались. Ее переиздали, съ поправками, извѣстные филологи — *Rawlinson* (1718) и *Orellius* (1841). Тотчасъ-же пошелъ рядъ переводовъ писемъ на французскій языкъ. Лучшій (1840) принадлежалъ знатоку средневѣковаго быта, *Библіофилу Жакобу* (псевдонимъ Поля Лякруа), который снабдилъ свое изданіе дѣльными примѣчаніями. Въ послѣднее время явился изящный и вѣрный переводъ *Gréard'a*, съ приложеніемъ подлинника.

Настоящимъ ученымъ издателемъ и изслѣдователемъ предмета оказался парижскій профессоръ философіи, Викторъ *Кузэнъ* (*Cousin*). Съ помощью французскаго правительства, онъ далъ, въ 1849—1859 годахъ, полное и роскошное изданіе трудовъ Абельяра, въ двухъ большихъ томахъ, которые

легли въ основаніе и нашей книжки. Кузэнъ сличилъ четыре рукописи и прибавилъ примѣчанія Кверцетана. Въ „Opera Abaelarbi“ Кузэна впервые появились всѣ работы перипатетика среднихъ вѣковъ. Переписка занимаетъ въ нихъ 173 большихъ страницы, со включеніемъ „Исторіи бѣдствій“. Въ приложеніи находятся важнѣйшіе для біографіи Абеяра документы. Тому-же Кузэну мы обязаны другою научною заслугой. Преддверіемъ къ его капитальному изданію служили впервые напечатанныя имъ, въ 1836 году (въ „Documents inédits relatifs à l' Histoire de France“), философскія сочиненія Абеяра, въ дополненіе къ богословскому изданію Амбѣзіуса. Здѣсь, въ обширномъ введеніи, дана историческая характеристика и оцѣнка работъ знаменитаго діалектика ⁽³³⁾.

Этотъ трудъ послужилъ началомъ истинно-научной разработки предмета. До тѣхъ поръ отдѣльныя сочиненія о нашей четѣ напоминали работу Аржантрэ, въ которой больше вымысла, чѣмъ дѣла. Его преемникъ, аббатъ Gervaise, какъ говорятъ, описалъ даже (1720), подъ именемъ „Жизни Абеяра и Элоизы“, собственныя приключенія съ одной черничкой. Нето появлялись такія лже-ученыя сочиненія, какъ новый доносъ-пасквиль іезуита Клемана въ „Histoire littéraire de la France“ (1830). А послѣ изданія Кузэна явилась работа Гизо и его жены, блестящая и по изложенію, и по взглядамъ,— „Essai historique sur la vie et les écrits d'Abailard et d'He-loïse“ (1839). Это сочиненіе составило введеніе къ новому переводу всѣхъ, открытыхъ къ тому времени, писемъ: ихъ оказалось двѣнадцать—8 его, 4 ея. Къ этому изданію приложенъ также первый переводъ „Плачей“, найденныхъ въ 1838 году въ Ватиканѣ, въ одной рукописи 13-го вѣка.

Въ 1845 г. Абеяръ дождался и своего настоящаго біографа. „Abélard“ французскаго философа, Шарля Ремюза (Rémusat), до сихъ поръ составляетъ основное изслѣдованіе предмета, Здѣсь, въ двухъ большихъ томахъ, снабженныхъ всѣмъ научнымъ снаряженіемъ, исчерпана жизнь нашихъ героевъ и дана критическая оцѣнка Абеяра, въ связи съ дѣльной исторіей схоластики. Въ какомъ благородномъ духѣ написано

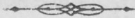
сочиненіе, видно изъ того, что автора привлекла къ дѣлу страсть къ нашей четѣ: онъ началъ даже съ „драматическаго романа“, когда увидалъ имя своихъ любимцевъ на театральной афишѣ.

Съ тѣхъ поръ стали невысказанными поверхностные и пристрастные памфлеты, которыхъ появлялось прежде не мало, особенно у нѣмцевъ (34). То немногое, что могло возникнуть послѣ Ремюза, опиралось на него и не давало почти ничего новаго, ни относительно матеріала, ни въ смыслѣ его освѣщенія. Мы должны сказать это и о лучшемъ изъ новѣйшихъ трудовъ—о работѣ талантливаго профессора *Гаусрата* (1895). Она написана прекрасно: ученый авторъ извѣстенъ и своими историческими романами (35). Она добросовѣстно разработана по источникамъ: это—последнее слово науки по данному вопросу. Абельяръ Гаусрата рисуется предъ нами въ широкой исторической средѣ. А возвышенный взглядъ автора ясенъ уже изъ словъ вступленія:

Въ каждомъ столѣтіи были свои *мученики за идею*, потому что безконечны акты той старой трагедіи, о которой св. Іоаннъ сказалъ: „и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ; и тьма не объяла его“. Въ сознаніи массъ неизменно господствуетъ унаслѣдованное міровоззрѣніе. Великая новая идея можетъ завоевать себѣ положеніе только борьбой съ современниками, борьбой съ далеко болѣе сильнымъ противникомъ. Поэтому судьба представителя такого рода идеи предрѣшена заранѣе. Нововводителя ожидаютъ въ жизни отреченія, всякаго рода непріятности, преслѣдованія и злословія.

А. Трачевскій.

С.-Петербургъ. 4 іюля 1902.



ГЛАВА I.

Высшее блаженство.

Абелярь другу ⁽³⁶⁾.

Человѣческія чувства часто гораздо сильнѣе возбуждаются или смягчаются примѣрами, нежели словами. А потому, послѣ личной утѣшительной бесѣды, я рѣшился написать тебѣ, отсутствующему, о бѣдствіяхъ, мною самымъ испытанныхъ, дабы въ сравненіи съ ними собственныя твои страданія показались или ничтожными, или незначительными, и ты могъ бы легче переносить ихъ.

Родился я въ одномъ мѣстечкѣ, расположенномъ у преддверія Бретани, миляхъ въ восьми къ востоку отъ города Нанта, и называемомъ Паллэ ⁽³⁷⁾. Одаренный отъ природы моей родины или отъ моихъ предковъ воспріимчивымъ характеромъ, я оказался также весьма способнымъ и къ научнымъ занятіямъ. Отецъ мой, раньше чѣмъ поступить въ военную службу, получилъ нѣкоторое образованіе, а потому и впоследствии такъ любилъ науку, что рѣшилъ дать образованіе всѣмъ своимъ сыновьямъ, прежде чѣмъ готовить ихъ къ воинскому дѣлу. Это рѣшеніе онъ дѣйствительно исполнилъ. Меня, какъ первенца, онъ любилъ больше всѣхъ, а потому особенно заботился о моемъ образованіи. Я же чѣмъ далѣе шелъ впередъ въ изученіи наукъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ къ нимъ пламенную любовь и, наконецъ, былъ увлеченъ ими до такой степени, что, предоставивъ своимъ младшимъ братьямъ воинскую славу, наслѣдство и права старшаго въ родѣ, совершенно отказался отъ службы Марсу и удалился на лоно Минервы. Предпочитая діалектику всѣмъ прочимъ отраслямъ философіи, я промѣнялъ свои военные дослѣхи

на это умственное вооруженіе и трофеямъ военнымъ предпочель побѣды словесныя. Затѣмъ, странствуя по разнымъ провинціямъ и постоянно упражняясь въ диспутахъ повсюду⁽³⁸⁾, гдѣ только узнавалъ я о процвѣтаніи этого искусства, сдѣлался я соревнователемъ перипатетиковъ.

Наконецъ, прибылъ я въ Парижъ, гдѣ уже давно процвѣтала эта отрасль познанія, и явился къ Гильому Шампо, славному въ то время учителю, который и сталъ моимъ наставникомъ. Сперва я былъ принятъ имъ благосклонно, но вскорѣ сталъ ему непріятенъ, такъ какъ началъ опровергать нѣкоторыя его идеи, часто выступалъ противъ него въ спорахъ, а иногда оказывался и побѣдителемъ. Это возбуждало въ лучшихъ моихъ сотоварищахъ по ученію негодованіе, тѣмъ болѣе сильное, что я былъ гораздо моложе ихъ и по возрасту, и по учебному курсу. Здѣсь-то и начались мои бѣдствія, продолжающіяся понинѣ; чѣмъ больше росла моя извѣстность, тѣмъ сильнѣе воспламенялась зависть ко мнѣ. Наконецъ, возымѣвъ о своемъ умѣ высокое мнѣніе, не соотвѣтствующее силамъ моего юнаго возраста, я задумалъ самъ стать во главѣ школы и началъ уже выбирать мѣсто, гдѣ можно было бы начать это дѣло.

Такимъ мѣстомъ представлялся мнѣ важный въ то время городъ Меленъ⁽³⁹⁾, бывшій мѣстопребываніемъ короля. Вышесказанный мой наставникъ догадался объ этомъ и, стараясь какъ можно болѣе удалить мою школу отъ своей, началъ дѣйствовать втайнѣ всѣми способами, какими только могъ, чтобы помѣшать моему намѣренію и лишить меня избраннаго мною мѣста раньше, чѣмъ я оставлю его школу. Но такъ какъ нѣкоторые вліятельные люди относились къ нему недружелюбно, то я, пользуясь ихъ содѣйствіемъ, достигъ своей цѣли: его явная зависть ко мнѣ многихъ побудила стать на мою сторону.

Съ самаго же начала моихъ уроковъ молва о моемъ искусствѣ въ діалектикѣ распространилась до такой степени, что мало по малу совсѣмъ заглушила прежнюю славу не только моихъ соучениковъ, но даже и самого учителя. Вслѣдствіе этого я сталъ дѣйствовать еще увѣреннѣе и перенесъ свою школу въ ближайшій къ Парижу городъ Корбейль⁽⁴⁰⁾, гдѣ могъ имѣть случай чаще состязаться въ диспутахъ со своими противниками.

Но немного времени спустя, отъ неумѣренныхъ научныхъ занятій я заболѣлъ общою слабостью силъ и долженъ былъ вернуться къ себѣ на родину. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ бы удаленный изъ Франціи, я былъ предметомъ живѣйшаго сожалѣнія для всѣхъ, кого привлекало изученіе діалектики. По прошествіи же этого времени, когда я уже оправился отъ своей болѣзни, мой бывшій наставникъ Гильомъ, парижскій архидіаконъ, перемѣнилъ прежнюю свою рясу и вступилъ въ ряды «регулярнаго» духовенства, какъ говорили, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы казаться болѣе благочестивымъ и такимъ образомъ скорѣе достигнуть высшихъ степеней, что вскорѣ и оправдалось, такъ какъ онъ сдѣланъ былъ епископомъ шалонскимъ. Впрочемъ, эта перемѣна не удалила его изъ Парижа и не отвлекла отъ привычныхъ занятій философій; напротивъ, въ томъ самомъ монастырѣ, куда онъ поступилъ по религіозному убѣжденію, онъ тотчасъ же, по своему обычаю, началъ заниматься публичнымъ преподаваніемъ.

Тогда я, вернувшись къ нему, сталъ слушать у него риторику и, въ числѣ прочихъ нашихъ ученыхъ состязаній, своими ясными доводами побудилъ его измѣнить, и даже совершенно разрушить, прежнее его ученіе объ универсаліяхъ. Именно, онъ держался того мнѣнія, что универсаліи составляютъ сущность отдѣльныхъ вещей, которыя, слѣдовательно, различаются между собой не по существу, а только по разнообразію происходящихъ случайностей. Впослѣдствіи же онъ измѣнилъ это мнѣніе въ томъ смыслѣ, что сталъ признавать универсаліи тождественными съ отдѣльными вещами, ибо они, при всемъ различіи послѣднихъ, остаются безъ измѣненія.

Этотъ вопросъ объ универсаліяхъ является въ діалектикѣ однимъ изъ важнѣйшихъ: самъ Порфирій, въ своихъ *Введеніяхъ*, разсуждая объ этомъ предметѣ, не рѣшился высказаться окончательно, говоря, что «это—дѣло чрезвычайной важности» ⁽⁴¹⁾. Оттого-то, когда Шампо вынужденъ былъ сначала измѣнить, а потомъ и совсѣмъ бросить свое прежнее мнѣніе, всѣ стали относиться къ его урокамъ такъ недоувѣрчиво, что едва даже позволяли ему преподавать діалектику, словно вся эта наука заключается только въ одномъ вопросѣ объ универсаліяхъ. Это обстоятельство придадо моему ученію такую силу и вліяніе, что люди, бывшіе ранѣе самыми ревностными при-

верженцами моего наставника и сильнѣе всѣхъ нападавшіе на мои мнѣнія, стали теперь стекаться на мои уроки. Даже преемникъ моего наставника въ парижской школѣ самъ предложилъ мнѣ занять его мѣсто и сдѣлался моимъ слушателемъ въ той самой школѣ, гдѣ раньше процвѣталъ его и мой наставникъ.

Итакъ, вскорѣ я сдѣлался владыкой въ преподаваніи діалектики (42). Трудно и выразить, до какой степени сталъ теперь нашъ бывшій учитель мучиться отъ зависти и отъ огорченія. Онъ не въ силахъ былъ перенести этого удара и снова сталъ стараться хитростью удалить меня. Но такъ какъ у него не было повода открыто выступить противъ меня, то онъ обвинилъ въ разныхъ гнусностяхъ преподавателя, уступившаго мнѣ свое мѣсто, и удалилъ его изъ школы, а на его мѣсто посадилъ моего противника. Тогда я возвратился въ Меленъ и снова открылъ тамъ свою школу; и чѣмъ болѣе явно преслѣдовалъ онъ меня своей завистью, тѣмъ болѣе росло мое вліяніе, по слову поэта: «Высшее—зависти цѣль; открыты бурямъ вершины» (*Ovid. Remed. Amorum. I, 369*).

Немного времени спустя, узнавъ, что почти всѣ ученики весьма сомнѣваются въ его религіозности и недоброжелательно отзываются объ его обращеніи, которое не помѣшало ему остаться въ Парижѣ, онъ удалился, вмѣстѣ со своимъ немногочисленнымъ братствомъ и школой, въ одну деревню, довольно удаленную отъ города. А я сейчасъ же вернулся изъ Мелена въ Парижъ, въ надеждѣ, что онъ наконецъ оставитъ меня въ покоѣ. Но такъ какъ мое мѣсто отдано было имъ моему противнику, то я раскинулъ свой школьный станъ за городомъ, на горѣ св. Женевьевы (43), какъ бы намѣреваясь вести осаду противъ похитителя моего мѣста. Услыхавъ объ этомъ, нашъ учитель, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, немедленно вернулся въ Парижъ и перевелъ бывшихъ еще при немъ учениковъ и свое братство въ прежній свой монастырь, какъ бы желая избавить отъ моей осады своего покинутого намѣстника. Но вмѣсто того, чтобы оказать помощь, онъ жестоко ему повредилъ. Прежде у этого несчастнаго было хоть нѣсколько учениковъ, слушавшихъ преимущественно его лекціи о Присціанѣ (44), о которыхъ отзывались съ большою похвалою; но съ пріѣздомъ самого Гильома онъ лишился почти всѣхъ слушателей, такъ что ему приш-

лось прекратить свой курсъ. Вскорѣ послѣ того, вѣроятно уже утративъ надежду на мірскую славу, онъ и самъ поступилъ въ монастырь.

Послѣ возвращенія нашего бывшаго наставника въ Парижъ, диспуты нашихъ учениковъ, какъ съ нимъ самимъ, такъ и съ его слушателями, а также побѣды, дарованныя судьбой въ этихъ схваткахъ нашей сторонѣ, а вмѣстѣ съ нею и мнѣ самому, тебѣ уже достаточно извѣстны. Я же могу только смѣло, хотя и скромнѣе, повторить слова Аякса: «Объ участи боя спросите вы?—Изъ него не вышелъ я побѣжденнымъ» (*Ovid. Metamorph. XIII, 89*). Ибо если бы я и молчалъ, то само дѣло говоритъ за себя; и исходъ его ясно обозначаетъ все.

Среди этихъ происшествій, возлюбленная мать моя, Люція, вызвала меня къ себѣ, на родину, такъ какъ отецъ мой, Беренгарій, постригся въ монахи, и она намѣревалась поступить такъ же. Когда это совершилось, я возвратился во Францію ⁽⁴⁵⁾ главнымъ образомъ для изученія богословія, которое тогда преподавалось уже не разъ упомянутымъ наставникомъ нашимъ Гильомомъ въ шалонскомъ епископствѣ. Но его учитель, Ансельмъ ланскій ⁽⁴⁶⁾, съ давнихъ поръ считался въ этой наукѣ высшимъ наставникомъ.

Итакъ, я обратился къ этому старцу, который своей славой былъ обязанъ не столько достоинствамъ ума или памяти, сколько долготѣнному опыту. Если кто-нибудь приходилъ къ нему въ надеждѣ разрѣшить свое недоумѣніе по какому-нибудь вопросу, то возвращался отъ него съ еще большими недоумѣніями. Онъ удивлялъ слушающихъ его, но ничего не въ состояніи былъ отвѣчать вопрошающимъ. Онъ изумительно владѣлъ словомъ, но слово это было бѣдно содержаніемъ и лишено мысли. Зажигая свой огонь, онъ наполнялъ весь домъ дымомъ, а не освѣщалъ его свѣтомъ. Онъ похожъ былъ на дерево, все покрытое листьями, которое издали представлялось величественнымъ, но вблизи и при внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось бесплоднымъ. И вотъ, приблизившись къ этому дереву, чтобы собрать съ него плоды, я уразумѣлъ, что передо мной была смоковница, проклятая Господомъ, или тотъ старый дубъ, съ которымъ Луканъ сравниваетъ Помпея, говоря «Великаго имени призракъ, словно возвышенный дубъ среди плодоноснаго поля». (*Lucan. Phars. IV, 135*).

Убѣдившись въ этомъ, я недолго оставался въ праздности подъ его тѣнью. Мало по малу я сталъ все рѣже и рѣже посѣщать его лекціи. Это обидѣло нѣкоторыхъ выдающихся его учениковъ, которымъ показалось, что я съ презрѣніемъ смотрю на столь великаго учителя. И вотъ, тайно возстановляя его противъ меня, они своими наговорами достигли того, что онъ сталъ относиться ко мнѣ враждебно.

Однажды, послѣ учебныхъ занятій, мы, ученики, завели между собой шуточный разговоръ. Одинъ изъ учениковъ коварно спросилъ меня, что я думаю насчетъ чтенія Священнаго Писанія, такъ какъ до того времени я изучалъ только свѣтскія книги. Я отвѣчалъ, что нахожу изученіе Священнаго Писанія весьма полезнымъ, ибо оно научаетъ насъ спасенію души; но что при этомъ я крайне удивляюсь, видя, что люди ученые для уразумѣнія священныхъ книгъ не довольствуются ихъ текстомъ или толкованіями свв. отцовъ, а нуждаются еще въ постороннемъ учительствѣ. Почти всѣ присутствовавшіе засмѣялись и стали спрашивать меня, хватило ли бы у меня силы и смѣлости заняться толкованіемъ священныхъ книгъ? Я отвѣчалъ, что готовъ попробовать, если они того пожелаютъ. Тогда всѣ, съ различными восклицаніями и еще болѣе громкимъ смѣхомъ, сказали: «Разумѣется, мы этого хотимъ; возьмите толкованіе на какой-нибудь необычный текстъ, и посмотримъ, какъ-то вы исполните свое обѣщаніе.»

Всѣми избрано было одно изъ самыхъ темныхъ пророчествъ Іезекіиля. Я взялъ толкованіе и тотчасъ же пригласилъ ихъ на завтра на свою лекцію. Они, противъ моего желанія, стали давать мнѣ разные совѣты, говоря, что съ такимъ важнымъ дѣломъ не слѣдуетъ спѣшить, и что мнѣ, какъ человѣку неопытному, необходимо подольше и основательнѣе обдумать мое объясненіе. Я съ досадой отвѣчалъ, что привыкъ полагаться не на долгій трудъ, а на свой разумъ, и прибавилъ, что или я совсѣмъ откажусь отъ своего намѣренія, или же они должны непременно завтра быть на моей лекціи.

На эту первую мою лекцію собралось мало слушателей: всѣмъ казалось смѣшно, что я, до сихъ поръ еще почти вовсе не изучавшій Священнаго Писанія, такъ смѣло взялся за такую задачу. Однако же всѣмъ присутствовавшимъ эта лекція такъ понравилась, что

они стали отзываться о ней съ большими похвалами и просить меня продолжать объясненія по предложенному мною способу. Узнавъ объ этомъ, бывшіе на первой лекціи цѣлой толпой явились на вторую и третью; и всѣ усердно стали переписывать тѣ объясненія, какія были мною даны въ первый день.

Вслѣдствіе этого, вышесказанный старецъ воспылалъ жестокой завистью и, уже ранѣе (какъ сказано выше) возстановленный противъ меня наговорами нѣкоторыхъ лицъ, началъ такъ же сильно преслѣдовать меня въ богословіи, какъ прежде Гильомъ воевалъ со мной въ философіи. Въ ту пору среди учениковъ этого старца были двое, которые считались лучшими: Альберикъ изъ Реймса и Лотульфъ изъ Ломбардіи. Оба они были очень высокаго мнѣнія о самихъ себѣ—и тѣмъ болѣе возмущались противъ меня. По ихъ-то наговорамъ—какъ это обнаружилось впоследствии—разгнѣванный старецъ грубо запретилъ мнѣ продолжать мои лекціи тамъ, гдѣ онъ самъ преподаетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что если я въ своемъ трудѣ навишу что-нибудь ошибочное, какъ человѣкъ, въ этой наукѣ еще неопытный, то отвѣтственность падеть на него. Когда это дошло до учениковъ, они были чрезвычайно возмущены столь наглою клеветой зависти, еще никогда не бывалой. Но чѣмъ яснѣе обнаружилась эта клевета, тѣмъ болѣе чести было мнѣ, такъ что своими преслѣдованіями Ансельмъ только увеличивалъ мою славу.

Возвратившись вскорѣ потомъ въ Парижъ, я, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, спокойно преподавалъ въ той самой школѣ, которая уже давно мнѣ предназначалась и предлагалась, и изъ которой сначала я былъ изгнанъ. Тамъ, съ самаго начала моихъ лекцій, я постарался закончить объясненіе Іезекииля, начатое мною въ Ланѣ. Оно было принято слушателями такъ благосклонно, что меня стали уже считать такимъ же знатокомъ въ Священномъ Писаніи, какимъ я оказался въ философіи. Какія денежные выгоды и какую славу приобрѣлъ я вслѣдствіе быстрого увеличенія числа слушателей обоихъ этихъ предметовъ въ нашей школѣ, объ этомъ тебѣ, конечно, извѣстно было по слухамъ.

Но благополучіе всегда дѣлаетъ неразумныхъ людей тщеславными, а беспечальное житіе ослабляетъ силу духа и легко уничтожаетъ ее плотскими приманками. Считаая себя уже единственнымъ въ мірѣ фило-

софомъ и не опасаясь въ будущемъ никакихъ неприяностей, я началъ ослаблять бразды своихъ страстей, между тѣмъ какъ прежде вель самый воздержный образъ жизни; и чѣмъ далѣе шель я впередъ въ изученіи философіи или богословія, тѣмъ болѣе отдалялся отъ философовъ и богослововъ по нечистотѣ моей жизни. Вѣдь, извѣстно, что философы, а тѣмъ болѣе богословы, то-есть люди, вникавшіе въ правила Св. Писанія, всего болѣе блистали своей воздержностью; я же всецѣло предался гордости и сластолюбію. И только Божественное милосердіе, помимо моей воли, исцѣлило меня отъ обѣихъ этихъ болѣзней,—сначала отъ сластолюбія, а затѣмъ и отъ гордости. Отъ перваго оно избавило меня, лишивъ средствъ ему удовлетворять, а отъ второй, бывшей слѣдствіемъ моихъ ученыхъ занятій, по слову апостольскому—«разумъ кичить» (I Коринѣ. VIII, 1), унизивъ меня сожженіемъ той самой моей книги, которою я болѣе всего гордился.

Желая, чтобы ты зналъ обѣ эти исторіи такъ, какъ онѣ произошли въ дѣйствительности, а не по слухамъ, я расскажу ихъ тебѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ одна за другой слѣдовали. Прелюбодѣяніемъ я всегда гнушался. Отъ знакомства съ женщинами изъ благороднаго общества меня удерживали постоянныя ученныя занятія; и вообще я имѣлъ среди мірянокъ очень немного знакомствъ. Измѣнчивая, какъ говорится, фортуна воспользовалась удобнѣйшимъ случаемъ для того, чтобы низвергнуть меня съ вершины моего величія, ибо Божественная Любовь требовала униженія челоувѣка, въ величайшей гордости своей забывшаго о воспринятой имъ благодати.

А именно, въ самомъ же городѣ Парижѣ жила одна молодая дѣвица, по имени Элоиза, племянница одного каноника, по имени Фульберга, который очень ее любилъ и усердно заботился о томъ, чтобы дать ей познанія во всѣхъ наукахъ ⁽⁴⁷⁾. Она была очень недурна собой, а по своимъ знаніямъ отличалась между всѣми. Такъ какъ среди женщинъ вообще очень рѣдко можно встрѣтить научныя познанія, то это обстоятельство еще болѣе возвышало дѣвушку; и слава о ней распространилась по всей странѣ. Съ этой-то дѣвушкой, которая обладала всѣмъ, что обычно привлекаетъ влюбляющихся, я задумалъ вступить въ связь. Я полагалъ, что это мнѣ

весьма легко удастся: вѣдь, я обладалъ такой извѣстностью и такъ выгодно отличался отъ другихъ молодостью и красотой⁽⁴⁸⁾, что меня не могла бы отвергнуть ни одна женщина, если бы я захотѣлъ удостоить ее своей любви. Я былъ убѣжденъ, что эта дѣвушка тѣмъ легче согласится раздѣлить мое чувство, что мнѣ извѣстны были ея познанія въ наукахъ и любовь къ нимъ; такимъ образомъ, мы, даже и находясь въ разлукѣ, могли бы между собой переписываться, а писать о многомъ можно гораздо смѣлѣе, чѣмъ говорить; слѣдовательно, мы всегда могли бы проводить время въ приятной бесѣдѣ.

Итакъ, воспламененный любовью къ этой дѣвушкѣ, я сталъ искать случая сблизиться съ ней путемъ домашняго знакомства и ежедневныхъ разговоровъ, чтобы тѣмъ легче привлечь ее къ себѣ. Съ этой цѣлью я, съ помощью нѣсколькихъ друзей упомянутого дяди, сталъ хлопотать у него о томъ, чтобы онъ принялъ меня, за извѣстную плату, нахлѣбникомъ въ свой домъ, находившійся очень близко отъ нашей школы. Предлогомъ для меня послужило то соображеніе, что заботы о домашнемъ хозяйствѣ мѣшаютъ моимъ ученымъ занятіямъ и что я слишкомъ кому же обремененъ чрезмѣрными хозяйственными расходами. А Фульбертъ былъ очень скупъ; притомъ ему было весьма желательно доставить своей племянницѣ возможность дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ.

Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, я легко получилъ его согласіе и добился того, чего желалъ, такъ какъ онъ прельщался и денежной выгодой, и увѣренностью, что племянница отъ меня чему-нибудь научится. Онъ даже сталъ меня уговаривать, оказался любезнымъ сверхъ моего ожиданія. Онъ самъ помогъ моей любви, всецѣло поручивъ племянницу моимъ преподавательскимъ заботамъ и прося меня во всякое время, когда я только буду свободенъ отъ школьныхъ лекцій—днемъ ли, ночью ли—заниматься съ ней науками, а въ случаѣ нерадѣнія съ ея стороны строго ее наказывать.

Я былъ очень удивленъ его простодушіемъ въ этомъ дѣлѣ, а съ другой стороны, помышляя о самомъ себѣ, не меньше удивлялся тому, что онъ довѣрилъ нѣжную овечку голодному волку. Поручая ее мнѣ, съ просьбой не только учить, но даже строго наказывать, онъ предоставлялъ полную свободу моимъ желаніямъ и давалъ мнѣ

возможность пользоваться моимъ положеніемъ даже противъ воли Элоизы, такъ какъ если бы мнѣ не удалось овладѣть ею съ помощью ласки, то я могъ бы достигнуть этого угрозами и побоями. Но два обстоятельства отдаляли его отъ всякихъ подозрѣній на мой счетъ,—любовь къ племянницѣ и моя прежняя слава цѣломудреннаго ученаго. Однимъ словомъ, совмѣстная жизнь и взаимное влеченіе насъ съ ней соединили.

Подъ предлогомъ научныхъ занятій, мы вполне предались чувству; а наши уроки благопріятствовали уединенію, которое нужно было для нашихъ удовольствій. Надъ развернутыми книгами мы говорили больше о любви, чѣмъ о наукѣ, чаще цѣловались, чѣмъ повторяли мудрыя изреченія; въ глазахъ нашихъ чаще отражалась наша любовь, чѣмъ написанное въ книгахъ. Чтобы возбуждать меньше подозрѣній, я иногда даже билъ ее, но съ любовью, а не съ гнѣвомъ, съ нѣжностью, а не съ раздраженіемъ; и эти удары были слаще всякихъ цѣлебныхъ мазей. Наконецъ, мы прошли всѣ степени чувства, съ добавленіемъ и того, чтò только въ любви можетъ быть придумано необычнаго. Чѣмъ менѣе опытности было у насъ въ подобныхъ удовольствіяхъ, тѣмъ пламеннѣе мы имъ предавались и тѣмъ менѣе утомлялись ими.

Эта любовь овладѣла мною всецѣло: я уже не въ состояннн былъ ни заниматься философійю, ни преподавать въ школѣ. Мнѣ было очень тяжело ходить въ школу и оставаться тамъ; притомъ это стало и утомительно, такъ какъ всѣ мои ночи были отданы чувству, а дни поглощались научными трудами. Къ своимъ урокамъ я началъ относиться небрежно и безъ прежней горячности; я руководился уже не вдохновеніемъ, а привычкой; сталъ повторять лекціи, читанныя ранѣе; а если мнѣ и случалось придумывать что-нибудь новое, такъ это были любовныя стихи, а не философскія идеи. Многіе изъ этихъ стиховъ, какъ ты и самъ знаешь, получили большую извѣстность и поются во многихъ странахъ, преимущественно людьми, которыхъ жизнь оболыщаетъ такъ же, какъ меня. Но трудно и представить себѣ, какъ недовольны были мои ученики, какъ стали они роптать и жаловаться, когда замѣтили это состояніе или, вѣрнѣе сказать, помраченіе моего духа.

Столь явная страсть уже не могла укрыться ни отъ кого, кромѣ только того человѣка, которому она причиняла величайшее оскорбле-

ніе, именно — дядя моей возлюбленной. Правда, нѣкоторые иногда позволяли себѣ дѣлать ему намеки; но онъ не въ состояніи былъ имъ повѣрять, какъ по причинѣ своей нѣжной любви къ племянницѣ (о чемъ я уже говорилъ), такъ и потому, что ему была извѣстна моя прежняя цѣломудренная жизнь. Вѣдь, намъ не такъ-то легко заподозрѣть въ гнусности людей, которыхъ мы больше всего любимъ: при сильной любви нѣтъ мѣста чернымъ подозрѣніямъ. Недаромъ говорить блаженный Иеронимъ въ своемъ посланіи къ Сабиніану: «О злѣ въ собственномъ домѣ мы обыкновенно узнаемъ послѣ всѣхъ; а о порокахъ нашихъ дѣтей и женъ не знаемъ и тогда, когда всѣ сосѣди уже кричатъ о нихъ». Но и то, что мы узнаемъ послѣ всѣхъ, намъ все-таки приходится когда-нибудь узнать: то, что всѣмъ извѣстно, трудно скрыть отъ одного. Такъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, случилось и съ нами.

О, какъ прискорбно было дядѣ узнать объ этомъ! Какъ велика была скорбь влюбленныхъ, когда имъ пришлось разстаться! Какъ я краснѣлъ отъ стыда! Какая печаль мучила меня, при видѣ огорченія возлюбленной! Какъ я скорбѣлъ объ утраченномъ мною уваженіи! Каждый изъ насъ жалѣлъ не о себѣ, а о горѣ, постигшемъ другого, каждый оплакивалъ не свою печаль, а печаль возлюбленнаго. Но разлука тѣлесная только еще болѣе укрѣпила нашъ духовный союзъ; любовь, оставшись безъ удовлетворенія, разгорѣлась еще сильнѣе. А пережитый позоръ дѣлалъ насъ уже нечувствительными къ дальнѣйшему безславію: считая свое поведеніе правильнымъ, мы уже его не стыдились. Съ нами случилось то же самое, что съ Марсомъ и Венерой, застигнутыми на мѣстѣ преступленія, какъ о томъ повѣствуетъ поэтическая басня.

Вскорѣ затѣмъ дѣвушка почувствовала, что она будетъ матерью, и съ великой радостью написала мнѣ объ этомъ, спрашивая совѣта, какъ ей поступить. И вотъ, однажды ночью, въ отсутствіе дяди, какъ это было между нами заранѣе условлено, я тайно похитилъ ее изъ дому и тотчасъ же перевезъ къ себѣ на родину, гдѣ она и жила у моей сестры до рожденія сына, котораго она назвала Астралібіемъ ⁽⁴⁹⁾.

Дядя, послѣ ея бѣгства, чуть не сошелъ съ ума; не испытавъ чего-либо подобнаго, никто не можетъ судить о силѣ его стыда и

отчаянія. Но что со мной сдѣлать, какъ меня погубить, онъ не зналъ. Онъ боялся, что если меня убьютъ или хотя только ранить, то отъ этого можетъ пострадать его возлюбленная племянница, жившая въ моемъ родномъ домѣ. Захватить меня силой и куда-нибудь заточить было невозможно: я вель себя чрезвычайно осмотрительно, не сомнѣваясь, что онъ, если бы только могъ или по-смѣлъ, непремѣнно напалъ бы на меня. Наконецъ, я, жалѣя объ его чрезмѣрной скорби и обвиняя самого себя въ коварномъ поступкѣ, вызванномъ моею любовью, какъ въ предательствѣ, самъ пришелъ къ этому человѣку, просилъ у него прощенія и общалъ дать ему какое угодно удовлетвореніе.

Я увѣрялъ его, что мое поведеніе не должно казаться удивительнымъ тому, кто только испыталъ могущество любви, и напоминалъ о томъ, какъ стремительно падали подъ власть женщины даже и величайшіе мужи, съ самыхъ первыхъ временъ существованія человѣчества. А чтобы еще больше его успокоить, я предложилъ ему такое удовлетвореніе, на которое онъ даже и не надѣялся,— именно, что я готовъ жениться на соблазненной мною дѣвушкѣ, лишь бы только это совершилось втайнѣ, чтобы не было ущерба для моего имени. Онъ на это согласился и запечатлѣлъ просимое мной примиреніе честнымъ словомъ и лобызаніями своими и своихъ друзей, — чтобы тѣмъ легче впоследствии погубить меня.

Я отправился на родину и привезъ оттуда свою подругу, чтобы вступить съ нею въ бракъ. Но она совсѣмъ не одобряла этого намѣренія, а напротивъ, старалась отговорить меня, указывая на то, что этимъ я подвергаю себя опасности и безчестію. Она клялась мнѣ, что никакое удовлетвореніе не заставитъ дядю простить меня, что впоследствии и оправдалось. Она спрашивала: какъ можетъ она гордиться этимъ бракомъ, который лишитъ меня славы и одинаково унизитъ обоихъ насъ? Какого только наказанія не потребуетъ отъ нея весь міръ за то, что она лишила его столь великаго свѣтилника? Сколько проклятій, сколько ущерба для церкви, сколько слезъ среди философовъ вызоветъ этотъ бракъ! Какъ непристойно, какъ прискорбно было бы, если бы я, человѣкъ, созданный природой для общаго блага, посвятилъ себя одной женщинѣ и склонился подъ столь унижительное иго!

Она рѣшительно отказывалась отъ этого брака, говоря, что онъ будетъ для меня во всѣхъ отношеніяхъ постыднымъ и тягостнымъ. Она указывала и на мой позоръ, и на тѣ трудности брачной жизни, которыхъ апостоль убѣждаетъ насъ избѣгать, говоря: «Привязался-ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія. Отрѣшился-ли еси жены, не ищи жены. Аще ли же и оженишия, не согрѣшилъ еси; и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть. Скорбь же плоти имѣти будутъ таковы; азъ же вы щажу». И далѣе: «Хочу бо васъ безпечальныхъ быти»⁽⁵⁰⁾. Она говорила:

«Если же ты не послѣдуешь ни совѣту апостола, ни убѣжденіямъ святыхъ отцовъ относительно брачнаго ига, то обратись къ философамъ и размотри, чтò написано объ этомъ или ими самими, или по поводу ихъ: къ такому приему нерѣдко прибѣгаютъ, ради наставленія нашего, и сами святые отцы. Вотъ, на примѣръ, свидѣтельство блаженнаго Іеронима, въ первой книгѣ *Противъ Іовиніана*, гдѣ онъ вспоминаетъ о томъ, что Теофрастъ, подробно описавъ невыносимыя тяготы брачнаго состоянія и соединенныя съ нимъ постоянныя непріятности, приводитъ убѣдительнѣйшіе доводы въ доказательство того, что мудрецъ не долженъ жениться. Къ этому самъ блаженный Іеронимъ присоединяетъ такое заключеніе: «Разсуждая объ этомъ такимъ образомъ, кого изъ христіанъ не смутитъ Теофрастъ?» Въ томъ же сочиненіи онъ говоритъ: «Цицеронъ, послѣ развода съ Теренціей, когда Гирцій уговаривалъ его жениться на его сестрѣ, рѣшительно отъ этого отказался, говоря, что онъ не можетъ одинаково заботиться и о женѣ, и о философіи. Онъ не сказалъ просто «заботиться», но прибавилъ «одинаково», не желая посвящать чему - либо иному такія же заботы, какія посвящалъ философіи.

«Но, оставляя даже въ сторонѣ эту помѣху для философскихъ занятій, размотри самыя условія жизни въ законномъ бракѣ. Чтò можетъ быть общаго между собраніемъ учениковъ и домашней прислугой, между надоемъ для письма и люлькой, книгами или таблицами и прялкой, стилемъ или перомъ и веретеномъ? Кто же, предаваясь богословскимъ или философскимъ размышленіямъ, можетъ выносить дѣтскій плачь, пѣсни кормилицъ, усыпляющія дѣтей, присутствіе шумной толпы домашнихъ слугъ и служанокъ? Кто въ

состояніи терпѣливо смотрѣть на постоянную нечистоплотность маленькихъ дѣтей?

«Ты скажешь: это возможно для богатыхъ: въ ихъ дворцахъ или домахъ есть много отдѣльныхъ покоевъ; пользуясь изобиліемъ, они не чувствуютъ тяжести расходовъ и не мучаются ежедневными заботами. Но, вѣдь, философы находятся совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ богатые люди, точно такъ же, какъ тѣ, кто заботится о стяжаніяхъ и предается мірскимъ заботамъ, не занимаются богословіемъ или философіей. А потому и знаменитые философы древности, презиравшіе міръ и не только покидавшіе мірскую жизнь, но даже прямо бѣжавшіе отъ нея, отказывали себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ и искали успокоенія только въ объятіяхъ философій. Одинъ изъ нихъ, и самый великій, Сенека, поучая Люцилія, говорить: «Философіей нельзя заниматься только въ свободное время: надо все оставить и прилѣпиться къ этой наукѣ, для которой и все наше время недостаточно. Совсѣмъ ли ты оставишь философію, или только на время прервешь свои занятія ею,—разница небольшая, ибо если ты перестанешь ею заниматься, она тебя покинетъ. Дѣловыхъ заботъ слѣдуетъ остерегаться и стараться не о томъ, чтобы ихъ распутывать, а о томъ, чтобы удалять ихъ отъ себя».

«Что у насъ налагають на себя ради любви къ Богу люди, достойно называющіеся монахами, то у язычниковъ налагали на себя благородные философы ради любви къ философіи. И дѣйствительно, у всѣхъ народовъ — и у язычниковъ, и у іудеевъ, и у христіанъ — всегда бывали люди, выдающіеся по своей вѣрѣ или высокой нравственности и отличавшіеся отъ толпы своей воздержностью или строгостью жизни. Таковы были, среди іудеевъ древняго времени, назорей, посвящавшіе себя, согласно закону, служенію Господу, или сыны пророковъ, ученики Иліи или Елмсея, которыхъ Ветхій Завѣтъ, по толкованію блаженнаго Іеронима, изображаетъ намъ монахами. Таковы были также и тѣ три позднѣйшія секты, которыхъ Іосифъ Флавій, въ XVIII книгѣ *Древностей*, называетъ фарисеями, саддукеями и ессеями. Таковы у насъ тѣ монахи, которые подражаютъ или совмѣстной жизни апостоловъ, или еще болѣе ранней, отшельнической жизни Іоанна Крестителя.

«А у язычниковъ, какъ сказано выше, таковы были филс-

софы. Наименованіе мудрости или философіи они прилагали не столько къ усвоенію познаній, сколько къ святости жизни, какъ это видно и изъ самаго происхожденія этого названія и изъ свидѣтельствъ свв. отцовъ. Таково, напримѣръ, свидѣтельство блаженнаго Августина, въ VIII книгѣ *Града Божіею*, гдѣ онъ говоритъ о философскихъ школахъ: «Италійская школа основана была Пифагоромъ самосскимъ, которому приписывается и изобрѣтеніе самаго названія *философіи*; ибо до него люди, казавшіеся выше прочихъ по своей похвальной жизни, назывались *мудрецами*, онъ же, когда его спросили, кто онъ такой, отвѣчалъ, что онъ *философъ*, то-есть, стремящійся къ мудрости или другъ мудрости, такъ какъ наименованіе *мудреца* онъ считалъ слишкомъ горделивымъ». Въ этомъ мѣстѣ словъ: «казавшіеся выше прочихъ по своей похвальной жизни» ясно указываютъ на то, что языческіе мудрецы, то-есть, философы, назывались этимъ именемъ болѣе за свою похвальную жизнь, чѣмъ за свои познанія.

«Относительно же того, какою они отличались трезвостью и воздержностью, я не стану даже приводить и примѣровъ, чтобы не показалось, что я хочу поучать самое Минерву. Но если такую жизнь вели міряне и язычники, то-есть люди, свободные отъ строгихъ религіозныхъ обязанностей, то тѣмъ болѣе ты, будучи лицомъ духовнымъ и каноникомъ, не долженъ предпочитать гнусныхъ удовольствій духовнымъ обязанностямъ, дабы не поглотила тебя эта бездна Харібды и дабы ты не погрузился, отбросивъ всякій стыдъ и безвозвратно, въ эту нечисть. Если ты не заботишься о духовномъ своемъ званіи, такъ огради, по крайней мѣрѣ, достоинство философа; если ты пренебрегаешь богопочтеніемъ, такъ пусть уваженіе къ личію послужить уздой для твоего безстыдства. Вспомни, что Сократъ женился и долженъ былъ искупить это паденіе философіи, подвергшись гнусному оскорбленію, которое должно служить предостереженіемъ для другихъ. Этого не забылъ и блаженный Иеронимъ, говоря о Сократѣ въ первой книгѣ *Противъ Ювиніана*: «Однажды, возражая на безконечныя ругательства Ксантиппы, стоявшей наверху, онъ былъ облитъ нечистой жидкостью и, обтеревъ голову, сказалъ: такъ я и зналъ, что за этимъ громомъ послѣдуетъ дождь».

Наконецъ, Элоиза и отъ себя прибавила нѣсколько словъ о томъ, какъ опасно было бы для меня возвратить ее въ Парижъ и насколько пріятнѣе было бы для нея, а для меня почетнѣе, если бы она осталась мнѣ только подругой, а не женой: вѣдь, тогда я былъ бы привязанъ къ ней только любовью, а не брачными узами; и мы, время отъ времени разлучаясь, тѣмъ больше радовались бы нашимъ свиданіямъ, чѣмъ дольше длилась разлука. Стараясь убѣдить или отговорить меня этими и имъ подобными рѣчами и видя, что ей не удается побѣдить моей глупости, но не желая въ то же время и оскорбить меня, она вздохнула, заплакала и закончила свою рѣчь такъ: „Теперь только это и осталось, чтобы обоихъ насъ привести къ погибели и столь же великой скорби, какъ велика была наша любовь“ (51). И въ этихъ словахъ, какъ потомъ было признано всѣми, она обнаружила даръ пророчества.

ГЛАВА II.

Безпримѣрное бѣдствіе.

Абелярь другу.

Оставивъ нашего младенца на попеченіи моей сестры, мы тайно вернулись въ Парижъ и черезъ нѣсколько дней, проведя всю ночь на молитвѣ въ одной церкви, рано поутру сочетались бракомъ, въ присутствіи ея дяди и нѣсколькихъ его или нашихъ друзей. Затѣмъ мы такъ же тихонько разошлись въ разныя стороны, да и послѣ того видались рѣдко и тайкомъ, стараясь скрывать свой бракъ. Но дядя Элоизы и его домашніе, желая загладить свой прежній позоръ, нарушили данное мнѣ слово и стали разглашать о нашемъ бракѣ. Элоиза всѣми силами старалась опровергать эти слухи и увѣрять въ ихъ лживости. Дядя, весьма этимъ недовольный, сталъ ее бранить. Узнавъ объ этомъ, я перевезъ ее въ Аржантейль близъ Парижа, въ аббатство монахинь, гдѣ она въ дѣтствѣ воспитывалась и училась. Я велѣлъ сшить для нея монашеское платьѣ, соответствующее монастырской жизни, и убѣдилъ ее носить его, кромѣ покрывала.

При извѣстіи объ этомъ, ея дядя и родные или близкіе ей

люди рѣшили, что я ихъ обманулъ и постригъ ее въ монахини, чтобы отъ нея отдѣлаться. Въ гнѣвѣ они составили противъ меня заговоръ и однажды, ночью, когда я спокойно спалъ въ отдаленной комнатѣ моего жилища, предали меня, съ помощью подкупленнаго слуги моего, жесточайшему и постыднѣйшему наказанію, вѣсть о которомъ всѣми была встрѣчена величайшимъ изумленіемъ (52)... Мои палачи бѣжали, но двое изъ нихъ были схвачены и подвергнуты ослѣпленію и оскотвленію. Однимъ изъ этихъ наказанныхъ былъ тотъ самый мой слуга, который прежде всегда былъ мнѣ вѣренъ, но изъ алчности къ деньгамъ рѣшился на предательство.

Наутро ко мнѣ сбѣжался весь городъ. Трудно, и даже невозможно, описать, какимъ всѣ были поражены изумленіемъ, какъ всѣ меня жалѣли, какъ удручали меня своими восклицаніями и выраженіями горести (53). Всего больше мучили меня своими жалобами и слезами церковники, а въ особенности мои ученики, такъ что я гораздо больше страдалъ отъ ихъ сожалѣнія, чѣмъ отъ своей раны, сильнѣе чувствовалъ краску стыда, нежели физическую боль. Я думалъ о томъ, какою славой я еще такъ недавно пользовался, и какъ эта случайность ее унизила, даже, можно сказать, совсѣмъ уничтожила! Сколь праведенъ былъ судъ Божій, поразившій меня именно въ томъ, въ чемъ я согрѣшилъ! Какою справедливой измѣной отплатилъ мнѣ человекъ, которому я раньше самъ измѣнилъ! Какъ обрадуются мои соперники этому праведному возмездію! Какую неутѣшную печаль причинить этотъ ударъ моимъ роднымъ и друзьямъ! Какъ весь свѣтъ заговоритъ объ этомъ позорѣ одного человека! Куда мнѣ послѣ этого идти? Какъ показаться народу? Вѣдь, всѣ станутъ указывать на меня пальцами; всѣ языки станутъ меня злословить; для всѣхъ я буду чудовищнымъ зрѣлищемъ!..

Немало смущался я и тѣмъ, что евнухи, по убійственному слову закона, ненавистны Богу до такой степени, что люди, намѣренно или случайно оскотвленные, не смѣютъ входить въ храмъ, яко зловонные и нечистые, и даже подобныя животныя отвергаются отъ жертвоприношеній. Въ книгѣ *Левитъ* (Гл. XXII, стр. 24) сказано: „Ему же суть ятра сокрушена, и ему же раздавлена, и изрѣзана, и исторжена, да не принесете сихъ Господу“. А во *Второзаконіи* (гл. XXIII, ст. 1): „Да не входить каженнѣ и скопецъ въ сонмъ Господень“.

Въ столь горестномъ и смятенномъ состояніи, признаюсь, не столько ради благочестія, сколько ради стыда, рѣшился я постричься въ монахи; а Элоиза еще прежде меня, по моему указанію, добровольно приняла монашество и заключилась въ монастырѣ.

Итакъ, мы постриглись почти одновременно, я—въ монастырѣ св. Діонисія, она—въ вышеупомянутомъ Аржантейльскомъ. Я помню, что многіе, изъ сожалѣнія къ молодой женщинѣ, старались запугать ее игомъ монастырскихъ правилъ, какъ невыносимымъ бременемъ. Но всѣ увѣщанія были напрасны. Сквозь слезы и рыданія она отвѣчала на нихъ, повторяя жалобныя слова Корнелии:

Безцѣнный супругъ мой!

Ложе мое сгубило тебя. Неужели Фортуна
Власть надъ тобой возымѣла? Затѣмъ ли твоею супругой
Сдѣлалась я, чтобъ горемъ тебя поразить? Добровольно
Я покараю себя (54).

Съ этими словами она поспѣшила къ алтарю, приняла освященное епископомъ покрывало и передъ всѣми произнесла монашескіе обѣты.

Едва успѣлъ я оправиться отъ своей раны, какъ ко мнѣ начали сходитья церковники и упрашивать нашего аббата и меня самого, чтобы я уже изъ любви къ Богу продолжалъ тѣ занятія, которыя до сихъ поръ были для меня источникомъ денежныхъ выгодъ и славы. Они напоминали мнѣ, что Богъ потребуетъ возвращенія съ лихвой даннаго Имъ таланта. Они говорили, что я, занимаясь до сего времени исключительно съ людьми состоятельными, долженъ теперь заняться просвѣщеніемъ бѣдныхъ; что въ поразившемъ меня ударѣ я долженъ познать руку Божию, указующую мнѣ, свободному нынѣ отъ плотскихъ искушеній и удаленному отъ шумной мірской жизни, предаться изученію науки и стать истиннымъ философомъ—не для міра, но для Бога.

Между тѣмъ аббатство, въ которое я вступилъ, отличалось именно почти мірскою и весьма предосудительною жизнью. Самъ аббатъ, по своему сану стоявшій выше прочихъ монаховъ, былъ настолько же ниже ихъ по своему поведенію и по своей дурной славѣ. Я началъ часто и сильно обличать ихъ невыносимыя гнусности, какъ въ частныхъ

разговорахъ, такъ и всенародно, и этимъ навлекъ на себя общее неудовольствие и ненависть: оттого-то они рады были, воспользовавшись настоячивыми просьбами моихъ учениковъ, отъ меня отдѣлаться. Послѣ долгихъ и неотступныхъ упрашиваній, наконецъ мнѣ наскучившихъ, въ которыхъ принимали участіе также и нашъ аббатъ съ братіей, я удалился въ одну келью, чтобы возобновить свои обычные учебныя занятія.

Туда собралось ко мнѣ такое множество учениковъ, что ихъ негдѣ было помѣстить и нечѣмъ прокормить. Тамъ, соотвѣтственно своему званію, занялся я преимущественно преподаваніемъ богословія, не оставляя однако же и преподаванія свѣтскихъ наукъ, особенно для меня привычнаго, тѣмъ болѣе, что ученики желали слушать лекціи преимущественно по этимъ наукамъ. Изъ нихъ я сдѣлалъ своего рода приманку, чтобы, съ помощью философскихъ введеній, привлечь слушателей къ изученію истинной философіи, т. е. богословія: такъ, по словамъ *Церковной Исторіи* ⁽⁵⁵⁾, поступалъ обыкновенно и величайшій изъ христіанскихъ философовъ, Оригенъ.

Когда же Господу угодно было ниспослать мнѣ и въ Священномъ Писаніи такія же познанія, какія я имѣлъ въ свѣтской наукѣ, тогда число слушателей обоихъ моихъ курсовъ стало быстро умножаться, а въ другихъ школахъ—столь же быстро уменьшаться. Этимъ я возбудилъ къ себѣ зависть и ненависть со стороны другихъ профессоровъ, которые и начали всячески меня злословить. Въ особенности обвиняли меня—въ моемъ отсутствіи—въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что, по моему монашескому званію, мнѣ неприлично заниматься изученіемъ свѣтскихъ наукъ; а во-вторыхъ, въ томъ, что я взялъ на себя преподаваніе богословія безъ магистра этой науки. Такимъ образомъ, они рассчитывали добиться, чтобы мнѣ было запрещено вообще всякое чтеніе лекцій, и настойчиво побуждали къ этому епископовъ, архіепископовъ, аббатовъ и другихъ лицъ, имѣющихъ вліяніе среди духовенства.

Вышло такъ, что я занялся разсужденіемъ о самой основѣ нашего вѣроученія, съ помощью уподобленій отъ человѣческаго разума ⁽⁵⁶⁾, и сочинилъ богословскій трактатъ *О Божественномъ единствѣ и Троичности* для своихъ учениковъ, которые требовали человѣческихъ ⁽⁵⁷⁾ и философскихъ доводовъ и желали не

словъ, а мыслей. Они говорили, что имъ не нужно рѣчей, недоступныхъ для разумѣнія, что нельзя вѣрить тому, чего не понимаешь, и что смѣшно видѣть, какъ человѣкъ проповѣдуетъ другимъ то, чего ни онъ самъ, ни тѣ, которыхъ онъ желаетъ научить, не въ состояніи постигнуть: вѣдь, и самъ Господь жаловался на то, что *слѣпы* выступаютъ *вождями слѣпцовъ* (Мате. XV, 14). Трататъ мой былъ прочитанъ многими, и всѣмъ вообще весьма понравился: въ немъ даны были, повидимому, одинаково удовлетворительные отвѣты на всѣ поставленные мною вопросы. А такъ какъ эти вопросы представлялись самыми трудными изъ всѣхъ, то, чѣмъ болѣе въ нихъ было затрудненій, тѣмъ болѣе понравилась тонкость ихъ разрѣшенія.

Это чрезвычайно раздосадовало моихъ соперниковъ; и они составили противъ меня цѣлый соборъ. Всего сильнѣе возставали противъ меня два моихъ давнихъ непріятеля—Альберикъ и Лотульфъ: по смерти своихъ и моихъ наставниковъ, Гильома и Ансельма, они считали себя единственными ихъ преемниками и даже какъ бы наследниками. А такъ какъ оба они завѣдывали школами въ Реймсѣ (58), то постоянными наговорами возстановили противъ меня своего архіепископа, Радульфа, который, при содѣйствіи пренестинскаго епископа, Конана, бывшаго въ то время папскимъ легатомъ во Франціи, созвалъ въ городѣ Суассонѣ собраніе, подъ именемъ собора, и пригласилъ меня представить этому собору мое уже всѣмъ извѣстное сочиненіе о Троицѣ. Я это исполнилъ. Но еще прежде, нежели я успѣлъ туда пріѣхать, двое вышеназванныхъ моихъ соперниковъ такъ ославили меня передъ духовенствомъ и народомъ, что толпа, въ первый же день послѣ моего пріѣзда, чуть не побилла камнями меня и немногихъ бывшихъ со мною учениковъ, говоря, будто я проповѣдую и пишу, что у насъ три Бога, а не одинъ: такъ ей на меня наговорили.

Прибывъ въ городъ, я тотчасъ же явился къ легату и передалъ ему свою книгу для прочтенія и разбора, съ заявленіемъ, что я готовъ подвергнуться взысканію и исполнить все, что отъ меня потребуется, если окажется, что написанное мною въ чемъ-либо противорѣчитъ католическому вѣроученію. Легатъ приказалъ мнѣ немедленно передать эту книгу архіепископу и названнымъ моимъ соперникамъ; такимъ образомъ, моими судьями должны были явиться тѣ самые люди, которые

выступили противъ меня съ обвиненіемъ, какъ бы для того, чтобы надо мной исполнилось сказанное въ Писаніи: «сами враги наши—судьи» (Второз. XXXII, 31). Внимательно разсматривая и перечитывая мою книгу и не находя въ ней ничего, что можно было бы выставить противъ меня на судѣ, они отложили сужденіе о ней и осужденіе ея до окончанія собора. Я же, въ ожиданіи открытія суда, ежедневно сталъ публично передъ всѣми излагать свое ученіе о католической вѣрѣ согласно съ тѣмъ, что мною было написано: и всѣ, слушавшіе меня, съ большой похвалой отзывались какъ о моемъ краснорѣчїи, такъ и о духѣ моихъ объясненій.

Замѣтивъ это, народъ и духовенство начали разсуждать между собой: «Вотъ, онъ теперь проповѣдуетъ открыто, и никто ему не возражаетъ; а между тѣмъ соборъ, созданный, какъ слышно, главнѣйше противъ него, близится уже къ окончанію: можетъ быть, судьи сами убѣдились, что они заблуждаются больше него?» Эти разговоры съ каждымъ днемъ все больше и больше раздражали моихъ противниковъ. Наконецъ, однажды Альберикъ, съ намѣреніемъ устроить мнѣ ловушку, пришелъ ко мнѣ съ нѣсколькими своими учениками и, послѣ немногихъ льстивыхъ фразъ, сказалъ, что его удивляетъ въ моей книгѣ одно мѣсто: именно, что я отрицаю возможность порожденія Богомъ самого себя, а между тѣмъ говорю, что Богъ родилъ Бога, оставаясь въ то же время единымъ.

На это я сейчасъ же отвѣчалъ: «Если желаете, я приведу доказательство».

— Въ подобныхъ вопросахъ — отвѣчалъ онъ — мы не полагаемся ни на человѣческій разумъ, ни на собственное сужденіе, а вѣримъ только авторитетному ⁽⁵⁹⁾ свидѣтельству.

А я сказалъ: «Такъ переверните страницу—и вы найдете авторитетъ».

Книга же была какъ разъ подъ рукой, потому что онъ самъ ее принесъ.

Я сейчасъ же сталъ искать извѣстное мѣсто, котораго онъ не замѣтилъ, вѣроятно, потому что выискивалъ въ книгѣ только то, что могло бы мнѣ повредить; и Богу угодно было, чтобы я немедленно нашелъ то, что было нужно. То была цитата подъ заглавіемъ: «Августинъ о Св. Троицѣ» (кн. I, гл. 1): «Кто пола-

гаетъ, что Богъ имѣетъ возможность самъ себя произвести, тотъ заблуждается; ибо ни Богъ, ни вообще какое бы то ни было существо духовное или матеріальное само себя произвести не можетъ».

Услышавъ это, присутствовавшіе ученики Альберика даже покраснѣли отъ изумленія. Онъ же, какъ бы стараясь оправдаться, сказалъ:

— Это надо хорошо понять.

На это я возразилъ, что это мнѣніе не новое и что оно нисколько не касается настоящаго дѣла, такъ какъ онъ требуетъ авторитетнаго свидѣтельства, а не сужденія по существу вопроса. Если же онъ желаетъ разсужденія по существу и доказательствъ, то я готовъ показать ему, на основаніи его же собственныхъ словъ, что онъ впалъ въ ересь, утверждая, будто Отецъ можетъ быть своимъ собственнымъ Сыномъ.

Услышавъ это, онъ пришелъ въ ярость и началъ мнѣ угрожать, говоря, что никакія мои доказательства и никакіе авторитеты мнѣ въ этомъ случаѣ не помогутъ. Съ этими словами онъ и ушелъ.

Въ послѣдній день собора, передъ открытіемъ засѣданія, легаты и архіепископъ долго совѣщались съ моими противниками и нѣкоторыми другими лицами о томъ, что слѣдуетъ постановить относительно меня и моей книги: вѣдь, для этого собственно они и были созданы. Такъ какъ ни въ моихъ словахъ, ни въ представленномъ на ихъ судъ сочиненіи моемъ они не могли найти ничего такого, что послужило бы основаніемъ для моего обвиненія, то и стали понемногу умолкать и менѣе яростно нападать на меня. Въ это время Жоффрау, епископъ шартрскій ⁽⁶⁰⁾, имѣвшій преимущество передъ прочими епископами, какъ по своей благочестивой жизни, такъ и по значенію своей каѳедры, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Вамъ, господа, здѣсь присутствующіе, всѣмъ извѣстно, что ученіе этого человѣка по различнымъ вопросамъ и его дарованіе, проявляющееся во всемъ, что онъ изучаетъ, приобрѣло ему многочисленныхъ и вѣрныхъ послѣдователей и значительно уменьшило славу учителей, какъ его собственныхъ, такъ и нашихъ: и его лоза, такъ сказать, распростерла свои вѣтви отъ моря до моря. Е сли вы его осудите, не давъ ему возможности защищаться (чего

я, впрочемъ, не думаю), то знайте, что, хотя бы это осужденіе было и справедливо, этимъ вы оскорбите многихъ; и весьма многие выступятъ на его защиту, въ особенности въ виду того, что въ настоящемъ его сочиненіи нѣтъ ничего такого, въ чемъ заключалась бы открытая ересь. Помните слова Іеронима: «Явная сила всегда имѣетъ завистниковъ» и слова поэта: «Громъ разить высокія вершины» (*Horat. Carm. II, X*). И смотрите, какъ бы своими насильственными дѣйствіями противъ него вы только не прибавили ему же доброй славы; какъ бы нашъ судъ не обратился въ обвиненіе не противъ него, а противъ нашей же зависти. Ибо «ложная молва—какъ говоритъ вышереченный ученый—быстро заглушается, и жизнь послѣдующая служитъ для сужденія о предшествовавшей». Если же вы предполагаете судить его по каноническимъ правиламъ, то пусть его ученіе или сочиненія предложены будутъ здѣсь; и пусть ему дозволено будетъ свободно отвѣчать на вопросы, дабы его можно было уличить или привести къ покаянію и заставить умолкнуть, по примѣру блаженнаго Никодима, который, желая избавить Господа, говорилъ: «Судить-ли законъ нашъ челоуѣка, если прежде не выслушаютъ его и не узнаютъ, чтѣ онъ дѣлаетъ?» (*Іоан. VII, 51*).

Выслушавъ эти слова, мои противники, прерывая другъ друга, тотчасъ же закричали: «Вотъ мудрый совѣтъ—спорить противъ его риторики, съ аргументами и софизмами которой никто не можетъ совладать!» Но, конечно, гораздо труднѣе было спорить съ самимъ Христомъ, а, между тѣмъ, вѣдь, Никодимъ, на основаніи закона, требовалъ, чтобы Его выслушали.

Епископъ, убѣдившись въ невозможности склонить ихъ въ пользу своего предложенія, попытался другимъ способомъ обуздать ихъ ненависть, говоря, что для сужденія о столь важномъ вопросѣ собраніе слишкомъ малочисленно, и что такое дѣло требуетъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія; а потому онъ полагалъ, что, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, присутствовавшій на соборѣ мой аббатъ долженъ отвести меня обратно въ монастырь св. Діонисія и что тамъ должны быть созваны въ большемъ числѣ ученѣйшіе люди для того, чтобы, по тщательномъ разсмотрѣніи, постановить свой приговоръ по этому дѣлу. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ епископа

согласился легать, а за нимъ—и всѣ прочіе. Вслѣдъ затѣмъ легать всталъ, чтобы идти служить обѣдню передъ началомъ засѣданія, а мнѣ черезъ сказаннаго епископа передалъ приказаніе возвратиться въ нашъ монастырь и тамъ ожидать окончанія дѣла.

Тогда мои противники, понимая, что они ничего не добьются, если это дѣло будетъ разсматриваться въ другомъ приходѣ, гдѣ они не могли быть судьями, и не довѣряя суду другихъ людей, внушили архіепископу, что для него будетъ весьма обидно, если дѣло перенесено будетъ въ другой судъ, и что опасно было бы дать мнѣ возможность такимъ образомъ ускользнуть отъ осужденія. Они сейчасъ же побѣждали къ легату, заставили его измѣнить свое постановленіе и, противъ его воли, принудили его осудить книгу безъ всякаго разсмотрѣнія и немедленно при всѣхъ предать ее сожженію, а меня самого заключить навсегда въ чужой монастырь. Они увѣряли, что для осужденія моей книги достаточно, что я осмѣлился всенародно читать ее безъ дозволенія римскаго первосвященника или церковной власти и многимъ давалъ ее списывать; они находили мое осужденіе весьма полезнымъ для христіанскаго вѣроученія, такъ какъ мой примѣръ многихъ заставитъ воздерживаться отъ подобнаго высокомерія.

Легать, не обладая необходимыми научными познаніями, руководился почти исключительно мнѣніемъ архіепископа, а этотъ послѣдній во всемъ слѣдовалъ совѣтамъ моихъ враговъ. Епископъ шартрскій, догадываясь о происходящемъ, тотчасъ же сообщилъ мнѣ объ этихъ козняхъ и горячо убѣждалъ меня перенести этотъ ударъ съ возможной кротостью, которая еще рѣзче выставила бы ихъ насиліе. Онъ говорилъ, что этотъ поступокъ, внушаемый очевидной завистью, чрезвычайно повредитъ моимъ противникамъ, а мнѣ будетъ весьма полезенъ, и уговаривалъ меня не смущаться заключеніемъ въ монастырь, такъ какъ онъ знаетъ навѣрно, что легать, дѣйствующій теперь только по принужденію, черезъ нѣсколько дней послѣ своего отъѣзда освободитъ меня. И такъ онъ утѣшалъ меня и себя самого, плача вмѣстѣ со мною.

Призванный на соборъ, я немедленно явился туда. Безъ всякаго разсужденія, меня тотчасъ же заставили собственной рукой бросить мою достопамятную книгу въ огонь. Она сгорѣла среди

общаго молчанія. Но затѣмъ кто-то изъ моихъ противниковъ про-
бормоталъ, что въ этой книгѣ было написано, будто одинъ только
Богъ-Отецъ всемогущъ. Услышавъ это, легать съ большимъ изумле-
ніемъ отвѣчалъ ему, что такъ заблуждаться не могъ бы даже и
мальчишка, ибо, говорилъ онъ, всѣ вѣруютъ и исповѣдуютъ суще-
ствованіе трехъ Всемогущихъ. На это нѣкій Терьеръ, профессоръ
богословія, съ улыбкой отвѣчалъ словами Аѳанасія (*In Symbolo*):
«И однако не три Всемогущихъ, но Единный Всемогущій». Епископъ
сталъ возражать и хотѣлъ высказать ему порицаніе какъ бы за
оскорбленіе величества. Но тотъ смѣло возсталъ противъ него и,
какъ бы вспоминая слова Даніила (*Дан. XIII, 48*), воскликнулъ:
«Такъ ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не изслѣдовавши и
не узнавши истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь въ судъ,
ибо эти ложно противъ нея засвидѣтельствовали. И судите самого
судью, такъ какъ вы же сами избрали его для утвержденія вѣры
и исправленія заблужденій, а онъ, когда ему должно было судить
другого, собственными устами осудилъ самъ себя. Нынѣ Божіе ми-
лосердіе обнаружило невиновность этого человѣка; освободите же
его, какъ нѣкогда Сусанну, отъ ложныхъ обвинителей!»

Тогда архіепископъ всталъ и, нѣсколько измѣнивъ выраженія,
соотвѣтственно потребности, подтвердилъ мнѣніе легата, говоря: «И
дѣйствительно, всемогущъ Отецъ, всемогущъ Сынъ и всемогущъ
Духъ Святый. И тотъ, кто отъ сего отстѣпаетъ, явно уклоняется
отъ вѣры и не долженъ быть выслушиваемъ. Но если вамъ угодно,
то пусть сей братъ нашъ изложитъ предъ всѣми нами свое вѣроу-
ченіе, дабы мы могли соотвѣтственно или одобрить его, или осу-
дить и исправить.» Когда же я всталъ для того, что-бы исповѣ-
дать и изложить свою вѣру и выразить свои мысли собственными
словами, противники мои стали говорить, что отъ меня не тре-
буется ничего другого, какъ только прочесть символъ вѣры Аѳа-
насія, что могъ бы исполнить и любой мальчишка. И словно для
того, чтобы я не могъ отговориться невѣдѣніемъ, велѣли принести
списокъ, какъ будто я не зналъ его наизусть. Плача, рыдая и
вздыхая, я прочелъ его, какъ могъ.

Затѣмъ меня, какъ виновнаго и уличеннаго, передали въ распо-
ряженіе присутствовавшаго на соборѣ настоятеля монастыря св. Ме-

дарда (61) и увезли въ его монастырь, словно въ тюрьму; а соборъ тотчасъ же былъ распущенъ.

Аббатъ и монахи этого монастыря, полагая, что я навсегда у нихъ останусь, встрѣтили меня съ великой радостью и, обращаясь со мной чрезвычайно любезно, напрасно пытались меня утѣшить.

О Боже, Судія праведный! Съ какой желчью въ сердцѣ, съ какой горечью въ мысляхъ я въ ту пору безумно обвинялъ Тебя самого и яростно возставалъ противъ Тебя, повторяя вопросъ блаженнаго Антонія: «Исусе благій, гдѣ былъ еси?» Какую скорбью я страдалъ, какимъ стыдомъ былъ смущенъ, какимъ отчаяніемъ я мучился,—это я могъ чувствовать въ то время, но теперь не могу пересказать. Я сравнивалъ то, что мнѣ пришлось переносить, съ тѣмъ, что нѣкогда вытерпѣло мое тѣло, и считалъ себя несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. То давнишнее предательство представлялось мнѣ ничтожнымъ въ сравненіи съ новой обидой. И я гораздо болѣе огорчился ударомъ, нанесеннымъ моему доброму имени, чѣмъ тѣлеснымъ моимъ изувѣченіемъ: вѣдь, въ послѣднемъ я былъ отчасти самъ виноватъ, между тѣмъ какъ это новое и столь явное насилие надо мной вызвано было только моей искренностью и ревностью къ вѣрѣ, побудившими меня написать мою книгу.

Узнавъ объ этомъ жестокомъ и незаслуженномъ мною поступкѣ, всѣ высказывали рѣшительное осужденіе моимъ противникамъ; отдѣльные члены собора старались отклонить отъ себя отвѣтственность и перенести ее на другихъ, такъ что даже и сами враги мои стали отрицать, что это произошло по ихъ совѣту, а легать публично и рѣшительно осуждалъ своеволие, проявленное французскимъ духовенствомъ въ этомъ дѣлѣ. Нѣсколько дней спустя, раскаяваясь въ томъ, что онъ принужденъ былъ удовлетворить ихъ злобѣ, онъ освободилъ меня изъ чужого монастыря и отослалъ назадъ въ мой собственный.

А тамъ, какъ я уже говорилъ выше, почти всѣ относились ко мнѣ враждебно: гнусная ихъ жизнь и безстыдное поведеніе дѣлали меня для нихъ весьма неприятнымъ; и мои упреки были для нихъ невыносимы. И вотъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, судьба предоставила имъ случай попытаться погубить меня.

Однажды во время чтенія, я случайно попалъ на слова Беды,

который, въ своемъ изложеніи *Дьяній Апостольскихъ*, утверждаетъ, что Діонисій Ареопагитъ былъ епископомъ, по всей вѣроятности, не аѳинскимъ, а коринѳскимъ ⁽⁶²⁾. Это открытіе было весьма непріятно нашимъ монахамъ, которые похвалялись тѣмъ, что основатель ихъ монастыря, Діонисій, бывший, какъ это доказывается фактами, епископомъ аѳинскимъ, именно и есть знаменитый Ареопагитъ. Отыскавъ это свидѣтельство Беды, противорѣчащее нашему мнѣнію, я, шутя, показалъ его нѣсколькимъ бывшимъ возлѣ меня монахамъ. Они пришли въ большое негодованіе и заявили, что Беда лжетъ, и что они считаютъ болѣе достовѣрнымъ свидѣтелемъ своего аббата Хильдонія, который, съ цѣлью изслѣдованія этого вопроса, долго путешествовалъ по Греціи и, убѣдившись въ правотѣ своего мнѣнія, совершенно устранилъ всякія недоразумѣнія въ составленномъ имъ житіи св. Діонисія.

Затѣмъ, когда одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ сталъ настойчиво добиваться, чтобы я высказалъ свое мнѣніе объ этомъ разногласіи между Бедой и Хильдоніемъ, я отвѣтилъ, что мнѣ представляется болѣе убѣдительнымъ авторитетъ Беды, сочиненія котораго признаются за учительныя всѣми латинскими церквами. На это они чрезвычайно разгнѣвались, и давай кричать, что, ясное дѣло, если я всегда былъ ненавистникомъ нашего монастыря, то теперь показалъ себя врагомъ и всего государства, отнимая у него ту честь, которою оно въ особенности гордится, — честь имѣть своимъ патрономъ Діонисія Ареопагита. Я отвѣчалъ, что не отрицаю этого и что вообще придаю мало значенія тому, былъ ли нашимъ патрономъ Ареопагитъ или другой Діонисій: важно то, что онъ удостоился отъ Бога столь великаго вѣнца.

Они сейчасъ же побѣжали къ аббату и передали ему то, что заставили меня сказать. Аббатъ выслушалъ ихъ съ удовольствіемъ, радуясь представившемуся случаю притѣснить меня: живя хуже прочихъ, онъ имѣлъ особенныя причины меня опасаться. Онъ немедленно созвалъ всю братію и обратился ко мнѣ съ самымъ строгимъ выговоромъ, угрожая сейчасъ же отослать меня къ королю, чтобы онъ наказалъ меня, какъ челоуѣка, который отнимаетъ у его царства славу и вѣнецъ. А до этой выдачи меня королю онъ приказалъ хорошенько меня стеречь.

Я просилъ его, если я виновенъ, подвергнуть меня обычному дисциплинарному взысканію, но эта просьба оказалась напрасной. Тогда я, опасаясь ихъ злобы, тѣмъ болѣе, что судьба такъ долго меня преслѣдовала, и находясь почти въ отчаяніи отъ мысли, что всѣ встаютъ противъ меня, воспользовался содѣйствіемъ нѣсколькихъ пожалѣвшихъ меня монаховъ и помощью нѣкоторыхъ моихъ учениковъ и, ночью, бѣжалъ изъ монастыря въ сосѣднее имѣніе графа Теобальда (63), гдѣ уже ранѣе жилъ нѣкоторое время въ аббатствѣ.

Самъ графъ былъ немного знакомъ со мной и вполнѣ сочувствовалъ мнѣ, зная о моихъ злополучіяхъ. Сначала я поселился въ замкѣ Привиньи, въ одномъ аббатствѣ, принадлежавшемъ монахамъ изъ города Труа, настоятель которыхъ прежде былъ со мной друженъ и очень меня любилъ. Онъ очень мнѣ обрадовался и сталъ обращаться со мной весьма любезно. Вдругъ однажды нашъ аббатъ (64) пріѣхалъ въ замокъ, къ самому графу, по какому-то своимъ дѣламъ. Узнавъ объ этомъ, я также явился къ графу, вмѣстѣ съ упомянутымъ настоятелемъ, и сталъ просить его вступить за меня передъ аббатомъ, чтобы онъ меня простилъ и далъ мнѣ дозволеніе жить по-монашенски тамъ, гдѣ я найду себѣ подходящее мѣсто.

Аббатъ и сопровождавшія его лица стали совѣщаться межъ собой, такъ какъ имъ слѣдовало дать графу отвѣтъ въ тотъ же день, до своего отъѣзда. Имъ показалось, что я желаю перейти въ другое аббатство, и что это будетъ для нихъ весьма позорно: они очень гордились тѣмъ, что я, при поступленіи въ монашество, избралъ именно ихъ монастырь и этимъ какъ бы оказалъ ему предпочтеніе передъ всѣми прочими. Вотъ почему они говорили, что имъ будетъ очень обидно, если я оставлю ихъ и перейду къ другимъ, и не только не хотѣли выслушать ни меня, ни графа, но даже стали грозить мнѣ отлученіемъ, если я сейчасъ же не вернусь въ ихъ монастырь; а настоятелю, къ которому я бѣжалъ, строго запретили меня держать у себя, если онъ не желаетъ также подвергнуться отлученію.

Настоятель и я были этимъ весьма обезпокоены. Но аббатъ, уѣхавшій съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы его рѣшеніе было исполнено, нѣсколько дней спустя умеръ. Тогда я обратился къ епископу меленскому съ просьбой поддержать мое ходатайство пе-

редь его преемникомъ. Но и этотъ послѣдній также сначала не соглашался на мое освобожденіе, вслѣдствіе чего я, съ помощью нѣкоторыхъ моихъ друзей, обратился къ королю и королевскому совѣту и, наконецъ, достигъ того, чего желалъ. Этьенъ де-Гарландъ, бывшій въ ту пору королевскимъ кравчимъ, призвалъ къ себѣ аббата и его приближенныхъ и спросилъ ихъ, зачѣмъ они удерживаютъ меня противъ моей воли, объяснивъ, что этимъ они легко могутъ подать поводъ къ соблазну и, во всякомъ случаѣ, не подучать отъ этого никакой пользы, потому что моя жизнь ни въ чемъ не можетъ согласоваться съ ихъ жизнью.

Мнѣ стало извѣстно, что въ королевскомъ совѣтѣ высказано было мнѣніе, что такъ какъ это аббатство ведетъ неправильную жизнь, то оно должно проявлять особенную покорность королевскимъ велѣніямъ и даже платить побольше налоговъ; а потому я и былъ увѣренъ, что легко получу согласіе короля и его совѣтниковъ на мое ходатайство. Такъ и вышло. Но для того, чтобы наше аббатство не лишилось той славы, какою оно изъ-за меня пользовалось, мнѣ разрѣшено было перейти въ какой-угодно другой монастырь, только подъ условіемъ не подчиняться власти какому-либо другого аббатства. На это съ обѣихъ сторонъ послѣдовало согласіе: и условіе утверждено было въ присутствіи короля и его совѣтниковъ.

Итакъ, я удалился въ одну, уже ранѣе мнѣ извѣстную, пустынь въ округѣ Труа ⁽⁶⁵⁾, гдѣ нѣкоторые лица подарили мнѣ землю. Тамъ, съ согласія мѣстнаго епископа, я построилъ нѣчто въ родѣ ораторіи во имя св. Троицы, сначала изъ тростника и соломы. Скрываясь въ ней съ однимъ изъ моихъ церковниковъ, я могъ воззвать ко Господу: «Далеко удалился бы я и оставался бы въ пустынѣ» (Псалт. LIV, 8).

Узнавъ объ этомъ, ученики мои начали отовсюду сходитья ко мнѣ и, покидая города и замки, селиться въ пустынѣ, строя себѣ, вмѣсто обширныхъ домовъ, хижинки и питаясь, вмѣсто изысканныхъ кушаній, полевыми травами и чернымъ хлѣбомъ. Взамѣнъ мягкихъ постелей, они устраивали себѣ ложе изъ соломы и мха, а вмѣсто столовъ дѣлали земляныя насыпи и, такимъ образомъ, можно сказать, подражали тѣмъ первымъ философамъ, о которыхъ вспоминаетъ

блаженный Иеронимъ во второй книгѣ *Противъ Ювиніана*: «Пороки входятъ въ душу черезъ чувства, какъ черезъ окна. Городъ и твердыня ума не можетъ быть взята иначе, какъ вторженіемъ непріятельскаго войска въ ворота. Если кто-либо находитъ удовольствіе въ цирковыхъ играхъ, въ борьбѣ силачей, въ движеніяхъ скоророховъ, въ созерцаніи женской красоты, въ блескѣ драгоценныхъ камней, богатствѣ одеждъ и прочемъ, тому подобномъ, то свобода его души берется непріателемъ черезъ окна очей его. И исполняется реченное пророкомъ: «Смерть входитъ въ наши окна» (Иерем. IX, 21). Ибо, когда черезъ эти врата въ твердыню ума нашего проникаетъ войско искушенія, то гдѣ будетъ тогда свобода, гдѣ твердость, гдѣ помыслы о Богѣ? Въ особенности, если подумать о томъ, что наша чувствительность живо представляетъ себѣ даже и минувшія наслажденія и воспоминаніемъ о порокахъ побуждаетъ душу вновь чувствовать ихъ и какъ бы повторять прежнія свои дѣйствія».

По этимъ-то причинамъ многіе философы отказывались отъ посѣщенія городовъ и пригородныхъ садовъ, гдѣ и злачныя лужайки, и широколиственныя деревья, и чириканье птицъ, и зеркальные источники, и журчаніе ручейковъ и многое другое, служа приманкой для очей и слуха, могло бы этой роскошью и обиліемъ пріятностей изнѣжить суровую душу и осквернить ея чистоту. И въ самомъ дѣлѣ, бесполезно часто смотрѣть на такія вещи, которыя могутъ плѣнить тебя, и подвергаться такимъ искушеніямъ, отъ которыхъ трудно уберечься. Вотъ почему пнеагорейцы, избѣгая подобныхъ искушеній, жили обыкновенно въ пустыняхъ и уединенныхъ мѣстахъ. И самъ Платонъ, человѣкъ богатый, ложе котораго Діогенъ попиралъ грязными ногами, выбралъ для своей академіи и для философскихъ занятій загородный домъ, не только удаленный отъ города и пустынный, но и зараженный чумою, чтобы обуздать порывы страстей угрозой и страхомъ болѣзни и чтобы его ученики не чувствовали никакихъ иныхъ удовольствій, кромѣ удовольствія предаваться своимъ научнымъ занятіямъ. Подобный же образъ жизни вели, какъ извѣстно, и сыны пророковъ, ученики Елисея. О нихъ тотъ же самый Иеронимъ, въ своемъ сочиненіи *«Къ монаху Рустикю»*, говоритъ, какъ о монахахъ своего времени: «Сыны про-

роковъ, которыхъ Ветхій Завѣтъ изображаетъ монахами, строили себѣ хижины близъ Иордана и, оставивъ города и людское общество, питались дробленнымъ зерномъ и полевыми травами».

Точно такъ же и мои ученики, построившіе себѣ жилища по рѣкѣ Ардузону, были похожи скорѣе на отшельниковъ, чѣмъ на школьниковъ. Но чѣмъ болѣе увеличивалось ихъ количество и чѣмъ болѣе суровый образъ жизни вели они ради того, чтобы у меня учиться, тѣмъ болѣе враги мои усматривали въ этомъ славы для меня и безчестія для себя. Они старались дѣлать мнѣ всевозможное зло и огорчались, видя, что всѣ ихъ усилія обращаются мнѣ во благо. Такимъ образомъ, хотя я, по словамъ Иеронима, и удалился отъ городовъ, площадей, толпы и ея пререканій, но зависть, какъ говоритъ Квинтиліанъ, нашла меня и въ моемъ уединеніи. Мои непріатели молча жаловались на судьбу и, вздыхая, говорили сами себѣ: «Вотъ, всѣ пошли за нимъ: и мы ничего не могли добиться своимъ преслѣдованіемъ. Напротивъ, мы только еще болѣе увеличили его славу. Ученики въ городахъ имѣютъ подъ рукою все необходимое—и, вотъ, пренебрегая городскими удобствами, они налагаютъ на себя добровольную нищету и стекаются въ эту бѣдную пустыню!»

Въ дѣйствительности, возобновить учебныя мои занятія заставила меня крайняя бѣдность, ибо я «копать не могу, просить стыжусь» (Лука XVI, 3). Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы жить трудами рукъ своихъ, я долженъ былъ обратиться къ извѣстной мнѣ наукѣ и пользоваться услугами своего языка. Ученики же охотно стали снабжать меня всѣмъ необходимымъ,—и пищей, и одеждой. Они занялись обработкой полей и взяли на себя расходы по постройкамъ, чтобы никакія матеріальныя заботы не отвлекали меня отъ научныхъ занятій. А такъ какъ значительное количество ихъ не могло помѣститься въ моей ораторіи, то они, по необходимости, должны были ее расширить и значительно улучшили ее постройкой изъ камня и дерева.

Основанная во имя Св. Троицы, она и впослѣдствіи была освящена тѣмъ же именемъ; но такъ какъ я бѣжалъ сюда въ отчаяніи, и здѣсь, благодаря Божественному утѣшенію, получилъ возможность вздохнуть нѣсколько свободнѣе, то, въ память этой благодати, и далъ ораторіи наименованіе Параклета (⁶⁶). Узнавъ объ

этомъ, многіе были очень удивлены; а иные стали порицать меня, говоря, что неприлично посвящать храмъ исключительно Святому Духу преимущественно предъ Богомъ Отцомъ, и что мнѣ должно было, слѣдуя древнему обыкновенію, посвятить его или одному Сыну Божию, или всей Св. Троицѣ въ совокупности.

Виной этого ошибочнаго обвиненія было главнымъ образомъ то, что они не видѣли различія между Параклетомъ и Св. Духомъ. Въ дѣйствительности же, какъ сама Св. Троица въ совокупности, такъ и каждое отдѣльное ея лицо можетъ быть называемо Богомъ или Помощникомъ, а слѣдовательно и именоваться Параклетомъ, т. е. Утѣшителемъ, по слову апостольскому: «Благословенъ Богъ и Отецъ нашего Иисуса Христа, Отецъ милосердія и Богъ всякаго утѣшенія, утѣшающій насъ во всякой скорби нашей» (2 Кор. I, 3-4), и согласно тому, что глаголетъ сама Истина: «И иного Утѣшителя дасть вамъ» (Іоан. XIV, 16). А такъ какъ всякая церковь освящается во имя Отца и Сына и Святаго Духа и принадлежитъ равно всѣмъ тремъ ипостасямъ, безъ всякаго между ними различія, то что же препятствуетъ посвятить ее и въ отдѣльности Богу-Отцу, или Сыну Божию, или Духу Святому? Кто осмѣлится уничтожить надъ входомъ въ домъ имя того, кому этотъ домъ принадлежитъ?

Далѣе, такъ какъ Сынъ принесъ Себя въ жертву Отцу, вслѣдствіе чего и при совершеніи литургіи молитвы обращаются въ особенноти къ Отцу и ради Него же происходитъ самое закланіе жертвы, то можно ли сказать, что престоль принадлежитъ преимущественно Отцу, къ Которому мы обращаемся съ преимущественными молитвами и принесеніемъ жертвы? Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, жертвенникъ посвящается не тому, кто на немъ закалается, а тому ради кого совершается закланіе жертвы. И станеть ли кто-нибудь доказывать, что престоль принадлежитъ не Богу, а скорѣе Кресту Христову, или Гробу Господню, или св. Михаилу, Іоанну, Петру, или какому-либо иному святому, которые не приносятся въ жертву и къ которымъ также мы не обращаемся ни съ жертвоприношеніемъ, ни съ молитвами?

Даже идолопоклонники воздвигали алтари и храмы только въ честь тѣхъ, кому они приносили жертвы и къ кому обращались

съ моленіями. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что и Богу-Отцу не должно посвящатьъ церкви, такъ какъ Ему не установлено какого-либо особаго праздника или торжества. Однако такое разсужденіе лишило бы храмовъ и самую Троицу, не лишая, въ то же время, этого преимущества Св. Духа, пришествію котораго посвящено особое празднество Пятидесятницы точно такъ же, какъ пришествію Сына посвященъ праздникъ Рождества Христова. Вѣдь, какъ Сынъ посланъ былъ въ міръ, такъ и Духъ Св. ниспосланъ на учениковъ и потому имѣетъ право на особое празднество. Посвященіе храма Св. Духу представляется даже болѣе соотвѣтственнымъ, нежели посвященіе какой-либо иной ипостаси, если внимательно вникнуть въ слова апостольскія и въ дѣянія самого Св. Духа. Вѣдь, апостоль не приписываетъ храма духовнаго ни одной изъ трехъ ипостасей въ отдѣльности, кромѣ именно Духа Святаго: онъ не говоритъ о храмѣ Отца или Сына, но о храмѣ Духа Святаго, въ первомъ посланіи къ *Коринтянамъ* (VI, 17 и 19): «Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ. Не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои?»

Кому же не извѣстно, что благая сила Божественныхъ Таинствъ, совершаемыхъ церковью, приписывается дѣйствию Божественной благодати, подъ которою разумѣется Духъ Святой? Водой и Святымъ духомъ мы возрождаемся въ крещеніи, и только послѣ этого становимся какъ бы нарочитымъ храмомъ Божіимъ. Въ довершеніе, мы воспринимаемъ семь даровъ Духа Святаго, коими сей храмъ Божій украшается и святится. Чего же удивляться, если мы посвятимъ видимый храмъ той ипостаси, которой апостоль именно и приписываетъ храмъ духовный? Какой же ипостаси правильнѣе посвящатьъ церковь, какъ не той, дѣйствию которой въ особенности приписываются всѣ благодѣянія, церковью совершаемая? Впрочемъ, называя свою ораторію именемъ Параклета, я вовсе не имѣлъ въ виду заявить этимъ о посвященіи ея одной ипостаси: я далъ ей это наименованіе только по причинѣ, объясненной выше,—въ память моего утѣшенія. Но если бы я дѣйствовалъ и по тѣмъ соображеніямъ, какія мнѣ приписывались, то въ этомъ не было бы ничего противнаго разуму, несмотря на то, что это было бы дѣломъ необычнымъ.

Авеляръ.

3

ГЛАВА III.

Живой въ гробу и женщина.

Абелярь другу.

Тѣлесно я скрывался въ сказанномъ мѣстѣ; но слава моя распространялась по всему свѣту, уподобляясь тому поэтическому вымыслу, что зовется эхомъ и имѣеть множество голосовъ, подъ которыми однако не скрыто никакого существа. Старые мои враги, сами по себѣ уже безсильные, возбудили противъ меня новыхъ апостоловъ, которымъ всѣ чрезвычайно довѣряли (67). Изъ нихъ одинъ похвалялся тѣмъ, что онъ возстановилъ правильный образъ жизни канониковъ, а другой—тѣмъ, что онъ то же самое сдѣлалъ въ отношеніи монаховъ. Странствуя по свѣту и проповѣдуя, они безъ всякаго стыда жестоко нападали на меня и успѣли вызвать нерасположеніе ко мнѣ нѣкоторыхъ не только церковныхъ, но и свѣтскихъ властей. Они распространяли о моемъ вѣрученіи и о моей жизни такую дурную славу, что отъ меня отступились даже главные мои друзья; а тѣ изъ нихъ, которые все-таки сохраняли ко мнѣ прежнюю любовь, стали, изъ страха передъ моими обвинителями, всячески ее скрывать.

Богъ свидѣтель, что я всякій разъ, когда слышалъ о созваніи какого-либо собранія духовныхъ особъ, былъ увѣренъ, что оно созывается для моего осужденія. Въ оцѣпенѣніи, словно ожидая громового удара, я ждалъ, что вотъ-вотъ меня потащутъ на соборъ, какъ еретика или отступника. Враги мои преслѣдовали меня не менѣе яростно, чѣмъ нѣкогда еретики гнали блаженнаго Аванасія, хотя сравнивать его со мной значило бы то же, что сравнивать льва съ вошью или слона съ муравьемъ. Богу извѣстно, какъ часто я впадалъ въ такое отчаяніе, что начиналъ помышлять объ удаленіи изъ христіанскихъ предѣловъ и о переселеніи къ язычникамъ, чтобы тамъ, уплачивая какую-нибудь дань, имѣть возможность, среди враговъ Христа, жить по-христіански. Я былъ увѣренъ, что язычники отнесутся ко мнѣ благосклонно, такъ какъ приписываемая мнѣ вина заставитъ ихъ заподозрить меня въ отступничествѣ отъ хри-

стіанства и надѣяться на то, что имъ удастся безъ затрудненія обратить меня къ своей вѣрѣ.

И вотъ, въ то время, когда я безпрестанно огорчался этими злополучіями и въ крайности уже помышлялъ о томъ, чтобы искать христіанскаго убѣжища среди враговъ Христа, я захотѣлъ воспользоваться однимъ случаемъ для того, чтобы хоть нѣсколько устранить это вражеское коварство,—и попалъ въ руки христіанъ и монаховъ, гораздо болѣе жестокихъ и худшихъ, нежели сами язычники. Въ Бретани, въ епископствѣ Ваннскомъ, находилось аббатство св. Гильдасія Руисскаго. Настоятель этого аббатства скончался; и братія, единогласно избравъ меня, съ согласія герцога этой провинціи, предложила мнѣ занять мѣсто покойнаго. Со стороны нашего аббата и братіи на это легко дано было согласіе. Такимъ образомъ, зависть французовъ изгнала меня на западъ, подобно тому, какъ зависть римлянъ изгнала Іеронима на востокъ.

Богъ свидѣтель, что я никогда не согласился бы на это предложеніе, если бы, какъ сказано выше, не желалъ какъ-нибудь уклониться отъ тѣхъ притѣсненій, которыя мнѣ постоянно приходилось претерпѣвать. Страна эта была варварская; языкъ ея былъ мнѣ неизвѣстенъ; гнусная и необузданная жизнь тамошнихъ монаховъ была всѣмъ извѣстна; да и все населеніе этой страны было грубо и невѣжественно. Подобно человѣку, который, спасаясь отъ грозящаго ему меча, въ страхѣ бросается въ пропасть и, на секунду избѣгая одной смерти, находитъ другую, я сознательно бросился отъ одной опасности къ другой. И тамъ, на берегу страшно шумящихъ волнъ океана, уже не имѣя передъ собой земли для дальнѣйшаго бѣгства, часто повторялъ я въ своихъ молитвахъ: «Отъ конца земли взываю къ Тебѣ въ уныніи сердца моего» (Псал. LX, 3).

Я думаю, теперь всѣмъ уже извѣстно, какою тревогой день и ночь терзалось мое сердце при мысли о томъ, какую непослушную братію принялъ я подъ свое управленіе и какая опасность угрожаетъ и моему тѣлу, и душѣ моей. Я былъ увѣренъ, что если стану заставлятъ ихъ вести такую жизнь, какую они обязаны вести въ силу даннаго ими обѣта, то моя собственная жизнь станетъ невозможной; если же я не буду стремиться къ этой цѣли по мѣрѣ силъ, то мнѣ грозитъ вѣчное осужденіе. Одинъ владѣтель,

весьма могущественный въ этой странѣ, давно уже подчинилъ себѣ это аббатство, воспользовавшись монастырскими беспорядками для того, чтобы присвоить себѣ всѣ принадлежавшія монастырю земли и обложить монаховъ повинностями еще болѣе тяжкими, чѣмъ тѣ, какія нѣкогда наложены были на плѣнныхъ іудеевъ. Монахи приступали ко мнѣ со своими ежедневными нуждами. Но у общины не было никакого имущества, которое я могъ бы между ними раздѣлить: каждый содержалъ самъ себя, своихъ наложницъ, сыновей и дочерей, насчетъ остатковъ собственнаго имѣнія. Они радовались, видя, что этимъ причиняютъ мнѣ горе, а сами воровали и тащили все, что попадало подъ руку, чтобы тѣмъ еще больше затруднить мое управленіе и заставить меня или ослабить дисциплину, или совѣмъ отъ нихъ отступить. А такъ какъ и вообще всѣ жители той страны были необузданные беззаконники и варвары, то мнѣ не къ кому было обратиться за содѣйствіемъ: мои понятія противорѣчили образу жизни всѣхъ и cadaго.

Внѣ монастыря меня постоянно притѣсняли упомянутый владѣтель и его приспѣшники; а въ самомъ монастырѣ братія постоянно измышляла противъ меня всякія непріятности, словно у апостола нарочно про меня было сказано: «Отвнѣ — нападенія, внутри страхи» (2 Кор. VII, 5). Со скорбью помышлялъ я о той бесполезной и жалкой жизни, какую мнѣ пришлось вести, о томъ, какъ эта жизнь была бесплодна и для меня самаго, и для другихъ; какую пользу приносилъ я прежде своимъ ученикамъ, которыхъ покинулъ ради монаховъ, а теперь ни монахамъ, ни ученикамъ ни въ чемъ не могу быть полезнымъ. Всѣ мои начинанія и старанія оказываются безуспѣшными; и за всѣ мои дѣйствія я заслужилъ только справедливый упрекъ: «Этотъ человекъ началъ строить и не могъ окончить» (Лука, XIV, 30).

Я приходилъ въ полное отчаяніе, вспоминая о томъ, отъ чего я бѣжалъ, и думая о томъ, что мнѣ теперь угрожаетъ. Прежнія мои злключения представлялись мнѣ почти ничтожными. И часто я со вздохомъ повторялъ себѣ: я заслужилъ эту кару за то, что покинулъ Параклетъ, т.-е. Утѣшителя, самъ пошелъ навстрѣчу огорченіямъ и, желая избѣгнуть угрозъ, набѣжалъ на вѣрную гибель. Особенно же прискорбно мнѣ было то, что я, покинувъ свою ораторію, уже не

имѣлъ возможности заботиться, какъ должно, объ отправленіи тамъ божественной службы, ибо, по крайней бѣдности этого мѣста, тамъ едва могъ прожить одинъ священникъ. Но самъ истинный Утѣшитель принесъ мнѣ утѣшеніе въ этой скорби и самъ позаботился о своемъ молитвенномъ домѣ. А именно, случилось слѣдующее.

Нашъ аббатъ св. Діонісія сталъ требовать себѣ, какъ съ давняго времени принадлежавшее къ его монастырю, аббатство Аржантейльское (6^s), гдѣ постриглась въ монахини упомянутая выше моя не столько супруга, сколько сестра во Христѣ, Элоиза. Захвативъ въ свои руки это аббатство, онъ насильно разогналъ оттуда всѣхъ монахинь, настоятельницей которыхъ была эта моя подруга. Изгнанницы разсѣялись въ разныя стороны; и я увидѣлъ, что Господь представляетъ мнѣ удобный случай помочь нуждѣ моей ораторіи. Я отправился туда и пригласилъ въ ораторію Элоизу, вмѣстѣ съ нѣсколькими оставшимися при ней монахинями изъ того же братства; когда же онѣ прибыли туда, я уступилъ имъ въ даръ и въ полную собственность, какъ самую ораторію, такъ и все къ ней принадлежавшее имущество. Впослѣдствіи, съ согласія и по ходатайству мѣстнаго епископа, папа Иннокентій II льготною грамотой утвердилъ этотъ мой даръ за ними и ихъ преемниками на вѣчныя времена.

Сначала онѣ жили тамъ въ нуждѣ, а по временамъ — и въ большой горести. Но Божественное милосердіе, которому онѣ такъ набожно служили, вскорѣ ниспослало имъ утѣшеніе: къ нимъ ниспослалъ истинный Параклетъ, дѣйствіемъ котораго окружавшее ихъ населеніе сжалилось надъ ними и стало относиться къ нимъ благосклонно. Я полагаю (навѣрно же это вѣдомо только Богу), что ихъ земныя блага въ теченіе какого-нибудь одного года увеличились настолько, насколько у меня, если бы я тамъ оставался, не увеличились бы и во сто лѣтъ. Женщины слабѣе мужчинъ, а потому ихъ нужда легче вызываетъ въ людяхъ чувство сожалѣнія; а ихъ добродѣтель угоднѣ Богу и пріятнѣ людямъ. Господу же было угодно сдѣлать нашу сестру настоятельницу столь для всѣхъ пріятною, что епископы полюбили ее, какъ дочь, аббаты — какъ сестру, а міряне — какъ мать; и всѣ равно удивлялись

ея набожности, благоразумію и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенной кротости и терпѣливости. Ее рѣдко можно было видѣть, такъ какъ она большую часть своего времени проводила, запершись въ своей кельѣ, въ набожныхъ размышленіяхъ и молитвѣ; но тѣмъ болѣе всѣ цѣнили ея присутствіе и благочестивыя наставленія ея бесѣды.

Всѣ ихъ сосѣди весьма сильно обвиняли меня за то, что я не помогаль имъ въ нуждѣ настолько, насколько могъ и долженъ былъ это дѣлать, тѣмъ болѣе, что мнѣ легко было бы достигнуть этого только одною проповѣдью; потому я сталъ чаще пріѣзжать къ нимъ, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ быть имъ полезнымъ. Но и это обстоятельство опять послужило поводомъ къ завистливому ропоту на меня. Мои развращенные враги стали безсовѣстно обвинять меня за такіе поступки, которыми руководило одно искреннее милосердіе: они говорили, что я способенъ еще поддаваться плотскому влеченію, такъ какъ не могу долго оставаться въ разлукѣ съ женщиной, нѣкогда мною любимой. И мнѣ часто вспоминалось сѣтованіе блаженного Іеронима, который, въ посланіи *Къ Азеллу*, говоритъ о ложныхъ друзьяхъ: «Ни въ чемъ не упрекають меня, кромѣ моего пола, да и въ этомъ не упрекнули бы, если бы Паула не поѣхала со мной въ Іерусалимъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Раньше, чѣмъ я узналъ домъ св. Паулы, весь городъ былъ наполненъ похвальными обо мнѣ отзывами, и почти по общему мнѣнію я признавался достойнымъ верховнаго священнаго сана. Но я знаю, что, какъ при доброй, такъ и при худой славѣ, можно достигнуть Царствія Небеснаго».

Вспоминая о томъ, что и столь великій мужъ подвергался такой обидной клеветѣ, я видѣлъ въ этомъ немалое для себя утѣшеніе и говорилъ себѣ: «О, если бы мои враги нашли во мнѣ подобный поводъ къ подозрѣнію, какъ бы они повредили мнѣ своими обвиненіями!» А теперь, когда Божественное милосердіе избавило меня отъ возможности такого подозрѣнія, какъ можетъ оно возбуждаться противъ челоуѣка, лишеннаго способности творить подобныя гнусности? И что значить это безсовѣстное новое обвиненіе противъ меня? Вѣдь, мое тѣлесное состояніе до такой степени всѣми признается не допускающимъ подозрѣній, что люди, озабо-

ченныя возможно бдительнымъ надзоромъ за женщинами, поручаютъ этотъ надзоръ именно евнухамъ: такъ повѣствуетъ Священная Исторія объ Эсеири и о другихъ наложницахъ царя Артаксеркса. Извѣстно, что евнухомъ былъ также и могущественный вельможа царицы Кандакии, поставленный надъ всѣми ея сокровищами, для обращенія и крещенія котораго ангеломъ посланъ былъ апостоль Филиппъ (Дѣян. VIII, 27). Такіе люди всегда занимали при почтенныхъ и богобоязненныхъ женщинахъ высокія и довѣренныя должности именно потому, что были свободны отъ всякаго подозрѣнія.

Для того, чтобы совершенно отстранить отъ себя подобное подозрѣніе, величайшій христіанскій философъ Оригенъ, намѣреваясь учить женщинъ истинамъ вѣры, какъ повѣствуетъ *Церковная Исторія* (кн. VI), собственной рукой нанесъ себѣ увѣчье. Я полагаю однако, что въ этомъ отношеніи Божественное милосердіе было благосклоннѣе ко мнѣ, нежели къ нему: вѣдь, его дѣяніе почитается менѣе благоразумнымъ и навлекло на него суровое обвиненіе; я же былъ изувѣченъ и подготовленъ къ подобному же подвигу по чужой винѣ и съ меньшею болѣзненностью, ибо это было совершенно быстро и внезапно, и я, подвергшись нападенію во снѣ, не чувствовалъ почти никакой боли. Но если я гораздо меньше пострадалъ отъ раны, зато гораздо болѣе страдаю теперь отъ поношенія и гораздо сильнѣе мучусь клеветой на мое доброе имя, нежели изувѣченіемъ моего тѣла. Ибо и въ Писаніи сказано: «Доброе имя лучше большого богатства (Притч., XXII, 1). И блаженный Августинъ говоритъ, въ одной своей проповѣди *О жизни и нравахъ духовенства*: «Кто довѣряется своей совѣсти и пренебрегаетъ своей славой, тотъ жестокъ къ самому себѣ». А нѣсколько выше онъ же говоритъ: «Будемъ, по слову апостольскому (Римл., XII, 17), промышлять доброе не только передъ Богомъ, но и передъ людьми. Для насъ самихъ достаточно собственной совѣсти, но ради другихъ наша слава не должна умаляться, а должна возрастать. Совѣсть и слава—двѣ вещи различныя: совѣсть — для тебя, а слава—для ближняго».

Но злоба враговъ моихъ обвинила бы и самого Христа, и его членовъ, т.-е. пророковъ и апостоловъ или прочихъ свв. отцовъ, если бы они жили въ наше время и ихъ увидѣли неизувѣченными

и въ постоянной близкой бесѣдѣ съ женщинами! Вѣдь, и блаженный Августинъ, въ книгѣ *О монашескомъ дѣлѣ*, доказываетъ, что именно женщины были нераздѣльными сопутницами Господа Иисуса Христа и апостоловъ и слѣдовали за ними даже на проповѣдь. «Вѣрныя жены—говоритъ онъ—имѣвшія земныя блага, шли съ ними и питали ихъ, дабы они не ощущали нужды ни въ чемъ необходимомъ для поддержанія жизни». А если кто не вѣритъ, что апостолы допускали этихъ богобоязненныхъ женъ слѣдовать за ними всюду, гдѣ они проповѣдывали Евангеліе, тотъ пусть послушаетъ Евангелія и узнаетъ, что они поступали такимъ образомъ по примѣру самого Господа. Ибо въ Евангеліи написано (Лука, VIII, 1 и сл.): «Послѣ сего Онъ проходилъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя Царствіе Божіе, и съ Нимъ двѣнадцать. И нѣкоторыя женщины, которыхъ Онъ исцѣлилъ отъ злыхъ духовъ и болѣзней: Марія, нарицаемая Магдалиной, изъ которой вышли семь бѣсовъ, Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многія другія, которыя служили Ему имѣніемъ своимъ».

И Левъ IX, въ своемъ сочиненіи противъ посланія Парменіана *О стремленіи въ монастырь*, говоритъ: «Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что епископу, пресвитеру, діакону, иподіакону не должно отвергать отъ себя, по соображеніямъ религіознымъ, заботу о своей женѣ, не въ томъ смыслѣ, чтобы быть съ нею въ плотскомъ сожителствѣ, а въ томъ, чтобы снабжать ее пищей и одеждой. Такъ поступали и свв. апостолы, какъ читаемъ у Павла (I Кор., IX, 5): «Или не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру-жену, какъ и прочіе апостолы и братья Господни, и Кифа?» Смотри, неразумный! Вѣдь, не сказано «или не имѣемъ власти сестру-жену обнять», а сказано: «имѣть спутницей»,—для того, чтобы за свою проповѣдь получать отъ нихъ пропитаніе, а не затѣмъ, чтобы вступать съ ними въ плотское общеніе». Да и тотъ фарисей, который въ душѣ помышлялъ о Господѣ: «Еслибы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница» (Лука, VII, 39), съ точки зрѣнія человѣческихъ сужденій, съ большимъ удобствомъ могъ бы допустить о Господѣ столь же постыдное предположеніе, какое допустили относительно меня мои враги. А равно и тотъ, кто видѣлъ, какъ Го-

сподь поручалъ Мать Свою юношѣ, или какъ пророки часто посѣщали вдовицъ и бесѣдовали съ ними, съ гораздо большей вѣроятностью могъ бы дозволить себѣ подобное же предположеніе.

А что же сказали бы эти мои поносители, если бы они увидѣли, что плѣнный монахъ Малхъ, о которомъ пишетъ блаженный Иеронимъ, жилъ въ одной кельѣ съ своей женой? Какимъ преступленіемъ показалось бы имъ то, о чемъ сей превосходный учитель отзывается съ великимъ одобреніемъ, говоря: «Тамъ былъ одинъ старецъ, по имени Малхъ, уроженецъ той же мѣстности; и въ его келіи жила старуха. Оба они исполнены были ревностью къ вѣрѣ и такъ усердно посѣщали церковь, что ихъ можно было принять за евангельскихъ Захарію и Елисавету; только между ними не было Іоанна». Отчего же, наконецъ, эти люди воздерживаются отъ клеветы на св. отцовъ, о которыхъ мы часто читаемъ, что они устраивали монастыри также и для женщинъ и управляли ими? Да и мы сами развѣ не видимъ подобное? Развѣ мы не имѣемъ примѣра семи діаконовъ, которыхъ апостолы поставили вмѣсто себя для заботъ о пропитаніи и къ услугамъ женщинамъ?

Слабый полъ до такой степени нуждается въ помощи сильнѣйшаго, что апостолъ всегда ставитъ мужа какъ бы главой жены, и въ знакъ сего предписываетъ женщинѣ всегда имѣть главу покрытую (I Кор., XI, 5). А потому я не мало удивляюсь издавна укоренившемуся въ монастыряхъ обычаю, по которому надъ мужчинами ставятся аббаты, а надъ женщинами—аббатиссы, и всѣ монашествующіе, какъ женщины, такъ и мужчины, обязываются одинаковыми обѣтами, въ которыхъ однако же содержится много такого, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выполнено женщинами,—все-равно, будутъ ли онѣ начальствующими или подчиненными. Во многихъ мѣстахъ мы видимъ даже, въ нарушеніе естественнаго порядка, что аббатиссы и монахини повелѣваютъ церковниками, которымъ, въ свою очередь, повинется народъ; и онѣ тѣмъ легче могутъ вызывать въ нихъ дурныя желанія, чѣмъ большею обладаютъ властью, налагая на нихъ весьма тяжкое иго. Недаромъ же сказалъ сатирикъ: «Ничего нѣтъ несноснѣе богатой женщины!» (*Juvenal. Sat. VI, 459*).

Размысливъ обо всемъ этомъ, я рѣшилъ, насколько возможно, заботиться объ этихъ моихъ сестрахъ и помогать имъ въ ихъ нуж-

дахъ, а чтобы внушить имъ еще большее ко мнѣ почтеніе, лично наблюдать за ними. Гораздо чаще и болѣе сторчаемый теперь преслѣдованіемъ со стороны моихъ духовныхъ дѣтей, нежели прежде преслѣдованіемъ со стороны братіи, я могъ уходить къ нимъ отъ этого бурнаго волненія какъ бы въ нѣкое спокойное пристанище, гдѣ была возможность хоть нѣсколько отдохнуть отъ бури. Мои старанія, бывшія безплодными среди монаховъ, оказывались хоть нѣсколько полезными для этихъ моихъ сестеръ; а это было весьма важно для спасенія моей души, такъ какъ служило имъ поддержкой въ ихъ слабости.

Но Сатана воздвигъ на меня такое гоненіе, что я не нахожу мѣста, гдѣ бы могъ успокоиться или даже только жить, и блуждаю повсюду, подобно проклятому Каину: меня, какъ я уже говорилъ выше, безпрестанно мучатъ «отвнѣ нападенія, внутри—страхи», безпрестанно терзаютъ внѣшній и внутренній страхъ и борьба. Отъ моихъ духовныхъ дѣтей мнѣ приходится переносить говеніе, гораздо болѣе сильное и жестокое, нежели отъ моихъ враговъ, ибо дѣти духовныя всегда находятся предо мной, и ихъ нападеніе я долженъ выдерживать лицомъ къ лицу. Насиліе вражеское грозитъ мнѣ тѣлесной опасностью, когда я выхожу изъ монастыря; въ самомъ же монастырѣ, среди моихъ духовныхъ дѣтей, т. е. монаховъ, порученныхъ мнѣ, настоятелю, какъ отцу, мнѣ приходится постоянно имѣть дѣло съ ихъ жестокими и коварными замыслами. Скольکو уже разъ они пытались извести меня отравой, подобно тому, какъ это бывало и съ св. Бенедиктомъ! Та же самая причина, ради которой онъ покинулъ своихъ развращенныхъ дѣтей духовныхъ, могла бы заставить и меня послѣдовать примѣру столь великаго отца церкви: ибо иначе, подвергая себя явной опасности, я докажу этимъ не любовь свою къ Богу, а лишь желаніе искушать Его и, такимъ образомъ, могу погубить самъ себя.

Стараясь, насколько возможно, уберечься отъ этихъ ежедневныхъ покушеній, я сталъ внимательно относиться къ своей пищѣ и питью. Тогда они не остановились передъ попыткой отравить меня даже Св. Дарами, бросивъ ядъ въ потиръ. Въ другой разъ, когда я отиравился въ Нантъ павѣстить больного графа и тамъ остановился въ домѣ одного изъ моихъ братьевъ по плоти, они покушались отравить меня съ

помощью одного сопровождавшаго меня слуги, думая, что тамъ я всего менѣе стану остерегаться подобнаго покушенія. Но, по Божьему смотрѣнію, я не коснулся приготовленной для меня пищи, а одинъ изъ прибывшихъ со мною монаховъ, воспользовавшись ею по невѣдѣнію, тотчасъ же умеръ; слуга же, бывшій виновникомъ покушенія, уstraшенный этимъ исходомъ и мучимый совѣстью, спасся бѣгствомъ. Послѣ столь явнаго для всѣхъ доказательства ихъ преступности, я началъ уже открыто, по мѣрѣ возможности, выступать противъ ихъ злодѣйскихъ замысловъ, пересталъ ходить на собранія аббатства и оставался въ кельяхъ съ немногими приближенными. Если бы они узнали, что я намѣреваюсь куда-нибудь поѣхать, они выставили бы на дорогѣ подкупленныхъ за деньги разбойниковъ, чтобы меня убить.

Въ то время, когда я боролся со всѣми эти опасностями, десница Божія нанесла мнѣ сильный ударъ: я упалъ изъ повозки, въ которой ѣхалъ, и повредилъ себѣ шею. Это паденіе поразило и огорчило меня гораздо сильнѣе, нежели прежняя моя тѣлесная рана. Иногда я старался обузывать мятежный духъ братіи угрозой отлученія и нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыхъ я всего болѣе опасался, заставилъ дать слово или даже клятвенное обѣщаніе, что они со всѣмъ уйдутъ изъ аббатства и ничѣмъ не станутъ меня беспокоить. Но они открыто и безсовѣстно нарушили данныя обѣщанія и клятвы, такъ что, наконецъ, были принуждены властью римскаго первосвященника Иннокентія, черезъ особо присланнаго съ этою цѣлью легата, снова повторить прежнюю присягу и дать еще новыя клятвенныя обѣщанія, въ присутствіи графа и епископовъ.

Однако и на этомъ они не успокоились. Недавно, когда я, удаливъ тѣхъ, о которыхъ сказано выше, снова вернулся въ аббатство и доверился тѣмъ изъ братіи, которыхъ менѣе всего опасался, оказалось, что они еще гораздо хуже тѣхъ. Они стали грозить мнѣ уже не ядомъ, а кинжаломъ; и я едва успѣлъ спастись съ помощью одного изъ мѣстныхъ вельможъ. Но та же опасность угрожаетъ мнѣ и до сихъ поръ; и я каждый день чую присутствіе меча надъ моей головой, такъ что не могу чувствовать себя спокойнымъ даже за столомъ. Такъ рассказываютъ о томъ человѣкѣ, который считалъ за величайшее счастье могущество и богатство тирана Діонисія, но, увидѣвъ

висящій надъ нимъ на ниткѣ мечъ, позналъ, какого рода счастьемъ сопровождается земное могущество. То же самое безпрестанно испытываю теперь и я, возведенный изъ бѣднаго монаха въ санъ аббата и ставшій настолько же несчастнѣе, насколько богаче. Пусть же мой при- мѣръ обуздаеть честолюбіе тѣхъ людей, которые къ этому стремятся!

Такова, о возлюбленнѣйшій о Христѣ братъ и, по давнему зна- комству, ближайшій въ жизни сопутникъ, исторія моихъ бѣдствій, которымъ я подвергаюсь непрестанно чуть не съ колыбели. Да по- служить она утѣшеніемъ въ твоей скорби и въ причиненной тебѣ обидѣ! Я желалъ бы, чтобы ты, какъ я и сказалъ въ началѣ этого посланія, призналъ свои бѣдствія, по сравненію съ моими, или ничтожными, или легкими, и терпѣливо переносилъ бы ихъ, памятуя, въ утѣшеніе себѣ, о томъ, что Христось предсказывалъ Своимъ членамъ о членахъ дьявольскихъ: «Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ. Если мѣръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Еслибы вы были отъ міра, то мѣръ любилъ бы свое». (*Иоан.* XV, 18 слл.). И апостоль говоритъ, что «и всѣ, желающіе жить благочестиво въ Христѣ Іисусѣ, гонимы будутъ» (*II Тим.* III, 12). А въ другомъ мѣстѣ: «Людямъ ли угождать стараюсь? Если бы я понинѣ угождалъ людямъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ» (*Галат.* I, 10).

Псалмопѣвецъ же прибавляетъ: «Ибо разсыплетъ Богъ кости ополчающихся противъ тебя. Ты постыдишь ихъ, потому что Богъ отвергъ ихъ» (*Псалт.* LII, 6). Внимательно разсуждая объ этомъ, блаженный Иеронимъ, наслѣдникомъ котораго въ отношеніи къ зло- словію и оскорбленіямъ я себя считаю, въ посланіи къ Непотіану говоритъ: «Аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ. Но онъ пересталъ угождать людямъ, и сталъ рабомъ Христовымъ». Онъ же, въ посланіи къ Азеллѣ о ложныхъ друзьяхъ, говоритъ: «Благодареніе Господу моему, сталъ я достой- нымъ ненависти міра». И въ посланіи къ Иліодору монаху: «За- блуждаешься, братъ мой, заблуждаешься, если полагаешь, что хри- стіанинъ когда-либо не подвергается гоненію. Сказано: «противникъ вашъ діаволь ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотитъ» (*I Петр.* V, 8). А ты помышляешь о мирѣ? Врагъ сидитъ въ засадѣ вмѣстѣ съ богатыми».

Итакъ, подкрѣпляясь этими свидѣтельствами и примѣрами, будемъ тѣмъ увѣреннѣе переносить испытанія, чѣмъ они явятся бѣдственнѣе, и не будемъ сомнѣваться въ томъ, что они для насъ полезны, если не какъ заслуга, то какъ нѣкоторое искупленіе. А такъ какъ все совершается по Божественному Промысленію, то каждый вѣрующій человѣкъ во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ долженъ, по крайней мѣрѣ, утѣшаться хотя бы тѣмъ, что величайшая благодѣтельность Божія никогда и ничего не допускаетъ вопреки своимъ велѣніямъ и приводитъ къ наилучшему концу даже и то, что происходитъ, повидимому, вопреки справедливости. Оттого мы и поступаемъ праведно, обращаясь къ ней во всѣхъ случаяхъ со словами: «Да будетъ воля Твоя!» (*Мат. VI, 10*).

А притомъ, великое утѣшеніе для любящихъ Бога почерпается изъ словъ апостола: «Знаемъ, что любящимъ Бога все поспѣшествуетъ ко благу» (*Римл. VIII, 28*). Эту истину и разумѣлъ мудрецъ, сказавшій въ *Притчахъ* (*XII, 21*): «Не приключится праведному никакого зла». Этимъ онъ ясно доказываетъ, что тѣ, кто приходитъ въ гнѣвъ отъ какого-либо своего злополучія, удаляются отъ праваго пути, сомнѣваясь въ томъ, что эти злополучія ниспосылаются Божественнымъ Промысломъ, и полагаясь на собственную волю болѣе, нежели на волю Божію. А тотъ, кто тайными своими желаніями противится словамъ: «Да будетъ воля Твоя!» противопологаетъ волѣ Божіей волю собственную. Прощай.

ГЛАВА IV.

Женское сердце.

Элоиза Абеляру.

*Своему господину, а болѣе—отцу; супругу, а болѣе—брату;
его служанка, а болѣе—дочь; супруга, а болѣе—сестра; Элоиза—Абеляру.*

Случайно дошло до меня, о возлюбленнѣйшій, утѣшительное письмо твое къ другу. Увидѣвъ изъ самаго заглавія, что оно написано тобой, я начала его читать съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ

болѣе любезенъ мнѣ писавшій его: утративъ человѣка въ дѣйствительности, я желала, по крайней мѣрѣ, какъ бы возсоздать себѣ его образъ изъ его словъ. Почти всѣ слова этого письма полны тобой желчи и полыни, ибо въ нихъ заключалось печальное повѣствованіе о нашемъ постриженіи и о твоихъ, о единственный, непрестанныхъ скорбяхъ. Въ этомъ письмѣ ты, дѣйствительно, исполнилъ то, что обѣщаль въ началѣ своему другу: и онъ долженъ былъ признать, что его страданія, по сравненію съ твоими, являются ничтожными или незначительными.

Сначала ты разсказаль о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергали тебя твои учителя, затѣмъ—о гнусномъ предательствѣ, отъ котораго пострадало твое тѣло, объ отвратительной зависти твоихъ соучастниковъ, Альбериха реймскаго и Лотульфа ломбардскаго, и объ ихъ чрезвычайномъ озлобленіи. При этомъ ты не забылъ ни объ ихъ навѣтахъ, ни о судьбѣ твоего славнаго богословскаго сочиненія, ни о томъ, какъ поступили съ самимъ тобою, заключивъ тебя какъ бы въ тюрьму. Далѣе ты перешель къ злоумышленіямъ твоего аббата и ложной братіи, къ поношенію, весьма для тебя тягостному, со стороны двоихъ лжеапостоловъ, навлеченному на тебя тѣми же твоими соперниками, и разсказаль о томъ, какъ наименованіе Параклета, данное ораторіи вопреки обыкновенію, вызвало общее на тебя злословіе. Наконецъ, ты заключилъ это печальное повѣствованіе разсказомъ о невыносимыхъ и до сихъ поръ еще продолжающихся преслѣдованіяхъ со стороны жесточайшаго твоего клеветника и негоднѣйшихъ монаховъ, которыхъ ты называешь своими дѣтьми.

Я думаю, никто не въ состояніи читать или слышать объ этомъ безъ слезъ. Во мнѣ это чтеніе возбуждало тѣмъ болѣе сильную скорбь, чѣмъ подробнѣе излагались тобой отдѣльныя событія. Скорбь эта увеличивалась по мѣрѣ того, какъ ты повѣствоваль о возрастаніи тѣхъ опасностей, которымъ ты подвергался. Отъ страха за жизнь твою мы всѣ приходимъ въ отчаяніе, и съ трепетомъ сердца и замираніемъ въ груди каждодневно ожидаемъ вѣсти о твоей кончинѣ. А потому и заклинаемъ тебя именемъ самого Христа, Который доселѣ еще блюдетъ тебя, чтобы ты чаще удостоиваль Его и твоихъ рабынь письмами о тѣхъ крушеніяхъ, коимъ ты все еще подвергаешься; вѣдь, мы однѣ только и остаемся у тебя; и только

насъ можешь ты сдѣлать участницами твоихъ скорбей или радостей! Сострадающіе все-таки приносятъ страждущему нѣкоторое утѣшеніе; и всякая тяжесть, разложенная на нѣсколькихъ людей, выдерживается и переносится легче.

Если же эта буря нѣсколько утихла, то извѣстіями слѣдуетъ поспѣшить тѣмъ болѣе, что они будутъ пріятны. Но о чемъ бы ты намъ ни писалъ, ты всегда принесешь намъ немалую отраду уже тѣмъ, что докажешь намъ, что ты насъ не забываешь. А какъ пріятно получать письма отъ отсутствующихъ друзей, это намъ на собственномъ примѣрѣ показываетъ Сенека, который гдѣ-то пишетъ своему другу Люцилію: «Благодарю тебя за то, что часто мнѣ пишешь, ибо ты являешься передо мною тѣмъ единственнымъ способомъ, какой для тебя возможенъ. Получая твое письмо, я сейчасъ же вижу тебя со мной вмѣстѣ. Если намъ пріятно смотрѣть на портреты отсутствующихъ друзей, возобновляя такимъ образомъ память о нихъ и призрачнымъ утѣшеніемъ прогоняя тоску разлуки, то еще пріятнѣе письма, въ которыхъ мы получаемъ вѣрный отпечатокъ отсутствующаго друга!» Благодареніе Богу, по крайней мѣрѣ, хоть этимъ путемъ никакая злоба не воспрепятствуетъ тебѣ сноиться съ нами, никакія затрудненія тебя не остановятъ. Умоляю тебя не замедлять этихъ сношеній небрежностью.

Ты написалъ своему другу пространное утѣшительное посланіе по поводу его бѣдствій, но о своихъ собственныхъ. Подробно припоминая эти свои бѣдствія съ намѣреніемъ его утѣшить, ты весьма сильно увеличилъ нашу скорбь; желая исцѣлить его раны, ты нанесъ намъ новыя раны горести и растравилъ старыя. Молю тебя, исцѣли это зло, причиненное самимъ собой, если ты можешь исцѣлять раны, нанесенныя другими. Ты исполнилъ долгъ друга и товарища и заплатилъ дань дружбѣ и товариществу; но на тебѣ лежитъ еще болѣе большой долгъ въ отношеніи къ намъ, которыхъ слѣдуетъ назвать не только друзьями, но самыми близкими къ тебѣ, не только товарищами, но дочерьми твоими или какимъ-либо еще инымъ, болѣе ласковымъ и дорогимъ именемъ, какое только можно придумать. Какой важный долгъ лежитъ на тебѣ относительно насъ, это не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ подтвержденіи, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію: если бы даже всѣ молчали,

дѣло само говоритъ за себя. Вѣдь, ты—единственный, послѣ Бога, основатель этой обители, единственный строитель этой ораторіи, единственный создатель этого монашескаго общежитія!

И ты ничего не построилъ на чужомъ основаніи: все, что здѣсь есть, создано тобой. Эта пустыня, служившая прибѣжищемъ только для дикихъ звѣрей или для разбойниковъ, не знала никакого человѣческаго жилья: въ ней не было ни одного дома. Въ самыхъ логовищахъ звѣрей, въ вертепахъ разбойниковъ, гдѣ не произносилось имя Божіе, ты воздвигъ Божественную скинію и посвятилъ храмъ Духу Святому. Для построенія этого храма ты ничего не заимствовалъ изъ богатствъ царскихъ или вельможескихъ, хотя и могъ бы заимствовать многое: ты хотѣлъ, чтобы все, что будетъ сдѣлано, приписано было только тебѣ одному. Церковники или ученики, толпами стекавшіеся сюда ради твоего ученія, доставали все необходимое: и тѣ, кто жилъ церковными доходами и привыкъ не жертвовать, а получать, тѣ, чьи руки умѣли прежде только брать, а не давать, сдѣлались расточительными и даже навязчивыми въ своихъ приношеніяхъ.

Такимъ образомъ, этотъ новый священный вертоградъ истинѣ принадлежитъ тебѣ, и только тебѣ: и его все еще весьма нѣжнымъ насажденіямъ, для успѣшнаго произрастанія, необходимо частое орошеніе. Это насажденіе уже по самой природѣ женскаго пола слабо; даже если бы оно и не было новымъ, оно все-таки непрочное. А потому и требуетъ оно болѣе внимательнаго и усерднаго ухода, по слову апостола: «Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ» (1 Кор. III, 6). Апостолъ насадилъ и утвердилъ въ вѣрѣ своей проповѣдью ученіе Христово среди коринтянъ, которымъ онъ писалъ эти слова; а послѣ ученикъ того же апостола, Аполлосъ, напоилъ ихъ божественными увѣщаніями; и, такимъ образомъ, Божіе милосердіе даровало имъ возрастаніе добродѣтелей. Ты часто тщетными увѣщаніями и напрасной проповѣдью воздѣлываешь лозы чужога виноградника, которыхъ не насаждалъ и которыя обращаются тебѣ въ горечь; подумай же о томъ, что ты обязанъ сдѣлать для собственнаго твоего виноградника, если ты такъ заботишься о чужомъ. Ты безуспѣшно учишь и увѣщаешь мятежниковъ, напрасно мечешь бисеръ Божественнаго краснорѣчія

передъ свиньями. Если ты такъ много тратишь на упорствующихъ, подумай о томъ, что ты долженъ сдѣлать для послушныхъ; будучи столь щедрымъ въ отношеніи враговъ, помысли о долгѣ твоемъ въ отношеніи дочерей твоихъ.

Но не стану говорить о другихъ: вспомни, какой долгъ лежитъ на тебѣ передо мной, чтобы съ еще большей ревностью воздать мнѣ одной то, что долженъ ты даровать всѣмъ набожнымъ женщинамъ. О томъ, сколько и какихъ разсужденій о вѣрѣ, ради наставленія или утѣшенія святыхъ женъ, написали святые отцы, и съ какимъ тщаніемъ они исполняли это дѣло, твоя ученость знаетъ больше насъ. А потому немалымъ удивленіемъ поразило насъ то, что ты уже забылъ о нѣжномъ началѣ нашего постриженія, и что ни любовь къ Богу, ни привязанность къ намъ, ни примѣры свв. отцовъ не побуждаютъ тебя попытаться утѣшать меня, колеблющуюся и уже давно скорбящую, личною твоей бесѣдой или хотя бы письмомъ. А между тѣмъ, тебѣ слѣдовало бы особенно сознавать свой долгъ, ты, вѣдь, связанъ еще и тайнствомъ союза брачнаго, который тѣмъ болѣе тебя обязываетъ, что я, какъ всѣмъ извѣстно, всегда любила тебя любовью безмѣрною.

Ты знаешь, возлюбленнѣйшій, да и всѣ знаютъ, что я въ тебѣ утратила, и какъ злополучное и всѣмъ извѣстное предательство разлучило меня не только съ тобой, но и съ самой собою; но скорбь моя становится несравненно сильнѣе при мысли не о самой утратѣ, а о томъ, какимъ образомъ она совершилась. А чѣмъ сильнѣе причина скорби, тѣмъ болѣе сильныя потребны средства для ея исцѣленія. И оно должно быть принесено не къмъ-либо чужимъ, а самимъ же тобою: ты одинъ былъ источникомъ скорби, ты же одинъ будь и благодатнымъ утѣшителемъ. Только ты одинъ можешь и опечалить, и обрадовать, и утѣшить меня. Ты одинъ болѣе всѣхъ и долженъ это сдѣлать: вѣдь, я исполнила всѣ твои желанія и, чтобы чѣмъ-нибудь тебя не обидѣть, рѣшилась даже, изъ повиновенія къ тебѣ, погубить себя. Мало того: моя любовь (не удивительно ли это?) обратилась въ такое безуміе, что я сама отняла у себя, безъ всякой надежды на возвращеніе, то единственное, къ чему стремилась: по твоему приказу, я тотчасъ же перемѣнила одежду, а вмѣстѣ съ ней и самую душу

свою, желая показать, что ты былъ единственнымъ обладателемъ какъ тѣла моего, такъ и души моей.

Богъ свидѣтель, что я никогда не искала въ тебѣ ничего, кромѣ тебя самого; я хотѣла обладать только тобой, а не твоимъ добромъ. Я не искала ни брачнаго союза, ни какого-либо приданнаго и не заботилась о собственныхъ вожделѣнiяхъ и желанiяхъ, а только старалась, какъ ты самъ это знаешь, исполнять твои. И если наименованiе супруги представляется болѣе священнымъ и прочнымъ, то для меня всегда прiятнѣе было называться твоей подругой, или — если ты этимъ не оскорбишься — твоей любимицей или утѣхой (69): я думала, что чѣмъ болѣе унижусь ради тебя, тѣмъ больше заслужу твою благосклонность и тѣмъ меньше буду помѣхой славы твоего имени. Объ этомъ ты и самъ не забылъ въ упомянутомъ выше своемъ утѣшительномъ письмѣ къ другу. Тамъ же ты не пренебрегъ изложить и нѣкоторые доводы, которыми я старалась удержать тебя отъ нашего злополучнаго брака, хотя и умолчалъ о многихъ другихъ, по которымъ я предпочитала любовь браку, свободу—оковамъ. Призываю Бога въ свидѣтели, что если бы Августъ, владѣвшiй всею вселенной, удостоилъ меня чести брачнаго предложенiя и навсегда утвердилъ за мной обладанiе всѣмъ свѣтомъ, то мнѣ милѣе и достойнѣе было бы называться твоей любовницею, чѣмъ его императрицею. Вѣдь, не тотъ лучше, кто богаче или могущественнѣе: послѣднее зависитъ отъ фортуны, а первое—отъ добродѣтели.

И пусть не считаетъ себя непродажной та женщина, которая охотнѣе выходитъ за богатаго, чѣмъ за бѣднаго, и больше увлекается имуществомъ своего мужа, нежели имъ самимъ. Женщина, вступившая въ бракъ съ подобными вожделѣнiями, конечно, заслуживаетъ не любви, а платы, такъ какъ несомнѣнно, что она ищетъ богатства, а не человѣка, и, при возможности, готова продать себя тому, кто богаче. Въ этомъ ясно убѣждаетъ переданная Сократовымъ ученикомъ Эхиномъ бесѣда философики Аспазiи съ Ксенофонтомъ и его женою. Въ этой бесѣдѣ Аспазiя, стараясь примирить между собою супруговъ, привела упомянутый выше доводъ и заключила свою рѣчь такъ: «А такъ какъ вы рѣшили, что на свѣтѣ нѣтъ ни мужа лучше, ни жены прiятнѣе, то ясно, что вы всегда

должны стремиться къ тому, что вы считаете лучшимъ, и вѣрить, что ты женился на наилучшей женѣ, а ты вышла за наилучшаго мужа». Это мнѣніе, конечно, надо признать святымъ и болѣе, чѣмъ философскимъ: это ужъ не любомудріе, а сама мудрость! Святое заблужденіе, блаженная ложь въ супружествѣ, когда полная взаимность нерушимо охраняетъ брачный союзъ не столько силой тѣлеснаго воздержанія, сколько силой душевнаго цѣломудрія!

Но то, что другимъ дается заблужденіемъ, мнѣ дано было очевидно истиной: вѣдь то, что только однѣ жены видятъ въ своихъ мужьяхъ, въ тебѣ видѣла не я одна, а весь міръ, знавшій тебя такимъ, какимъ я знала. Такъ, моя любовь къ тебѣ была тѣмъ истиннѣе, чѣмъ далѣе она была отъ заблужденія. Кто даже изъ царей или философовъ могъ равняться съ тобой въ славѣ? Какая страна, городъ или деревня не пылала желаніемъ увидѣть тебя? Кто не спѣшилъ взглянуть на тебя, когда ты показывался на улицѣ, и кто не провожалъ тебя, вытанувъ шею, пристальнымъ взоромъ? Какая жевщина, какая дѣвушка не томилась по тебѣ въ твоемъ отсутствіи и не пылала страстью въ твоемъ присутствіи? Какая царица или могущественная владѣтельница не позавидовала моей радости и моему брачному ложу? Въ особенности же, признаюсь тебѣ, обладалъ ты двумя качествами, которыми могъ увлечь какую угодно женщину, а именно—искусствомъ поэта и музыканта; этими качествами, сколько намъ извѣстно, прочіе философы не обладали.

Словно шутя, въ минуту отдыха отъ философскихъ занятій, ты сочинилъ много любовныхъ стиховъ и пѣсень, которые были такъ пріятны, по словамъ и по музыкѣ, что всѣми повторялись: и твое имя было у всѣхъ на устахъ; сладость твоихъ напѣвовъ привлекала даже необразованныхъ людей. Этимъ-то ты больше всего и заставлялъ женщинъ вздыхать по тебѣ. А такъ какъ въ большинствѣ этихъ пѣсень воспѣвалась наша любовь, то и я въ скоромъ времени сдѣлалась извѣстна во многихъ странахъ и стала предметомъ зависти для многихъ женщинъ. Какими только прекрасными качествами тѣлесными и душевными не была украшена твоя юность? Какая женщина, бывшая въ то время моей завистницей, не пожалѣетъ теперь о моей скорби, узнавъ, что я лишена такого

наслажденія? Кто, хотя бы даже и изъ прежнихъ враговъ моихъ, не смягчится сочувствіемъ ко мнѣ?

Я принесла тебѣ много вреда; но во многомъ, какъ тебѣ извѣстно, я совсѣмъ невиновна. Преступленіе заключается не въ самомъ дѣяніи, а въ намѣреніи совершающаго; правосудіе должно взвѣсить не то, что сдѣлано, а руководившую дѣломъ мысль (70). А о томъ, съ какими мыслями я всегда къ тебѣ относилась, ты одинъ только и можешь судить по собственному опыту. Твоему суду я всецѣло предаю себя; твоему свидѣтельству во всемъ подчиняюсь. Скажи мнѣ только одно, если можешь: отчего послѣ нашего постриженія, которое послѣдовало по твоему единоличному рѣшенію, ты сталъ относиться ко мнѣ съ такой небрежностью и невнимательностью, что я перестала пользоваться не только личной твоей бесѣдой, но даже и утѣшеніемъ получать отъ тебя письма? Объясни мнѣ это, если можешь; или я сама выскажу то, что чувствую и что уже всѣ подозрѣваютъ.

Тебя соединяла со мной не столько дружба, сколько возжелѣніе, не столько любовь, сколько пылъ страсти. И вотъ, когда прекратилось то, чего ты желалъ, вмѣстѣ съ этимъ исчезли и тѣ чувства, которыя ты ради этого выказывалъ! Это, о милый мой, догадка не столько моя, сколько всѣхъ, не столько личная, сколько общая, не столько частная, сколько общественная. О, если бы такъ казалось только мнѣ одной, а твоя любовь могла бы найти въ свое извиненіе какіе-нибудь другіе доводы, которые хоть немного успокоили бы мою печаль! О, если бы я могла придумать какія-нибудь причины для того, чтобы оправдать тебя и хоть до нѣкоторой степени покрыть мою негодность для тебя! Умоляю тебя, исполни мою просьбу: ты увидишь, что она незначительна и вовсе не затруднитъ тебя. Если я лишена возможности тебя видѣть, то по крайней мѣрѣ дай мнѣ любоваться тобой въ словахъ твоихъ, въ которыхъ у тебя нѣтъ недостатка. Напрасно стала бы я ожидать отъ тебя щедрости на дѣлѣ, если буду считать тебя скупымъ на слова.

До сихъ поръ я вѣрила, что я много значу въ твоихъ глазахъ: вѣдь, я все сдѣлала для тебя и продолжаю во всемъ тебѣ повиноваться. Будучи молодой дѣвушкой, я обратилась къ суровой монашеской жизни не ради благочестія, а только по твоему велѣнію.

Если я этимъ ничего отъ тебя не заслужила, то посуди самъ, до чего напрасно я наложила на себя такое бремя! Ждать за это какой-либо награды отъ Бога я конечно не могу: вѣдь, очевидно, что я поступила такимъ образомъ не изъ любви къ Богу. Я только въ силу привычки послѣдовала за тобой, когда ты поспѣшилъ къ Богу, и даже, пожалуй, предупредила тебя. Какъ бы вспоминая о женѣ Лота (Быт. XIX, 26), обратившейся вспять, ты прежде постригъ въ монахини меня, а затѣмъ уже предалъ Богу и себя самого. Признаюсь, это единственное доказательство твоего недовѣрія ко мнѣ наполнило меня сильной скорбью и заставило краснѣть. А я—Богъ свидѣтель!—нимало не усомнилась бы, по твоему велѣнію, пойти за тобой или предшествовать тебѣ даже и въ томъ случаѣ, когда бы ты устремился въ царство Вулкана: вѣдь, душа моя была не при мнѣ, а при тебѣ! Да и теперь точно такъ же, если она не съ тобой, то нигдѣ: безъ тебя она не можетъ существовать.

Но умоляю тебя, сдѣлай такъ, чтобы ей было хорошо съ тобой. А ей будетъ хорошо, если она найдетъ тебя благосклоннымъ, если ты на любовь отвѣтишь любовью, хотя бы ты платилъ и малымъ за многое, словами за дѣла. О, милый мой! Если бы твоя страсть была менѣе довѣрчива! Тогда ты больше заботился бы обо мнѣ. А теперь за то, что я дала тебѣ больше увѣренности во мнѣ, я терплю твое невниманіе. Умоляю тебя, вспомни о томъ, что я для тебя сдѣлала и чѣмъ ты мнѣ обязанъ.

Въ то время, когда я наслаждалась съ тобой тѣлесными удовольствіями, можно было сомнѣваться въ томъ, поступаю ли я такъ изъ любви къ тебѣ, или только по страсти. Теперь же конецъ показываетъ, каково было начало. Я совершенно отказалась отъ всѣхъ удовольствій, лишь бы только повиноваться твоей волѣ. Я не оставила себѣ ничего, кромѣ одного желанія быть твоею. Подумай же о томъ, насколько ты несправедливъ, когда чѣмъ больше я стараюсь тебѣ услужить, тѣмъ меньше меня награждаешь или даже вовсе ничего для меня не дѣлаешь, особенно когда отъ тебя требуется такъ мало, когда удѣлать этому требованію такъ легко.

Итакъ, самимъ Богомъ, которому ты себя посвятилъ, заклинаю тебя возвратить мнѣ, такъ или иначе, твое присутствіе и написать мнѣ что-нибудь утѣшительное, хотя бы для того, чтобы, ободрен-

ная этимъ, я могла съ большей ревностью предаваться Божественному служенію. Въ прежнее время, когда ты увлекалъ меня къ мірскимъ удовольствіямъ, ты часто дарилъ меня письмами и часто воспѣвалъ твою Элоизу въ пѣсняхъ, которыя были у всѣхъ на устахъ: на всѣхъ площадяхъ, во всѣхъ домахъ звучало мое имя. Насколько же праведнѣе было бы теперь еще сильнѣе увлекать меня къ Богу, нежели тогда — къ удовольствіямъ? Подумай же, умоляю тебя, о томъ, что ты мнѣ долженъ, отнесись внимательно къ моему требованію.

Закрываю это длинное посланіе краткимъ концомъ: прощай, единственный!

ГЛАВА V.

Покаяніе невинной.

Элоиза Абеляру.

Своему единственному послѣ Христа — его единственная во Христѣ.

Дивлюсь я, мой единственный, тому, что ты, вопреки соблюдаемому въ письмахъ обыкновенію, даже вопреки естественному порядку вещей, вздумалъ въ заголовкѣ привѣтствія поставить мое имя впереди своего: женщину поставить выше мужчины, жену — выше мужа, служанку — выше господина, монахиню — выше монаха и священника, діакониссу — выше аббата! Вѣдь, въ посланіяхъ къ высшимъ или равнымъ совершенно правильно и прилично ставить имена тѣхъ, кому пишется, выше своего имени; но въ обращеніи къ низшимъ должны стоять впереди имена тѣхъ, кто стоитъ выше по достоинству. Не мало удивило насъ также и то, что ты своимъ утѣшеніемъ только увеличилъ скорбь тѣхъ, кого долженъ былъ бы исцѣлить отъ скорби, и еще усилилъ слезы, которыя долженъ бы былъ осушить. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ могъ слышать безъ слезъ то, что ты говоришь въ концѣ своего посланія: «Если Господь предастъ меня въ руки враговъ моихъ, и они, одолѣвъ меня, убьютъ...»?

О, возлюбленнѣйшій! Какъ могъ ты объ этомъ помыслить? Какъ могъ ты это высказать? Неужели Богъ забудетъ рабынь своихъ и дозволить имъ пережить тебя? Да не подастъ Онъ намъ такой жизни, которая тяжелѣе всѣхъ родовъ смерти! Тебѣ надлежитъ отпѣвать насъ и поручать наши души Богу, посылая къ Нему прежде себя тѣхъ, кого ты собралъ во имя Его, дабы уже не тревожиться никакими о нихъ заботами и съ тѣмъ большею радостью послѣдовать за нами, чѣмъ болѣе будешь ты увѣренъ въ нашемъ спасеніи. Пощади, умоляю тебя, избавь насъ отъ такихъ словъ, отъ которыхъ несчастныя становятся несчастнѣйшими, и не отнимай у насъ раньше смерти того, чѣмъ мы только и живемъ. Довлѣтъ дневи злоба его (Матѳ. VI, 34). А послѣдній день, полный горечи для всѣхъ, кого онъ застигнетъ, принесетъ съ собою и безъ того достаточно тревогъ. «Какая же необходимость—говорить Сенека—идти навстрѣчу злу и терять жизнь раньше смерти?»

Ты просишь, единственный, чтобы, въ случаѣ, если ты окончишь эту жизнь вдали отъ насъ, мы перенесли бы твое тѣло на наше кладбище, для того, чтобы наши молитвы, внушаемая постоянной о тебѣ памятью, приносили тебѣ возможно больше пользы. Неужели же ты подозрѣваешь насъ въ возможности когда-либо утратить память о тебѣ? Да и удобно ли будетъ молиться въ такое время, когда величайшее огорченіе не дастъ намъ ни минуты покоя, когда наша душа утратить возможность управлять нашими мыслями, а языкъ не въ состояніи будетъ пользоваться способностью рѣчи, когда нашъ смятенный духъ, въ своемъ безуміи, возстанетъ, такъ сказать, противъ самого Бога и будетъ не умоливать его мольбами, а, напротивъ, гнѣвить сѣтованіями?

Въ такую пору намъ, несчастнымъ, можно будетъ только плакать, а не молиться, и скорѣе спѣшить послѣдовать за тобой, нежели хоронить тебя, чтобы и насъ самихъ похоронили вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь, когда мы, въ лицѣ твоемъ, утратимъ свою жизнь, жить безъ тебя станетъ для насъ невозможно. О, если бы не дожить до этой поры! Даже и мысль о твоей смерти для насъ смертельна: что же будетъ, если насъ въ самомъ дѣлѣ постигнетъ смерть твоя? Не дай Богъ, чтобы намъ пришлось пережить тебя и отдавать тебѣ этотъ послѣдній долгъ,—служить тебѣ въ томъ, въ чемъ мы ожидаемъ услуги отъ

тебя! Да будемъ мы въ этомъ тебѣ предшествовать, а не слѣдовать за тобой!

Итакъ, молю тебя, пощади насъ, пощади хоть меня, твою единственную, отбрось эти слова, которыми ты, словно мечами, наносишь смертельные удары душѣ нашей и дѣлаешь ожиданіе смерти тяжеле самой смерти. Духъ, смятенный скорбью, не можетъ быть покоенъ; мысль, пораженная огорченіями, не можетъ искренно устремляться къ Богу. Сдѣлавъ насъ рабынями Господа, не препятствуй намъ исполнять наши обязанности. Мы должны желать, чтобы все неизбѣжное и приносящее съ собой величайшую скорбь, являлось внезапно, дабы не мучился бесполезнымъ страхомъ человѣкъ, которому уже не въ состояніи помочь никакая предусмотрительность. Объ этомъ и поэтъ справедливо молить Бога, говоря: (*Lycan. Pharsal. II, 14, 15*):

Вѣчно внезапны да будутъ велѣнья Твои, и отъ взора
Смертныхъ сокрыто грядущее: страху полезна надежда.

Какая же надежда останется мнѣ, если я тебя потеряю? И что можетъ еще удерживать меня въ этомъ земномъ странствіи, гдѣ у меня нѣтъ другого утѣшенія, кромѣ тебя? Да и это утѣшеніе заключается только въ томъ, что ты живъ, ибо никакихъ другихъ радостей я отъ тебя не имѣю, и не могу даже съ тобою видѣться, когда бы этого пожелала. Да, если позволительно такъ говорить. Богъ во всемъ не милостивъ ко мнѣ. О, немилосердное милосердіе! О, несчастное счастье! Судьба уже истратила на меня всѣ стрѣлы своего колчана, такъ что у нея больше не хватаетъ стрѣлъ для другихъ. Она уже истощила весь свой запасъ, и другимъ уже нечего бояться ея нападеній. Да если бы у нея еще и осталась какая-нибудь стрѣла, то она не нашла бы во мнѣ живого мѣста для раны. Нанося мнѣ столько ударовъ, она боится только одного, — какъ бы я не положила конецъ этой казни смертью, и, не переставая губить меня, все-таки опасается этой гибели, которую сама же ускоряетъ.

О, я несчастнѣйшая изъ несчастнѣйшихъ, злополучнѣйшая изъ злополучнѣйшихъ! Тобою я была превознесена выше всѣхъ женщинъ, — и за то поплатилась тѣмъ болѣе тяжкимъ паденіемъ, пораженная вмѣстѣ съ тобой. Да, чѣмъ выше ступень, на которую человѣкъ

поднялся, тѣмъ тяжеле его паденіе, когда онъ низвергается. Какая изъ благородныхъ и знатныхъ женщинъ могла стать выше меня, или хотя бы наравнѣ со мной, въ счастіи? И какую изъ нихъ судьба низвергла съ такой высоты и удручила подобной скорбью? Какую печаль причинила она мнѣ въ твоёмъ лицѣ! Какъ сильно бросала она меня и въ ту, и въ другую сторону, не зная мѣры ни въ добрѣ, ни въ злѣ! Для того, чтобы сдѣлать меня всѣхъ несчастнѣе, она прежде ниспослала мнѣ величайшее счастье, такъ что я, вспоминая о томъ, чего я лишилась, тѣмъ больше мучаюсь сѣтованіями, чѣмъ сильнѣе притѣсняетъ меня горе, и тѣмъ больше скорблю объ утраченномъ, чѣмъ больше испытывала прежде любви и радости, которая закончилась величайшей печалью.

И словно для того, чтобы эта обида вызывала чувство, еще болѣе скорбное, въ отношеніи къ намъ одинаково нарушены всѣ требованія справедливости. Вѣдь, пока мы пользовались радостями тревожной любви и—выражаясь рѣзче, но сильнѣе—предавались прелюбодѣянію, гнѣвъ Божій щадилъ насъ. Когда же мы замѣнили незаконную связь законнымъ союзомъ и гнусное прелюбодѣяніе—честнымъ бракомъ, гнѣвъ Божій сильно простеръ надъ нами руку свою и поразилъ нескверное ложе, попуская раньше оскверненному. Наказаніе, понесенное тобой, было бы достойнымъ возмездіемъ для мужа, застигнутаго въ какомъ угодно прелюбодѣяніи. Тѣмъ, чѣмъ другіе платились за преступную связь, ты заплатился за бракъ, которымъ, какъ ты былъ увѣренъ, ты уже исправилъ всѣ свои прегрѣшенія.

Собственная жена навлекла на тебя такое бѣдствіе, какое навлекаютъ развратницы на своихъ сообщниковъ, и притомъ не тогда, когда мы предавались прежнимъ наслажденіямъ, а тогда, когда, разставшись на нѣкоторое время, стали вести жизнь болѣе цѣломудренную, — ты ставъ во главѣ парижской школы, а я оставаясь, согласно твоему желанію, въ Аржантейлѣ, въ обществѣ монахинь. Такъ, рѣшившись на разлуку для того, чтобы ты могъ свободнѣе предаваться научнымъ занятіямъ, а я—молитвѣ и благочестивымъ размышленіямъ, мы вели жизнь болѣе праведную и чистую. И въ такую-то пору ты одинъ заплатился своимъ тѣломъ за то, въ чемъ мы оба одинаково были виновны! Ты одинъ под-

вергся наказанію, хотя вина лежала на обоихъ, и претерпѣлъ все, хотя былъ менѣе виновенъ. Ты унижился ради меня, возвысилъ меня и всю мою семью; а потому и передъ Богомъ, и передъ этими предателями всего менѣе заслуживалъ наказанія.

И я, несчастная, родилась на свѣтъ, чтобы стать причиной такого злодѣянія! Неужели женщина всегда будетъ величайшей опасностью для величайшихъ людей? Недаромъ написано въ *Притчѣхъ* (VII, 24 и сл.): «И такъ, дѣти, слушайте меня и внимайте словамъ устъ моихъ. Да не уклоняется сердце твое на пути ея, не блуждай по стезямъ ея, потому что многихъ повергла она ранеными, и много сильныхъ убиты ею: домъ ея—пути въ преисподнюю, нисходящіе во внутренія жилища смерти». И въ *Экклезиастѣ* (VII, 25, 26): «Обратился я сердцемъ моимъ къ тому, чтобы узнать, изслѣдовать и изыскать мудрость и разумъ. И нашелъ я, что горче смерти женщина, потому что она—свѣтъ, и сердце ея—силки, руки ея—оковы; добрый предъ Богомъ спасется отъ нея, а грѣшникъ уловленъ будетъ ею».

Уже первая женщина лишила своего мужа рая; созданная Господомъ въ помощь ему, она обратилась ему въ погибель. Сильнѣйшаго изъ назареевъ предъ Господомъ, человѣка, рожденіе котораго возвѣщено было ангеломъ, Далила одолѣла, выдала врагамъ и ослѣпленнаго привела въ такое отчаяніе, что онъ, вмѣстѣ съ врагами, нашель гибель подъ развалинами. Мудрѣйшаго изъ всѣхъ людей, Соломона, женщина, съ которой онъ вступилъ въ связь, довела до такого безумія, что онъ, будучи избранъ Богомъ для построенія храма (между тѣмъ, какъ отецъ его, праведный Давидъ, не удостоился этого), впалъ въ идолопоклонство и коснѣлъ въ немъ до конца дней своихъ, оставивъ то богопочитаніе, которому онъ самъ училъ и которое проповѣдовалъ на словахъ и на письмѣхъ. Праведнѣйшій Іовъ выдержалъ послѣднее и самое тяжкое искушеніе въ лицѣ своей жены, побуждавшей его къ богохульству. Коварный искуситель по многократнымъ опытамъ прекрасно зналъ, что мужья легче всего находятъ гибель въ своихъ женахъ.

Простирая и на насъ обычную свою злобу, онъ попытался достигнуть въ бракѣ того, чего не могъ добиться въ незаконномъ сожителствѣ, и, такъ какъ ему не дозволено было воспользоваться

для зла зломъ, съумѣлъ обратить во зло и самое благо. Благодареніе Богу, что искушитель не вовлекъ меня добровольно въ преступленіе, подобно вышеупомянутымъ женщинамъ, хотя ему и удалось сдѣлать мою любовь причиной совершившагося злодѣянія. Но, хотя въ этомъ преступленіи и нѣтъ моей вины, однако ранѣе на мнѣ лежало много прегрѣшеній, которыя не позволяютъ мнѣ вполне очиститься отъ этого обвиненія. Предаваясь плотскому вождельнью я сама заслужила то, отъ чего нынѣ страдаю; и понесенное мною наказаніе является заслуженнымъ послѣдствіемъ прежнихъ моихъ грѣховъ. Злополучный исходъ находитъ себѣ объясненіе въ грѣховномъ начинаніи. Дай Богъ, чтобы я могла за этотъ грѣхъ понести достойное наказаніе и продолжительнымъ покаяніемъ хотя бы до нѣкоторой степени искупить нанесенный тебѣ ударъ; я хотѣла бы всю жизнь въ сокрушеніи душевномъ страдать такъ, какъ ты временно пострадалъ тѣлесно, и такимъ образомъ сдѣлаться угодною если не Богу, то хоть тебѣ.

Открывая передъ тобой слабость несчастнѣйшей души моей, я скажу, что не въ силахъ найти такое покаяніе, которое могло бы умиловить Бога, Котораго я, ради причиненной тебѣ обиды, упрекала въ величайшей жестокости; противясь Его волѣ, я не столько умиловляю Его своимъ раскаяніемъ, сколько оскорбляю своимъ возмущеніемъ. Можно ли назвать раскаяніемъ, когда, при всѣхъ тѣлесныхъ страданіяхъ, душа все еще сохраняетъ въ себѣ желаніе грѣшить и пылаетъ прежними вождельніями? Всякому легко, исповѣдываясь во грѣхахъ, обвинять самого себя и даже отягчать свою плоть внѣшними истязаніями; но чрезвычайно трудно отвлечь свою душу отъ желанія величайшихъ наслажденій.

Недаромъ же праведный *Иовъ* (X. 1), говоря: «Буду говорить», то есть, дамъ волю языку и отверзу уста для покаянія во грѣхахъ своихъ, тутъ же присовокупляетъ: «въ горести души моей». А блаженный Григорій, толкуя это мѣсто, говоритъ: «Нѣкоторые открыто каются въ грѣхахъ своихъ, но въ этомъ покаяніи не стенаютъ душой, а радостно высказываютъ вещи прискорбныя. Слѣдовательно, тотъ, кто говоритъ о своихъ прегрѣшеніяхъ съ ненавистью къ нимъ, необходимо долженъ говорить о нихъ съ горестью души, дабы эта горесть служила наказаніемъ тому, что, по приговору ума, осуждается словами.» 0

томъ же, какъ рѣдко встрѣчается эта горестъ истиннаго покаянія, свидѣтельствуешь св. *Амвросій*, говоря: «Я легче находилъ сохранившихъ невинность, нежели выражающихъ раскаяніе.»

Любовныя утѣхи, которыми мы одинаково наслаждались, были для меня такъ пріятны, что я не въ состояніи ни разлюбить ихъ. ни изгнать изъ своей памяти. Повсюду, куда бы я ни обратилась, онѣ являются передъ моими очами, возбуждая во мнѣ желанія. Даже во снѣ я не избавлена отъ этихъ мечтаній. Даже во время торжественнаго богослуженія, когда молитва должна быть особенно чистой, развратныя картины этихъ наслажденій до такой степени овладѣвають моею несчастнѣйшей душой, что я болѣе предаюся этимъ гнусностямъ, нежели молитвѣ, и вмѣсто того, чтобы сокрушаться о содѣянномъ грѣхѣ, чаще со вздохомъ помышляю о несодѣянномъ. Не только то, что мы съ тобой дѣлали, но даже всѣ мѣста и минуты этихъ дѣяній до такой степени прочно вѣдрили, вмѣстѣ съ твоимъ образомъ, въ мою душу, что я всегда переживаю это прошлое и даже во снѣ не имѣю успокоенія отъ этихъ воспоминаній. Нерѣдко мои мысли выражаются въ произвольныхъ движеніяхъ и нечаянно вырывающихся словахъ.

О, поистинѣ я, несчастная, могу повторить этотъ вопль стенающей души: «Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ тѣла смерти?» (*Римл. VII, 24*). О, еслибы я могла искренно присовокупить къ этому восклицанію и слѣдующія за симъ слова: «Благодарю Бога моего, Іисуса Христа Господа нашего!» Эта милость Божія дана тебѣ, возлюбленнѣйшій: одна язва тѣлесная, исцѣливъ тебя отъ этихъ побужденій, избавила тебя отъ многихъ язвъ душевныхъ; и въ томъ, чѣмъ Богъ, повидимому, сильнѣе всего тебя поразилъ, онъ явился наиболѣе къ тебѣ милосердымъ, какъ истинный врачъ, который не отступаетъ передъ страданіями больного, лишь бы спасти ему жизнь. Во мнѣ же эти плотскія побужденія, эти страстныя вожделнія все больше и больше разжигаются пыломъ молодости и опытомъ пріятнѣйшихъ наслажденій; они тѣмъ сильнѣе угнетаютъ меня, чѣмъ слабѣе существо, подвергающееся ихъ нападенію.

Люди прославляютъ мое цѣломудріе, не зная того, какъ я лицемерна. Они принимаютъ за добродѣтель чистоту тѣлесную, между тѣмъ какъ добродѣтель заключается не въ тѣлѣ, а въ душѣ.

Пользуясь отъ людей нѣкоторой похвалою, я ничего не заслужила передъ Богомъ, испытующимъ душу и видящимъ все сокровенное. Меня считаютъ религіозной въ наше время, когда значительная доля набожности является только лицемѣріемъ и когда величайшія похвалы выпадаютъ на долю того, кто не оскорбляетъ общественнаго мнѣнія. Можетъ быть, это до извѣстной степени и заслуживаетъ похвалы и даже представляется угоднымъ Богу, если кто-нибудь виѣшнимъ своимъ поведеніемъ (каково бы ни было его намѣреніе) не наноситъ оскорбленія церкви, ибо ради него не подвергается имя Божіе хуленію невѣрныхъ, и не становится предметомъ поношенія среди мірянъ тотъ религіозный орденъ, къ которому онъ принадлежитъ. И въ этомъ заключается также нѣкоторый даръ милосердія Божія, которое даетъ намъ возможность не только творить добро, но и воздерживаться отъ зла. Но все воздерживаться, если не дѣлать добра, по слову Писанія: «Уклонися отъ зла и сотвори благо» (Псалт. XXXVI, 27). И все какъ то, такъ и другое, если это творится не изъ любви къ Богу.

Богъ свидѣтель, что я во всю жизнь свою больше опасалась оскорбить тебя, нежели Бога, болѣе стремилась угодить тебѣ, нежели Ему. И въ монастырь меня привлекло не Божественное призваніе, а твое приказаніе. Подумай же о томъ, какъ печальна и несчастна будетъ моя жизнь, если на землѣ я терплю все это напрасно, а въ будущей жизни не могу ожидать никакого воздаянія! Тебя, подобно многимъ другимъ, долго обманывало мое притворство, и ты принималъ мое лицемѣріе за набожность; а потому, поручая себя моимъ молитвамъ, ты требуешь отъ меня того, чего я ожидаю отъ тебя. Умоляю тебя, не думай обо мнѣ такъ и не переставай помогать мнѣ своими молитвами. Не считай меня здоровой и не лишай благодѣяній исцѣленія. Не вѣрь, что я въ немъ не нуждаюсь, и не уклоняйся отъ помощи моей нуждѣ. Не думай, что я сильна, и не дай мнѣ погибнуть раньше, чѣмъ ты успѣшь поддержать меня въ моемъ паденіи.

Лестъ многимъ повредила, лишивъ ихъ той защиты, въ которой они нуждались. Господь восхваляетъ устами *Исаи* (III, 12): «Людіе мои, приставницы ваши пожидаютъ васъ и истязанія обладаютъ вами: блажащія васъ лѣстятъ вы и стези ногъ вашихъ возмущаютъ» и

устами *Иезекииля* (XIII, 18): «Горе спивающимъ чародѣйныя мѣшечки подъ мышки и дѣлающимъ покрывала для головы всякаго роста, чтобъ уловлять души!» А, съ другой стороны, Онъ же глаголетъ устами *Соломона* (Экклез., XII, 11): «Слова мудрыхъ, какъ иглы и какъ вбитые гвозди, и составители ихъ—отъ единого пастыря.» Итакъ, молю тебя, перестань хвалить меня, чтобы не навлечь на себя гнуснаго обвиненія въ лести и преступной лжи и чтобы суетное дуновение похвалы не унесло и ту долю добраго, какую ты еще подозрѣваешь во мнѣ. Опытный врачъ не станетъ судить о внутренней болѣзни по одному только внѣшнему виду больного. То, чтò одинаково присуще какъ избраннымъ, такъ и отвергнутымъ, не составляетъ никакой заслуги передъ Богомъ. А таковы именно внѣшніе поступки, о которыхъ ни одинъ святой не заботится такъ сильно, какъ святоша. «Лукаво сердце человѣческое болѣе всего и крайне испорчено; кто знаетъ его?» (*Иерем.* XVII, 9) и «Есть пути, которые кажутся человѣку прямыми; но конецъ ихъ—путь къ смерти».

Дерзновенно сужденіе человѣческое о томъ, чтò должно подлежать только суду Божію. Потому и сказано: «Не похвали человѣка при жизни его». Не хвали человѣка, потому что похвалою можешь сдѣлать его недостойнымъ похвалы. Твоя же похвала мнѣ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ она пріятнѣе; и я тѣмъ больше ею плѣняюсь и восхищаюсь, чѣмъ больше стараюсь во всемъ тебѣ нравиться. Умоляю тебя, не будь во мнѣ увѣренъ, а опасайся за меня, дабы я всегда могла находить поддержку въ твоей заботливости. А теперь особенно надо опасаться, ибо я не имѣю въ тебѣ исцѣленія моему воздержанію.

Я не хочу, чтобы ты, убѣждая меня быть добродѣтельной и бороться съ искушеніями, говорилъ: «Сила моя въ немощи совершается» (II *Кор.* XII, 9) и «Не увѣнчивается, если не законно будетъ подвизаться» (II *Тим.* II, 5). Я не ищу побѣднаго вѣнца: мнѣ довольно избѣгать опасности. Благоразумнѣе удалиться отъ опасности, нежели вести войну. Въ какомъ бы уголку неба Господь ни помѣстилъ меня, я буду довольна. Вѣдь, тамъ никто никому не станетъ завидовать, и каждый будетъ довольствоваться тѣмъ, чтò у него есть. А для того, чтобы поддержать это мое мнѣніе власт-

нымъ свидѣтельствомъ, сошлюсь на блаженнаго Іеронима: «Я сознаюсь въ своей слабости—говорить онъ — и не желаю сражаться съ надеждою на побѣду, дабы не лишиться побѣды». Зачѣмъ же оставлять вѣрное и устремляться за невѣрнымъ?

ГЛАВА VI.

Поученіе монаха женщинѣ.

Абеляръ Элонзѣ.

Невѣстѣ Христовой—рабъ Христовъ.

Сущность послѣдняго письма твоего заключается, сколько я помню, въ четырехъ пунктахъ, въ которыхъ ты выразила свое неудовольствіе. Во-первыхъ, ты упрекаешь меня въ томъ, что въ моемъ письмѣ къ тебѣ, вопреки обычаю и даже вопреки естественному порядку вещей, въ обращеніи къ тебѣ твое имя поставлено прежде моего. Во-вторыхъ, въ томъ, что я, вмѣсто того, чтобы доставить вамъ утѣшеніе, только усилилъ вашу скорбь и заставилъ васъ проливать слезы, которыя долженъ бы былъ осушить,—именно тѣмъ, что сказалъ: «Если Господь предастъ меня въ руки враговъ, и они, одолѣвъ меня, убьютъ» и проч. Въ третьихъ, ты повторяешь давнишнія и всегдашнія свои жалобы на волю Божию, вспоминая о томъ, какъ мы обратились ко Господу, и какое жестокое предательство совершено было надо мною. Наконецъ, возражая на мои похвалы тебѣ, ты обвиняешь сама себя и настойчиво просишь не обращаться къ тебѣ съ подобными похвалами. Я рѣшилъ отвѣчать на всѣ эти пункты въ отдѣльности, не столько въ свое оправданіе, сколько ради наставленія и увѣщанія тебѣ, дабы ты, убѣдившись въ справедливости моихъ желаній, охотнѣе соглашалась на мои просьбы и призвавъ, что я не заслуживаю этихъ упрековъ, внимательнѣе относилась бы къ моимъ словамъ о тебѣ и не пренебрегала моими совѣтами.

Въ отношеніи будто бы неправильнаго порядка именъ въ написаніи письма, если ты внимательнѣе размотришь этотъ вопросъ, то увидишь, что это сдѣлано по твоему собственному желанію. Вѣдь,

сама же ты указываешь на то, всё́мъ извѣстное правило, что, когда пишется къ высимъ, ихъ имена должно ставить впереди. А ты должна понять, что ты стала для меня вышею, ибо сдѣлалась невѣстой Господа моего; а блаженный Иеронимъ говоритъ въ посланіи къ Евстахію: «Я пишу, что она госпожа моя, ибо долженъ называть госпожею невѣсту Господа моего». Столь счастливое супружество возвышаетъ бывшую жену жалкаго человѣчинки до союза съ Царемъ Небеснымъ и, такимъ образомъ, ставитъ тебя выше не только перваго твоего мужа, но и всё́хъ прочихъ рабовъ того же царя.

Итакъ, не удивляйся тому, что я при жизни, и по смерти, буду преимущественно поручать себя твоимъ молитвамъ: вѣдь, всё́мъ извѣстно, что заступничество супруги у господина имѣетъ гораздо больше значенія, нежели ходатайства домочадцевъ; и голосъ госпожи важнѣе голоса служанки. Такъ изображаетъ царицу и супругу Высшаго Царя псалмопѣвецъ, говоря (Псалт. XLIV, 10): «Предста царица одесную тебе». Говоря яснѣе, это значить, что она стоитъ рядомъ съ супругомъ и ближе всё́хъ къ нему и шествуетъ съ нимъ наравнѣ, а всё прочіе стоятъ вдали или слѣдуютъ за ними издали. Я могъ бы еще указать и на ту эіопскую жену, которую взялъ себѣ Моисей и которая, выражая въ пѣснопѣніяхъ свою радость по поводу этого преимущества супруги, говоритъ (*Пѣснь Пѣсней*, I, 4): «Черна есмь азъ и добра, дочери іерусалимскія; введе мя царь въ ложницу свою». И далѣе: «Не зрите мене, яко азъ есмь очернена, яко опали мя солнце».

Конечно, въ этихъ словахъ описывается вообще созерцающая душа, въ особенности называемая невѣстой Христовой; но что они относятся также и къ вамъ, монахинямъ, на это указываетъ уже и самый внѣшній видъ вашъ. Ибо ваши черныя и грубыя одѣянія, подобныя траурному платью добрыхъ вдовъ, которыя оплакиваютъ кончину любимыхъ мужей своихъ, указываютъ на то, что вы въ семь міръ дѣйствительно, по слову апостола (I *Тим.* V, 16), сущія истинныя вдовицы, которыхъ церковь «должна довольствоваться». О скорби этихъ же вдовицъ по кончинѣ ихъ Жениха упоминаетъ Писаніе, говоря (*Матѳ.* XXVII, 61): «Вяху же ты жены, сѣдяще прямо гроба и плачущесе».

Жена эіопская, съ виду черная, кажется некрасивѣе другихъ

женщинъ; но въ душевной красотѣ она имъ не уступаетъ, да и по вѣншности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является красивѣе и бѣлѣе, напримѣръ, въ отношеніи костей или зубовъ. Бѣлизна зубовъ ея восхваляется и самимъ ея женихомъ, который говоритъ (*Быт. XLIX, 12*): «Бѣлы зубы ея паче млека». Такимъ образомъ, съ виду она черна, а въ дѣйствительности прекрасна; въ сей жизни, претерпѣвая многочисленныя превратности судьбы, она какъ бы чернѣетъ наружно, по слову апостольскому (*II Тим. III, 12*): «Все же, хотящій благочестно жити о Христѣ Иисусѣ, гоними будутъ»; ибо подобно тому, какъ бѣлизною обозначается счастье, такъ чернотою называется несчастье. Внутри же блистаютъ бѣлизною кости ея, ибо душа ея украшается добродѣтелями, по слову Писанія (*Ис. XLIV, 14*): «Вся слава дщери цареви внутри». Кости, находящіяся внутри ея и покрытыя снаружи тѣломъ, придаютъ силу и крѣпость плоти, которая ими поддерживается, и, такимъ образомъ, какъ бы представляютъ собой душу, которая оживляетъ, поддерживаетъ, движетъ и направляетъ то тѣло, гдѣ она имѣетъ пребываніе, и сообщаетъ ему всю его силу. Ея бѣлизна или красота, это — добродѣтели, которыми она украшается.

Снаружи она черна, потому что, странствуя въ сей земной жизни, пребываетъ въ пренебреженіи и униженіи, дабы затѣмъ вознестись къ той жизни, которая сокрыта въ Богѣ со Христомъ, и возвратиться въ свое небесное отечество. Истинное солнце чернить ее, ибо любовь небеснаго Жениха унижаетъ ее или мучитъ превратностями судьбы, для того, чтобы благополучіе не заставило ее возгордиться. Солнце очерняетъ ее, то-есть, дѣлаетъ ее непохожею на прочихъ, на тѣхъ, кто привязанъ къ земному и ищетъ мірской славы; такимъ образомъ, благодаря этому униженію, она уподобляется лиліи долины, а не горному цвѣту, которому подобны тѣ глупыя дѣвы, кои, возгордившись плотскимъ цѣломудріемъ или вѣншнимъ воздержаніемъ, иссушаются внутреннимъ огнемъ искушеній. А потому она хорошо говоритъ, обращаясь къ дщерамъ іерусалимскимъ, то-есть, къ тѣмъ маловѣрамъ, которые болѣе заслуживаютъ названія дѣвъ, нежели сыновъ: «Не зрите мене, яко азъ есмь очернена, яко опали мя солнце», или, выражаясь яснѣе: если я такъ унижаюсь или такъ мужественно переносу удары судьбы, такъ это не по моей добродѣтели, а по милости Того, Кому я служу.

Иначе поступаютъ еретики или лицемеры, которые, заботясь о вѣщности, ради земной славы унижаютъ себя или безъ надобности многое претерпѣваютъ. Эти ихъ униженія или переносимыя ими бѣдствія весьма удивительны: ибо это—самые несчастные люди, не пользующіеся благами ни въ сей жизни, ни въ будущей. Оттого-то невѣста, внимательно размышляя объ этомъ, и говоритъ: не удивляйтесь, почему я такъ поступаю. Удивленія достойны тѣ люди, которые, пылая бесполезною жаждой земныхъ похвалъ, лишаютъ себя земныхъ благъ и такимъ образомъ становятся несчастными и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Таково же было и воздержаніе тѣхъ глухихъ дѣвъ, передъ которыми затворены были двери.

Итакъ, хорошо, что она черна, какъ мы выше сказали, и вмѣстѣ прекрасна: она говоритъ о себѣ, что царь возлюбилъ ее и ввелъ въ свой чертогъ, то-есть, въ тайну и покой созерцанія, и на то ложе, о которомъ она же говоритъ въ другомъ мѣстѣ (*Письмъ Пльсней*, III, 1): «На ложи моемъ въ ношехъ искахъ его же возлюби душа моя». Да и самая чернота предпочитаетъ тайное явному, мѣста сокровенныя—общедоступнымъ. Подобная супруга болѣе желаетъ доставлять своему мужу тайныя удовольствія, нежели явныя, и предпочитаетъ не показываться за столomъ ⁽⁷¹⁾...

Соотвѣтственно этой метафорѣ, духовная супруга, сказавъ о себѣ: «Черна есмь азъ и добра», тутъ же прибавляетъ: «введе мя царь въ ложницу свою», сопоставляя, такимъ образомъ, то и другое, т. е., что царь возлюбилъ ее за красоту и ввелъ въ свою ложницу за черноту; прекрасна же она, какъ я сказалъ, внутренними добродѣтелями, а черна снаружи, вслѣдствіе плотскихъ превратностей и бѣдствій. Эта-то чернота, т. е. плотскія превратности и бѣдствія, легко отвращаетъ мысли вѣрующихъ отъ любви къ земнымъ благамъ и возбуждаетъ въ нихъ желаніе жизни вѣчной и нерѣдко отъ мятежной жизни мірской влечетъ къ уединенному созерцанію, какъ это и случилось, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, съ апостоломъ Павломъ при началѣ нашей, т. е. монашеской жизни.

Бѣдное и грубое одѣяніе ищетъ скорѣе уединенія, нежели общества, и является наиболѣе вѣрной охраной того униженнаго состоянія и отчужденія отъ міра, которое всего болѣе приличест-

вуетъ нашему званію. Ибо дорогое платье болѣе всего побуждаетъ показываться въ обществѣ: вѣдь, о немъ и заботятся-то люди только ради суетной славы міра сего, какъ поучаетъ блаженный Григорій, говоря: «Никто не украшается въ потаенномъ мѣстѣ, но украшается тамъ, гдѣ его могутъ видѣть». Ложница же, о которой говорить невѣста, есть та самая, въ которую самъ Женихъ въ Евангелии призываетъ молящагося, говоря (Матѳ. VI, 6): «Ты же егда молишия, вниди въ клѣтъ твою и, затворивъ двери твоя, помолися», — то-есть, не на площадяхъ или въ публичныхъ мѣстахъ, какъ дѣлаютъ лицемѣры. Слѣдовательно, ложницею называется мѣсто, удаленное отъ шума и посторонняго взора, гдѣ можно молиться спокойнѣе и усерднѣе; а таковы именно уединенныя кельи монастырей, гдѣ Господь повелѣваетъ намъ затворять двери, т. е. преграждать къ намъ всякій доступъ, дабы чистота нашей молитвы не нарушалась никакими случайностями и дабы око наше не соблазняло несчастной нашей души.

Намъ весьма прискорбно видѣть среди людей нашего званія многихъ, пренебрегающихъ этимъ совѣтомъ или, лучше сказать, этимъ божественнымъ наставленіемъ: много есть такихъ, которые во время Божественной службы, отпирая рѣшетки и хоры, безъ всякаго стѣсненія обращаютъ на себя общее вниманіе, взоры мужчинъ и женщинъ, въ особенности же тогда, когда, при какихъ-либо торжествахъ, облакаются въ драгоценныя украшенія и соперничаютъ въ блескѣ съ тѣми мірянами, передъ которыми они величаются. Они полагаютъ, что праздникъ будетъ тѣмъ торжественнѣе, чѣмъ богаче будутъ внѣшнія облаченія и чѣмъ обильнѣе трапеза. Но объ этомъ жалкомъ ослѣпленіи, совершенно противномъ Христовой проповѣди бѣдности, лучше умолчать, ибо говорить о немъ постыдно.

Эти люди, совершенно іудействующіе, свою привычку вмѣняютъ себѣ въ правило и ради своихъ обычаевъ нарушаютъ заповѣдь Божию. Они сообразуются не съ тѣмъ, чтò должно, а съ тѣмъ, чтò принято; а между тѣмъ (вспоминаю слова блаженнаго Августина), вѣдь, Господь не сказалъ: «Азъ есмь обычай», но сказалъ: «Азъ есмь истина». Такъ пусть кто хочетъ, тотъ и поручаетъ себя молитвамъ этихъ людей, творимымъ при открытыхъ дверяхъ. Вы же введены Царемъ небеснымъ въ ложницу Его и, покоясь въ Его лонѣ, всегда,

затворивъ двери, всецѣло предаетесь Ему и становитесь Ему близкими, по слову апостольскому (I Кор., VI, 17): «Прилѣпляйся же Господеву единъ духъ есть съ Нимъ». Посему я и вѣрую, что ваша молитва чище и дѣйствительнѣе, и усердѣйше прошу вашего предстательства. И я увѣренъ, что вы тѣмъ усердѣе будете молиться за меня, чѣмъ болѣе мы будемъ взаимно другъ къ другу привязаны.

Если я огорчилъ васъ упоминаніемъ объ опасности, которой подвергаюсь, или о смерти, которой страшусь, то, вѣдь, это я сдѣлалъ по твоему же желанію или даже по твоей просьбѣ. Въ первомъ письмѣ, присланномъ мнѣ тобою, сказано: «Именемъ Самого Христа, Который доселѣ еще хранить тебя, заклинаямъ не оставлять рабынь Его и твоихъ частыми извѣстіями о тѣхъ крушеніяхъ, которыми ты еще подвергаешься. Вѣдь, мы однѣ только у тебя и остались; такъ сдѣлай же насъ участницами твоихъ скорбей или радости. Ибо соболѣзнующіе всегда приносятъ немалое утѣшеніе болѣющему; и всякая тяжесть, будучи возложена на многихъ, переносится легче». Такъ зачѣмъ же ты винишь меня въ томъ, что я сдѣлалъ васъ участницами моего безпокойства, если сама побудила меня къ этому своимъ заклинаніемъ? Развѣ слѣдуетъ вамъ радоваться въ то время, когда меня удручаетъ столь печальная жизнь? Развѣ вы хотите быть участницами только радости, а не скорби, не плакать съ плачущими, а только радоваться съ радующимися?

Самое главное различіе между истинными и ложными друзьями именно въ томъ и состоитъ, что первые являются товарищами въ бѣдствіяхъ, а вторые—въ счастіи. Итакъ, прошу тебя, оставь эти рѣчи и прекрати подобныя жалобы, которыя не имѣютъ ничего общаго съ любовью. А если ты и теперь еще огорчаешься моими словами, то подумай о томъ, что мнѣ, въ виду ежедневно грозящей мнѣ опасности лишиться жизни, надлежитъ безпокоиться о спасеніи моей души и заботиться о немъ, пока есть возможность. И если ты въ самомъ дѣлѣ меня любишь, то эта заботливость не должна казаться тебѣ излишнею. Скажу даже болѣе: если бы ты имѣла какую-нибудь надежду на Божественное ко мнѣ милосердіе, то тебѣ тѣмъ болѣе надлежало бы желать мнѣ скорѣйшаго избавленія отъ этихъ бѣдствій брэнной моей жизни, чѣмъ болѣе эта жизнь представляется тебѣ невыносимой. Ибо тебѣ вѣдомо, что тотъ, кто из-

бавить меня отъ этой жизни, избавить меня отъ величайшихъ мученій. То, чему я подвергнусь потомъ, мнѣ неизвѣстно; но относительно того, отъ чего я освобожусь теперь, сомнѣній быть не можетъ.

Конецъ всякой несчастной жизни пріятенъ; и тѣ, кто дѣйствительно страдаетъ и соболѣзнуетъ скорбямъ ближняго, должны желать конца этимъ скорбямъ, хотя бы и къ своему огорченію, если только они дѣйствительно любятъ человѣка, претерпѣвающаго эти скорби, и заботятся не столько о собственномъ, сколько объ его спокойствіи. Такъ мать, при видѣ мучимаго продолжительною и смертельною болѣзною сына, желаетъ, чтобы смерть скорѣе положила конецъ этимъ мученіямъ, которыя для матери невыносимы; она предпочитаетъ лишиться сына, нежели имѣть его участникомъ своихъ страданій. И человѣкъ, весьма радующійся присутствію друга, болѣе желаетъ, чтобы онъ былъ счастливъ вдали, нежели несчастенъ вблизи, такъ какъ не можетъ равнодушно смотрѣть на несчастіе, котораго не въ состояніи облегчить. Тебѣ же не суждено видѣть меня близъ себя, хотя бы и несчастнымъ; а такъ какъ ты мнѣ ничѣмъ помочь не въ состояніи, то я не вижу, почему ты предпочитаешь для меня несчастнѣйшую жизнь болѣе счастливой смерти. Если ты желаешь продолженія моихъ бѣдствій ради своего удобства, то ты мнѣ не другъ, а скорѣе врагъ. Если же тебѣ непріятно показаться такою, то, прошу тебя, прекрати свои жалобы.

Ты упрекаешь меня за похвалу тебѣ, а я ее поддерживаю, потому что самые твои упреки показываютъ, что ты ея заслуживаешь. Ибо сказано въ Писаніи (Притч. XVIII, 17): «Праведный себѣ самага оглагольникъ во первословіи» и (Лука XVIII, 14): «Всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесетъ». Дай Богъ, чтобы твои мысли были одинаковы съ тѣмъ, чтѣ тобою написано! Ибо, въ такомъ случаѣ, твое уничиженіе будетъ искренно и не исчезнетъ отъ моихъ словъ. Но смотри, какъ бы тебѣ не пришлось искать похвалъ за то самое, съ помощію чего ты, повидимому, ихъ избѣгаешь, и не порицай того устами, къ чему стремишься сердцемъ. Объ этомъ блаженный Іеронимъ, въ посланіи къ дѣвственнику Евстахію, между прочимъ, пишетъ: «Мы отъ природы наклонны къ злему. Мы благосклонно относимся къ льстецамъ и хотя возражаемъ, что мы недостойны похвалъ, и лицо наше покры-

вается краснотой, но въ душѣ мы радуемся лести». Подобнымъ же образомъ и Виргилій изображаетъ хитрую уловку сладострастной Галатеи, которая притворнымъ бѣгствомъ стремилась къ тому, чего желала, и притворнымъ отказомъ еще сильнѣе возбуждала желанія любовника:

Въ лѣсъ убѣгаетъ, но такъ, чтобы раньше ее онъ замѣтилъ.
(Экл. III, 31).

Она хочетъ, чтобы ее замѣтили раньше, чѣмъ она спрячется, такъ, чтобы это мнимое бѣгство отъ юноши привлекло его къ ней. Такъ же точно и мы, повидимому, избѣгая людскихъ похвалъ, тѣмъ сильнѣе возбуждаемъ ихъ и, притворяясь желающими скрыться, чтобы никто не нашелъ въ насъ чего-либо достойнаго похвалы, тѣмъ самымъ заставляемъ неблагоразумныхъ людей восхвалять насъ еще болѣе, представляясь еще болѣе достойными похвалъ. Я говорю объ этомъ только потому, что такъ часто бываетъ, а вовсе не потому, что подозреваю тебя въ подобномъ же образѣ дѣйствій: въ твоей скромности я не сомнѣваюсь. Но мнѣ хотѣлось бы предостеречь тебя даже отъ подобныхъ выраженій, чтобы кто-нибудь, меньше меня тебя знавшій, не подумалъ, что ты, какъ говоритъ блаженный Иеронимъ, «избѣгая славы, стремишься къ ней». Моя похвала никогда не внушить тебѣ высокомерія, а только поощритъ тебя къ лучшему; и чѣмъ больше ты будешь стараться заслужить мою похвалу, тѣмъ ревностнѣе будешь усваивать тѣ качества, за которыя я тебя хвалю. Моя похвала вовсе не есть удостовѣреніе въ твоей набожности, которымъ ты могла бы сколько-нибудь возгордиться: вѣдь, похваламъ друзей такъ же не слѣдуетъ довѣряться, какъ и порицаніямъ враговъ.

Остается, наконецъ, еще сказать о твоей давнишней и постоянной жалобѣ на судьбу по поводу нашего постриженія, въ которомъ ты какъ будто обвиняешь Бога, между тѣмъ какъ по справедливости должна была бы Его благодарить. Я былъ увѣренъ, что, при столь явномъ милосердіи Божиемъ въ отношеніи насъ, это твое огорченіе уже давно исчезло: чѣмъ опаснѣе оно для тебя, поражая вмѣстѣ и тѣло и душу твою, тѣмъ тягостнѣе и прискорбнѣе оно для меня. Если ты, дѣйствительно, заботишься о томъ, чтобы угодить мнѣ, чѣмъ только можешь, то не мучь меня этимъ воспоми-

наніемъ; если желаешь доставить мнѣ величайшее удовольствіе, то оставь эти жалобы, которыми ты не можешь ни обрадовать меня, ни достигнуть вмѣстѣ со мной вѣчнаго блаженства. Развѣ ты допустишь, чтобы я стремился къ блаженству безъ тебя? А, вѣдь, ты говорила, что готова слѣдовать за мной даже и въ самый адъ! Итакъ, имѣй въ виду по крайней мѣрѣ хоть одну благочестивую цѣль — не разлучаться со мной въ моемъ стремленіи къ Богу: ты должна слѣдовать за мной тѣмъ охотнѣе, чѣмъ большее блаженство ожидаетъ насъ; и наше соединеніе должно быть тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ оно будетъ счастливѣе.

Припомни свои слова: вспомни, чтѣ ты мнѣ писала о томъ, что въ событіяхъ, приведшихъ насъ къ постриженію, Господь, повидимому, покаравшій меня, на самомъ дѣлѣ оказался ко мнѣ весьма милосердымъ. Предъ Его волей ты должна преклониться, хотя бы только потому, что для меня она была спасительна, и не для меня одного, но также и для тебя, если только огорченіе не лишаетъ тебя разсудка. Не печалься же, что ты стала причиной такого блага, и не сомнѣвайся, что Богъ именно затѣмъ и создалъ тебя! Не огорчайся тѣмъ, что я претерпѣлъ бѣдствія: иначе тебѣ пришлось бы огорчаться и тѣмъ благомъ, какое проистекло изъ страданій мучениковъ и даже изъ крестной смерти Спасителя. Неужели ты легче перенесла бы это несчастіе и менѣе огорчилась бы имъ, если бы оно постигло меня по моей винѣ? Вѣдь, если бы такъ случилось, то для меня это было бы поношеніемъ, а для враговъ моихъ — похвалою: они заслужили бы одобреніе за свою справедливость, а я — позоръ за свою вину. И никто не подумалъ бы осуждать того, чтѣ произошло, и не проникся бы состраданіемъ ко мнѣ.

Но дабы и другимъ способомъ смягчить горечь этой скорби, я покажу, что она постигла насъ вполне справедливо и послужила намъ на пользу; что Господь болѣе праведно покаралъ насъ въ бракѣ, нежели въ прелюбодѣянніи. Ты помнишь, какъ, вскорѣ послѣ нашей свадьбы, когда ты жила съ монахинями въ Аржантейлѣ, я однажды тайно посѣтилъ тебя, и до чего довела меня моя невоздержная страсть (72)?...

Уже за одно это, если бы у насъ не было и никакого другого

грѣха, мы заслуживали еще болѣе тяжкаго наказанія. Зачѣмъ же и вспоминать болѣе ранніе случаи прелюбодѣянія и безстыднѣйшаго оскверненія, происходившіе раньше брака? Зачѣмъ вспоминать величайшее мое предательство въ отношеніи къ твоему дядѣ, съ которымъ я жилъ постоянно въ одномъ домѣ и у котораго такъ подло похитилъ тебя? Кто же скажетъ, что я, такъ безсовѣстно предавшій его, несправедливо былъ имъ преданъ? Или ты думаешь, что для расплаты за столько преступленій достаточно минутнаго страданія отъ раны? Да развѣ за такое зло должно платить такимъ добромъ? Какая рана, по твоему мнѣнію, могла бы удовлетворить Божественное правосудіе за столь дерзкое оскверненіе мѣста, посвященнаго Матери Божіей? Если я не заблуждаюсь, то, конечно, возмездіемъ за эти преступленія послужила вовсе не та спасительная рана, а тѣ бѣдствія, какія я теперь ежедневно и непрерывно претерпѣваю.

Припомни, что когда я перевезъ тебя, беременную, на мою родину, я одѣлъ тебя въ монашеское платье и выдалъ за монахиню и этою ложью дерзко посмѣялся надъ тѣмъ духовнымъ саномъ, къ которому ты теперь принадлежишь. Подумай и о томъ, сколь справедливо Божественное правосудіе, или, лучше сказать, милосердіе, привлекло тебя, противъ твоей воли, въ этотъ санъ, надъ которымъ ты не побоялась насмѣяться. Господу угодно было, чтобы ты искупила свою вину въ томъ самомъ одѣяннѣ, въ которомъ согрѣшила, и чтобы ложь твоего притворства исправлена была истинной. Если же ты къ Божественному правосудію въ отношеніи насъ присоедилишь нашу пользу, то должна признать, что Господь былъ къ намъ не только справедливъ, но и милосердъ. Подумай, возлюбленная, о томъ, какъ Господь сѣтями своего милосердія изловилъ насъ изъ бездны опаснѣйшаго моря и какъ бы противъ нашей воли извлекъ насъ изъ пучины Харибды, дабы каждый изъ насъ могъ воззвать къ Нему словами (Пс. XXXIX, 18): «Помощникъ мой и защититель мой еси Ты!»! Подумай, и не одинъ разъ подумай о томъ, какой мы подвергались опасности, и отъ какой опасности избавилъ насъ Господь; и всегда съ величайшей благодарностью повѣстуй о томъ, «елика сотвори души твоей» (Пс. LXV, 16), утѣшая нашимъ примѣромъ невѣрующихъ и сомнѣвающихся

во благодати Божіей, дабы они помыслили о томъ, что дается просящимъ и молящимся, если столь великія благодѣянія оказываются грѣшникамъ даже противъ ихъ желанія. Подумай о величайшемъ Божественномъ попеченіи о насъ и о томъ, какъ милосердно Господь обратилъ судъ Свой намъ на благо, какъ премудро Онъ воспользовался даже зломъ и обратилъ несчастье въ благочестивое дѣло, причемъ одна лишь моя тѣлесная язва послужила къ душевному исцѣленію насъ обоихъ.

Сравни опасность и то, какъ мы отъ нея избавились, сравни болѣзнь и лекарство. Разсмотри причины заслуженной кары — и удивляйся Божественной любви и благодати. Ты знаешь, какими гнустостями моя невоздержная страсть оскверняла наши плотскія отношенія; знаешь, что я не могъ отказаться отъ этой грязи, ни по требованію пристойности, ни ради богопочтенія, даже въ дни страстной седмицы или великихъ праздниковъ. Даже когда ты и не хотѣла этого, и сколько могла отговаривала меня и сопротивлялась, я все-таки пользовался слабостью твоей природы и нерѣдко угрозами или боями заставлялъ тебя соглашаться. Я былъ воспламененъ къ тебѣ такой страстью, что тѣ жалкія и непристойнѣйшія удовольствія, которыя намъ теперь даже стыдно назвать, предпочиталъ любви къ Богу и даже къ себѣ самому: очевидно Божественное милосердіе не могло и поступить иначе; оно должно было навсегда лишитъ меня возможности предаваться этимъ удовольствіямъ.

А потому въ высшей степени праведно и милостиво, хотя и предательствомъ твоего дяди, для того, чтобы преуспѣть во многомъ другомъ, я лишень былъ того, что было причиной моихъ вожделѣній. Праведно пострадало мое тѣло, и своимъ страданіемъ оно искушило тотъ грѣхъ, который совершало, наслаждаясь. И вотъ, я, какъ тѣлесно, такъ и духовно, былъ освобожденъ отъ этихъ гнустостей, въ которыя погрузился словно въ грязь; я сдѣлался достойнымъ приближаться къ священнымъ алтарямъ, отъ которыхъ меня уже не отвращала язва плотскаго оскверненія. Такимъ образомъ, Божественное правосудіе весьма милостиво наказало меня только на тѣлѣ, что содѣйствовало спасенію моей души, не обезображивая и не препятствуя совершенію какой-либо службы: я, на-

противъ, стать еще болѣе способнымъ къ исполненію всякаго честнаго дѣла, такъ какъ избавленъ отъ ига вождельнія.

Итакъ, Божественное милосердіе, очищая меня отъ гнусностей (73)..., только удалило отъ меня все грязное и порочное, ради сохраненія моей цѣломудренной чистоты. А мы знаемъ, что иные мудрецы, горячо стремясь къ этой цѣломудренной чистотѣ, даже сами налагали на себя руки, чтобы удалить отъ себя пороки вождельнія. Объ избавленіи отъ этой плотской похоти и апостоль молилъ Господа, но молитва его не была услышана (II Кор., XII, 7). Примѣромъ можетъ служить великій христіанскій философъ Оригенъ, который, желая совершенно потушить въ себѣ жаръ страстей, не устранился наложить на себя руки, какъ бы буквально разумѣя слова Писанія о тѣхъ, «ниже исказиша сами себѣ Царствія ради Небеснаго» (Матѣ., XIX, 12), и полагая, что они дѣйствительно исполняютъ то, что предписывается Господомъ о соблазняющихъ насъ членахъ, т.-е. чтобы ихъ отсѣкать и выбрасывать.

Можно думать, что онъ буквально, а не символически, истолковалъ то пророчество Исаи, въ которомъ Господь высказываетъ скопцамъ предпочтеніе передъ прочими вѣрными, говоря (Ис. LVI, 4, 5): «Сія глаголетъ Господь каженникомъ: елицы сохранять субботы Моя и изберутъ, яже Азъ хочу, и содержать завѣтъ Мой, дамъ имъ въ дому Моемъ и во оградѣ Моей мѣсто именито, имя вѣчно дамъ имъ, и не оскудѣтъ». Но Оригенъ совершилъ немалый грѣхъ, ища исцѣленія отъ своего грѣха въ тѣлесномъ наказаніи. Ревнуя по Богѣ, но не по разуму, онъ, налагая на себя руку, навлекалъ на себя обвиненіе въ челоувѣкоубійствѣ. Онъ самъ сознается, что по паущенію дьявольскому или вслѣдствіе великаго заблужденія совершилъ самъ надъ собой то, что по милости Божіей совершено надо мной другимъ лицомъ. Я избѣжалъ обвиненія, а не подвергся ему. Я заслужилъ смерть, а получилъ жизнь. Меня призываютъ, а я сопротивляюсь. Я упорствую въ своихъ грѣхахъ и противъ своей воли привлекаюсь къ милости. Апостоль молится, и его моленіе остается неуслышаннымъ; онъ упорствуетъ въ своемъ прошеніи, и ничего не получаетъ.

Воистину (Пс. XXXIX, 18) «Господь помощникъ мой и защититель». Итакъ, я пойду и стану повѣствовать о томъ, «елика сотворилъ души моея» (Пс. LXV, 16). Соединись и ты со мной въ

одномъ благодареніи, моя неразлучная спутница; такъ какъ ты была участницей въ моей винѣ, то будь участницей и въ моемъ спасеніи. Вѣдь, Господь не забываетъ и о твоёмъ спасеніи и даже, можно сказать, весьма помнитъ о тебѣ, ибо Онъ даже священнымъ предзнаменованіемъ твоего имени предуказалъ, что ты будешь посвящена Ему, назвавъ тебя Элоизою — отъ собственнаго Своего имени «Элоимъ» (74). Самъ Онъ милостиво благоволилъ черезъ одного изъ насъ спасти обоихъ, которыхъ дьяволъ также черезъ одного изъ насъ старался погубить. И незадолго передъ тѣмъ, какъ это случилось, Онъ соединилъ насъ неразрывными узами брачнаго таинства. Безмѣрно любя тебя, я желалъ удержать тебя навѣки, а Господь уже располагалъ привлечь насъ обоихъ этимъ событіемъ къ Себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты не была соединена со мной бракомъ, то, въ случаѣ удаленія моего отъ міра, ты, уступая увѣщаніямъ родственниковъ или привлекательности плотскихъ удовольствій, легко могла бы остаться въ міру. Посмотри же, какое попеченіе явилъ о насъ Господь, какъ бы намѣреваясь соблудности насъ для какого-то великаго дѣла и какъ бы гнѣваясь или сожалѣя, что мы не пользуемся, во славу Его имени, данными намъ обоимъ отъ Него талантами къ научнымъ занятіямъ, или какъ бы опасаясь за непостояннаго раба, ибо сказано въ Писаніи (Сирахъ, XIX, 2); «Жены превратятъ разумивыхъ», какъ это извѣстно и о мудрѣйшемъ Соломонѣ (III Царств. II, 1 и сл.). А какіе проценты ежедневно приносятъ Господу талантъ твоего благоразумія! Сколько духовныхъ дочерей ты уже породила Господу, между тѣмъ какъ я все еще остаюсь совершенно бесплоднымъ и тщетно труждаюсь для сыновъ погибели! О, какой ужасный ущербъ! Какое плачевное было бы бѣдствіе, если бы ты, предаваясь плотскому вожделѣнію, въ болѣзняхъ произвела на свѣтъ немногихъ дѣтей, между тѣмъ какъ теперь ты съ восторгомъ производишь для Неба многочисленное потомство! Тогда ты была бы только женщиной, а теперь ты превосходишь даже и мужей, обращая проклятіе Евы въ благословеніе Маріи. О, какъ неумѣстно было бы этимъ рукамъ, которыя теперь перелистываютъ только священныя книги, заниматься низкими женскими работами!

Самъ Господь удостоилъ избавить насъ отъ этой гнусной трапезы, воздвигнуть насъ изъ грязи плотскаго вождельнiя и привлечь къ Себѣ тою же силой, какою Ему угодно было обратитъ пораженнаго Павла, а, можетъ быть, этимъ же самымъ нашимъ примѣромъ отвратитъ отъ высокоумiя и другихъ ученыхъ людей. Итакъ, сестра, молю тебя, не огорчайся этимъ и не сѣтуй на отца за то, что они отечески исправляетъ насъ, но разсуди о томъ, чтѣ сказано въ Писанiи (*Притч.* III, 12): «Его же бо любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же приѣмлетъ». И въ другомъ мѣстѣ (*Притч.* XIII, 25): «Иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего». Это—наказанiе минутное, а не вѣчное; и служитъ оно къ нашему очищенiю, а не къ осужденiю. Слушай, чтѣ говоритъ пророкъ, и утѣшься (*Наумъ*, I, 9): «Что помышляете на Господа? Не отмститъ дважды кучно въ скорби». Вспомни величайшее и истинное слово Божiе (*Лука*, XXI, 19: «Въ терпѣнiи вашемъ стяжите души ваша»). То же говоритъ и Соломонъ (*Притч.* XVI, 32): «Лучше мужъ долготерпѣливъ паче крѣпкаго».

Развѣ ты не оплакиваешь Сына Божiя едиnorodнаго и не сострадаешь ему, Который невинно, за тебя и за всѣхъ, былъ нечестивѣйшими людьми схваченъ, уведенъ въ тюрьму, подвергнутъ бичеванiю, издѣвательству, заушенiю, оплеванъ, увѣнчанъ тернiемъ и наконецъ повѣшенъ на позорномъ въ то время крестѣ, среди разбойниковъ, и принялъ ужасную и мучительную смерть? Всегда, о сестра моя, имѣй передъ глазами и въ мысляхъ этого истиннаго Жениха твоего и всей церкви! Смотри, какъ онъ идетъ за тебя на пропятiе и Самъ несетъ крестъ Свой. Будь съ тѣмъ народомъ и съ тѣми жеванами, которые жалѣли и оплакивали Его, какъ повѣствуетъ евангелистъ (*Лука*, XXIII, 27): «Идаше же вслѣдъ Его народъ многъ людiй, и жены, яже и плахуся, и рыдаху Его». А онъ, благосклонно обратившись къ нимъ, милостиво предсказалъ грядущее отмщенiе за Его смерть и указалъ, какимъ образомъ могутъ они избѣжать гибели. Сострадай Тому, Кто ради тебя принялъ вольную страсть, и сокрушайся о Томъ, Кто ради тебя преданъ былъ на пропятiе. Непрестанно помышляй о Его гробѣ, печалуйся и скорби о Немъ вмѣстѣ съ вѣрными женами, о которыхъ, какъ я уже упоминалъ выше, сказано: «жены плакахуся и рыдаху Его». Готовъ вмѣстѣ съ ними благовонныя мази для Его

погребенія, но не тѣлесныя, а духовныя, ибо такихъ именно благовоной требуетъ Онъ отъ тебя, не нуждаясь въ тѣлесныхъ.

Всею силой своей набожности устремись къ Нему. Вѣдь, Онъ и Самъ, устами Іереміи, побуждаетъ вѣрующихъ къ такому состраданію, говоря (*Плачъ*, I, 12): «Вси иже къ вамъ проходящіи путемъ, обратитесь и видите, аще есть болѣзнь, яко болѣзнь моя». То-есть, заслуживаетъ ли кто-либо такой скорби и такого состраданія, какъ Я, безъ всякой вины искупающей Своими страданіями прегрѣшенія другихъ людей? Ибо Онъ Самъ есть путь, которымъ вѣрующіе изъ страны изгнанія возвращаются въ свое отечество. Онъ Самъ воздвигъ намъ лѣстницу спасенія, въ видѣ того креста, съ котораго Онъ къ намъ обращается. Сей убиенный ради тебя есть едиnorodный Сынъ Божій, принесшій Себя въ жертву, ибо такова была воля Его. О Немъ одномъ сострадаая, скорби, и Ему одному скорбя, сострадай. Исполни предреченное пророкомъ Захаріею о благочестивыхъ душахъ (*Зах.*, XII, 10): «И восплачутся о Немъ плаканіемъ, яко о возлюбленнѣмъ, и поболѣять о Немъ болѣзнію, яко о первенцѣ».

Смотри, сестра, какъ плачутъ любящіе царя о смерти его первороднаго и едиnorodнаго сына! Смотри, какимъ плачемъ объята вся семья, какою скорбью пораженъ весь домъ! Когда же ты увидишь невѣсту этого мертваго едиnorodнаго сына, то не въ состояніи будешь перенести ея рыданій. Таковъ, о сестра, долженъ быть и твой плачь, таковы должны быть и твои рыданія, ибо съ этимъ супругомъ ты сочеталась счастливымъ бракомъ. Онъ купилъ тебя не своимъ достояніемъ, но Самимъ Собою; Собственною кровью Онъ купилъ и искупилъ тебя. Подумай же о томъ, какое Онъ имѣетъ на тебя право, и разсуди о томъ, сколь ты драгоценна. Помышляя объ этой цѣнѣ искупленія, сравнивая ее съ тѣмъ, за что она дана, и преклоняясь предъ этой столь великой жертвой, апостолъ говоритъ (*Галат.*, VI, 14): «Мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся». Ты дороже Неба, дороже всего міра, ибо цѣною твоего искупленія содѣлался Самъ Творецъ міра.

Но что же такое, спрашивается, нашель въ тебѣ Онъ, ни въ чемъ не нуждавшійся, что ради пріобрѣтенія тебя не отступилъ предъ ужасною и позорною смертію? Чего искалъ Онъ въ тебѣ,

если не тебя самой? Истинный другъ есть тотъ, кто желаетъ тебя самой, а не твоего имущества. Истинный другъ тотъ, кто, идя за тебя на смерть, говорилъ (*Иоан. XV, 13*): «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя». Онъ-то, а не я, и возлюбилъ тебя истинной любовью. Моя же любовь, увлекавшая насъ обоихъ въ грѣхъ, должна называться не любовью, а вождельніемъ. Я удовлетворялъ съ тобой свои жалкія желанія; и это было все, что я въ тебѣ любилъ. Ты говоришь, что я изъ-за тебя пострадалъ. Можетъ быть, это и правда; но я пострадалъ больше по поводу тебя, и вовсе этого не желая, не изъ любви къ тебѣ, а вслѣдствіе учиненнаго надо мной насилія, и не ради твоего спасенія, а къ твоему горю. Онъ же добровольно пошелъ на страданіе ради твоего спасенія и Своимъ страданіемъ исцѣлилъ всѣ скорби и поборолъ всѣ страсти.

Итакъ, все твое поклоненіе, все состраданіе, все сочувствіе должно быть обращено не ко мнѣ, а къ Нему. Скорби о столь жестокой несправедливости, причиненной столь неповинному Праведнику, а не о томъ справедливомъ воздаяніи, которое претерпѣлъ я и которое, какъ я уже сказалъ, обратилось для насъ обоихъ въ источникъ благодати. Ты несправедлива, если не любишь справедливости, и еще болѣе несправедлива, если сознательно противишься столь великой милости Божіей. Плачь о твоёмъ Избавителѣ, а не о похитителѣ, о твоёмъ Искупителѣ, а не о любовникѣ, о Господѣ, за тебя принявшемъ смерть, а не о живомъ рабѣ Его, только теперь истинно избавленномъ отъ смерти. Прошу тебя, остерегайся, чтобы къ тебѣ не примѣнилось, въ укоризну тебѣ, то, что сказалъ Помпей скорбящей Корнеліи (*Lucan. Phars. VIII, 84*):

Не палъ въ сраженіи Великій:
Сгибло богатство его.
Ты плачешь о томъ, что любила!

Прошу тебя, подумай объ этомъ и постыдись прибавлять къ прежнимъ тяжкимъ грѣхамъ новые, еще болѣе тяжкіе.

Итакъ, умоляю тебя, сестра моя, переноси съ терпѣніемъ тѣ испытанія, которыя столь милостиво намъ ниспосылаются. Это—розга отеческая, а не мечъ преслѣдователя. Это отецъ наказуетъ

насъ для нашего исправленія, а не врагъ поражаетъ для того, чтобы насъ убить. Своимъ ударомъ онъ отдаляетъ, а не причиняетъ намъ смерть, налагаетъ желѣзо, дабы отсѣчь болѣзнь, ранить тѣло, но исцѣляетъ душу. Онъ долженъ былъ убить, а вмѣсто того животворить; отсѣкаетъ нечистоту, дабы сохранить чистое; наказываетъ одинъ разъ, дабы не карать постоянно. Одинъ изъ насъ страждетъ отъ раны, дабы оба избавлены были отъ смерти. Виновныхъ было двое, а наказанію подвергся одинъ.

И въ этомъ отношеніи Божественное милосердіе снизошло къ слабости твоей природы, и по справедливости, ибо ты, будучи слабѣе по природѣ своего пола и сильнѣе по воздержанію, подлежала и меньшему наказанію. Я воздаю благодареніе Господу, избавившему тебя тогда отъ наказанія и сохранившему тебя для вѣнца. Благодарю Его и за то, что Онъ сразу охладилъ во мнѣ весь пылъ страсти и вожделѣнія, которому я всецѣло предавался, вслѣдствіе моей невоздержности; тебѣ же Онъ уготовалъ вѣнецъ мученической, сохранивъ страсти твоей юности и постоянныя волненія плоти. Хотя тебѣ и непріятно это слышать, и ты запрещаешь объ этомъ говорить, однако въ этихъ словахъ выражается очевидная истина. Ибо вѣнецъ достается тому, кому приходится постоянно сражаться: «Аще же и постраждетъ кто, не нѣнчается, аще не законно мучень будетъ» (II Тим., II, 5). Мнѣ же не достанется вѣнца, ибо у меня нѣтъ причины сражаться, нѣтъ повода для борьбы, такъ какъ я лишенъ плотскихъ побужденій.

Но я считаю не малымъ благомъ и то, что, хотя я и не получу вѣнца, однако все-же избѣгну наказанія; быть можетъ, боль одной минутной язвы избавить меня отъ многихъ ранъ вѣчныхъ. Ибо людей, преданныхъ своимъ жалкимъ вожделѣніямъ, Св. Писаніе уподобляетъ свиньямъ (Иов., I, 17), говоря: «Возвратися яко свиніи на блевотины своя». Но я мало огорчаюсь уменьшеніемъ своихъ заслугъ, въ увѣренности, что твои заслуги увеличиваются. Вѣдь, мы съ тобою—едино во Христѣ, едина плоть въ силу нашего брака. То, что принадлежитъ тебѣ, я не считаю чужимъ и себѣ. Тебѣ же принадлежитъ Христосъ, ибо ты содѣлалась Его невѣстой. И вотъ, теперѣ—какъ уже сказано выше—я сталъ твоимъ рабомъ, а прежде ты признавала меня своимъ господиномъ; зато

теперь я болѣе соединенъ съ тобой любовью духовною, нежели подчиненъ тебѣ чувствомъ страха.

Оттого-то я еще болѣе довѣряюсь твоему заступничеству за меня, надѣясь отъ твоихъ молитвъ получить то, чего не могу достигнуть собственными молитвами, въ особенности же теперь, когда каждодневныя опасности и тревоженія не даютъ мнѣ времени ни жить, ни предаваться молитвѣ, ни подражать тому блаженнѣйшему и могущественному еврею въ домѣ Кандакїи, царицы эіопской, который поставленъ былъ надъ всѣми ея сокровищами и изъ столь далекой страны пришелъ поклониться Іерусалиму. Когда же онъ возвращался домой, къ нему посланъ былъ ангеломъ апостолъ Филиппъ, дабы обратить его къ вѣрѣ (*Дьян. VIII, 29*), чего онъ и заслужилъ своею молитвой или усерднымъ чтеніемъ Св. Писанія. Вслѣдствіе чего и дабы онъ не остался, какъ человѣкъ богатѣйшій и притомъ и язычникъ, внѣ истиннаго пути, по великой милости Божіей совершилось надъ нимъ то, что онъ встрѣтилъ именно то мѣсто Писанія, которое дало апостолу удобнѣйшій случай къ его обращенію.

А дабы что-либо не воспрепятствовало исполненію моей просьбы или не заставило ее отложить, я позаботился сочинить и послать къ тебѣ и самую молитву, съ которой вы за меня должны обращаться ко Господу:

«Боже, при самомъ началѣ созданія человѣка сотворшій жену изъ ребра мужа, освятившій таинство союза брачнаго, возвысившій его великими почестями Своимъ рожденіемъ отъ обрученницы или совершеніемъ чудесъ и благоволившій содѣлать бракъ моимъ исцѣленіемъ отъ брэннаго моего невоздержанія,—призри на моленія рабы Твоей, возносимыя предъ Тобою за согрѣшенія мои и моего возлюбленнаго супруга. Отпусти, о Всеблагій Боже или Сама Благодать, столь многія и столь великія прегрѣшенія наши, дабы вина наша нашла себѣ прощеніе въ неизреченномъ Твоемъ милосердіи. Молю Тебя, Господи, накажи виновныхъ въ семь вѣкѣ, дабы простить ихъ въ будущемъ. Накажи ихъ въ сей часъ, дабы не покарать вѣчно. Прими на рабовъ Твоихъ лозу исправленія, а не мечъ ярости. Сокруши тѣло, дабы избавить душу. Явись очистителемъ, а не отомстителемъ, болѣе благимъ, нежели праведнымъ судією, ми-

досерднымъ отцомъ, а не гнѣвнымъ Господомъ. Испусти насъ, Господи, и испытай насъ, якоже и пророкъ молится о себѣ (*Ис. XXV, 2*) какъ бы говоря: сперва разсмотри силы мои—и соотвѣтственно съ ними опредѣли тяжесть испытанія, что и апостоль Павелъ общаетъ вѣрующимъ въ Тебя, говоря (*I Кор. X, 13*): «Вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искутитися паче, яже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возможи вамъ понести». Ты бо, Господи, соединилъ насъ и раздѣлилъ, когда на то была воля Твоя. Нынѣ же, Господи, всемилостиво доверши милостиво начатое Тобою, и тѣхъ, кого Ты раздѣлилъ въ семь вѣкъ, соедини съ Собою въ будущемъ. Ты бо еси упованіе наше, достояніе наше, ожиданіе наше, утѣшеніе наше! И Тебѣ славу возсылаемъ, во вѣки вѣковъ, аминь».

Здравствуй во Христѣ, невѣста Христова, во Христѣ здравствуй и ради Христа живи! Аминь.

ГЛАВА VII.

Абелярь Элоизѣ.

Исповѣданіе вѣры.

Сестра моя Элоиза, нѣкогда въ мірской жизни мною любимая, нынѣ же во Христѣ возлюбленнѣйшая!

Логика сдѣлала меня ненавистнымъ міру. Ибо люди превратные и все извращающіе, вся мудрость которыхъ заключается въ томъ, чтобы вредить ближнему, говорятъ, что въ логикѣ я всѣхъ выше, но что въ толкованіи Павла я сильно споткнулся. Они восхваляютъ остроту моего ума, но отнимаютъ у меня чистоту христіанской вѣры.

Мнѣ кажется, такое сужденіе объясняется тѣмъ, что они руководятся болѣе своими мнѣніями, нежели опытомъ. Я не желаю быть такимъ философомъ, который бы противорѣчилъ Павлу; я не желаю быть Аристотелемъ, если это отдалитъ меня отъ Христа.

Ибо нѣтъ иного имени въ мірѣ, которое могло бы спасти меня. Я поклоняюсь Христу, царствующему одесную Отца. Я обвиняю вѣрую Его, зачатого Духомъ Святымъ отъ Дѣвы и божественно совершающаго славныя чудеса. А чтобы всякое трепетное безпокойство и всякія недоумѣнія удалены были изъ сердца твоего, знай, что я основалъ свою совѣсть на томъ камнѣ, на которомъ Христосъ создалъ Церковь Свою. Я кратко изложу тебѣ, что написано на этомъ камнѣ.

Вѣрую во Отца и Сына и Духа Святого, единого по природѣ и истиннаго Бога, Который допускаетъ троичность лицъ, но по существу всегда остается единымъ. Вѣрую, что Сынъ равенъ Отцу во всемъ, то-есть, въ вѣчности, могуществѣ, волѣ и дѣлахъ Своихъ. Отвергаю Арія, который, будучи побуждаемъ превратнымъ умомъ или соблазняемъ духомъ дьявольскимъ, допускалъ въ Троицѣ степени, проповѣдуя, что Отецъ выше, а Сынъ ниже, и забывая о заповѣди Писанія (*Исх. XX, 26*): «Да не въздеси по степенемъ ко олтарю Моему». Онъ же, полагая въ Троицѣ первое и второе, восходилъ по степенямъ ко олтарю Божію. Исповѣдую, что Святыи Духъ во всемъ единосущенъ и равенъ Отцу и Сыну, какъ я часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ, обозначая Его наименованіемъ благодости. Осуждаю Савелія, который, отождествляя Отца съ Сыномъ, признавалъ, что Отецъ претерпѣлъ страданіе, вслѣдствіе чего послѣдователи этого ученія и называются «патрипассіанами».

Вѣрую, что Сынъ Божій содѣлался Сыномъ Человѣческимъ, и что Его единое лицо состоитъ изъ двухъ лицъ и имѣетъ двойную природу. Исполнивъ принятое Имъ на себя въ человѣческомъ образѣ, онъ пострадалъ, умеръ и воскресъ, и вознесся на небеса, и паки придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Утверждаю, что въ крещеніи отпускаются всѣ грѣхи, и что мы нуждаемся въ благодати, какъ для того, чтобы начинать благое дѣло, такъ и для того, чтобы довершать его, и что отъ паденія избавляемся исповѣдью. Нужно ли говорить о воскресеніи плоти? Вѣдь, я напрасно сталъ бы называть себя христіаниномъ, если бы не вѣровалъ, что я воскресну.

Такова вѣра, въ которой я твердо пребываю и въ которой почерпаю твердую надежду. Укрываясь въ эту спасительную вѣру, я не страшусь нападенія Сциллы, смѣюсь надъ пучиной Харибды,

не ужасаюсь смертоносныхъ пѣсвопѣній Сиренъ. Если ураганъ обрушится на меня, я не содрогнусь. Если вѣтры станутъ обуревать меня, я не двинусь. Ибо я утвердился на твердомъ камнѣ.

ГЛАВА VIII.

Посланіе Петра Ключійскаго къ Элоизѣ.

Награда страдальцѣ.

Почтенной и во Христвъ возлюбленной сестрѣ Элоизѣ, настоятельницѣ, братѣ Петрѣ, низжайшій аббатъ Ключійскій, желаетъ спасенія, которое обѣщаетъ Господь возлюбившимъ Его.

Получивъ письмо твоей милости (75), посланное недавно черезъ сына моего Теобальда, я возрадовался, и изъ уваженія къ писавшей принялъ его дружественно. Я хотѣлъ тотчасъ же отписать тебѣ о томъ, что было у меня на душѣ; но не могъ этого сдѣлать по причинѣ разныхъ помѣхъ и служебныхъ заботъ, которыми я всего болѣе и даже, можно сказать, всегда занятъ. Но, наконецъ, едва улучивъ свободный день, я попытаюсь исполнить свое намѣреніе.

Я считалъ необходимымъ ускорить мой отвѣтъ, зная твое расположеніе ко мнѣ, какъ изъ твоего письма, такъ и по тѣмъ подаркамъ, которые еще ранѣе были мнѣ отъ тебя посланы: я хотѣлъ показать, какое мѣсто удѣлилъ я въ своемъ сердцѣ уваженію къ тебѣ во Христвѣ. И, дѣйствительно, я не теперь только началъ тебя любить, но, сколько помню, уже давно полюбилъ. Я еще не перешелъ предѣла юности, и даже еще не достигъ юношескаго возраста, когда молва донесла до меня слухъ о тебѣ,—не о набожности твоей, а о твоихъ почтенныхъ и похвальныхъ научныхъ занятіяхъ. Я уже въ ту пору слышалъ, что женщина, еще пребывающая въ сѣтяхъ мірскихъ, весьма прилежно занимается изученіемъ литературы и свѣтской мудрости—что случается крайне

рѣдко—и что никакія мірскія удовольствія, забавы и наслажденія не могутъ отвлечь ее отъ этого полезнаго намѣренія посвятить себя наукѣ.

И въ то время, когда почти весь свѣтъ относится къ этимъ занятіямъ неблагосклонно, и когда трудно указать мѣсто, гдѣ бы мудрость могла найти себѣ пристанище — не говорю уже среди женщинъ, отъ которыхъ она совершенно изгнана, но даже и среди мужчинъ—ты своими ревностными занятіями не только стала выше всѣхъ женщинъ, но и превзошла почти всѣхъ мужчинъ. Вскорѣ, по слову апостольскому (*Галат. I, 15*), когда Тотъ, Кто избралъ тебя отъ чрева матери твоей, благоволилъ призвать тебя къ Своей благодати, ты обратилась къ наукамъ, еще болѣе предпочтительнымъ и, вмѣсто логики, избрала Евангеліе, вмѣсто физики—апостоловъ, вмѣсто Платона—Христа, вмѣсто академіи—монастырь; и сдѣлалась уже полною и совершенною послѣдовательницей истинной философіи.

Ты отняла добычу у побѣжденныхъ враговъ, и, пройдя пустыню сего земного странствія, изъ сокровищъ египетскихъ воздвигла въ сердцѣ своемъ драгоцѣнную скинію Господу. Когда утонулъ фараонъ, ты воспѣла, вмѣстѣ съ Маріей, хвалебную пѣснь; и, уподобляясь ей и неся въ рукахъ своихъ тимпанъ блаженнаго умерщвленія плоти, какъ искусная пѣвица, вознесла новые напѣвы до слуха Самого Божества. Ты уже въ самомъ началѣ наступила на главу древняго змія, всегда враждебнаго женамъ, которую ты, по милости Божіей, продолжая свой подвигъ, сотрешь, такъ что онъ никогда уже не дерзнетъ шипѣть на тебя. Этого гордаго князя міра сего ты сдѣлала и будешь дѣлать посмѣшищемъ; и того, кого Божіе слово называетъ царемъ сыновъ гордости, ты, по словамъ Самого Бога къ блаженному Іову, заставишь стенать, поработивъ его себѣ и живущимъ съ тобой дѣвамъ Божіимъ.

И—что въ особенности удивительно и должно быть поставлено превыше всѣхъ чудесъ—тотъ, кого, по слову пророка, и кедры не превышали въ раю Божіемъ и съ которымъ сосны не могли равняться высотой, побѣжденъ слабою женщиной: слабая женщина превзошла сильнѣйшаго архангела. Эта борьба приноситъ величайшую славу Создателю и, наоборотъ, покрываетъ величайшимъ позоромъ искусителя.

Эта борьба показала ему, что онъ былъ не только безуменъ, но и всего болѣе смѣшонъ въ своемъ стремленіи сравняться съ величествомъ Божиимъ, когда не могъ выдержать и кратковременной борьбы съ слабой женщиной. Въ награду за такую побѣду, побѣдительница получаетъ отъ Царя Небеснаго драгоцѣнный вѣнецъ; и чѣмъ слабѣе была она плотію въ своей борьбѣ, тѣмъ славнѣе явится она, удостоившись вѣчной награды.

Все это, о возлюбленнѣйшая о Христѣ сестра моя, говорю я не ради лести, но ради увѣщанія, дабы ты, помышляя о томъ великомъ подвигѣ, въ которомъ уже долго пребывала, еще ревностнѣе довершала его и, какъ словами, такъ и примѣромъ, воспламеняла бы къ той же борьбѣ и тѣхъ святыхъ дѣвъ, которыя, по милости Божіей, вмѣстѣ съ тобой служатъ Господу. Ибо ты, хотя и женщина, являешь собой одну изъ тѣхъ тварей, которыхъ видѣлъ пророкъ Іезекиль; ты должна не только горѣть, какъ уголь, но, какъ свѣтильникъ, горѣть и свѣтить. Ты—ученица истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и по самой своей обязанности въ отношеніи тѣхъ, которыя ввѣрены твоему попеченію, ты и учительница смиренія. Ибо, конечно, Господь возложилъ на тебя учительство смиренія и всей небесной мудрости; а потому ты и должна заботиться не только о себѣ самой, но и о ввѣренномъ тебѣ стадѣ, и за всѣхъ получить награду болѣшую, нежели всѣ прочія. Тебѣ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, пальма первенства передъ всѣми, ибо ты прекрасно знаешь, что всѣ тѣ, которыя подъ твоимъ предводительствомъ одержатъ побѣду надъ міромъ и надъ княземъ міра сего, приготавливаютъ для тебя столько же триумфовъ и славныхъ трофеевъ предъ лицомъ вѣчнаго Царя и Судіи.

Впрочемъ ничего нѣтъ необычнаго въ томъ, чтобы женщины начальствовали надъ женщинами; несовсѣмъ необычно также и участіе ихъ въ сраженіяхъ; иногда онѣ сопровождали въ битву и мужей. Вѣдь, недаромъ сказано, что «и у врага научиться можно» (*Ovid. Metamorph. IV, 428*): и у язычниковъ, какъ о томъ часто пишутъ, царица амазонокъ Пентесилея, съ своими амазонками, не мужчинами, а женщинами, нерѣдко сражалась во время троянской войны; и у народа Божія, какъ читаемъ въ Писаніи, пророчица Дебора воодушевляла израильскаго судію Варуха противъ язычниковъ.

Отчего же женщины, выступающія на бой за добродѣтель противъ сильно вооруженнаго непріятеля, не могутъ стать предводительницами воинства Божія, когда и та языческая Пентесилея собственной рукой поражала враговъ, хотя это и считалось непристойнымъ, и эта наша Дебора побуждала, вооружала и воспламеняла мужей на священную брань? Когда ими побѣжденъ былъ царь *Лавинъ* и убитъ полководецъ *Сисара* (*Суд. V*) и разсѣяно языческое войско, она тотчасъ же воспѣла набожную пѣснь, посвященную прославленію Бога. А ты, когда, по милости Божіей, тебѣ и твоимъ приснымъ дарована будетъ побѣда надъ непріятелемъ, несравненно болѣе сильнымъ, воспоешь еще гораздо болѣе славную пѣснь, и такую радостную, что уже никогда не перестанешь радоваться и воспѣвать ее. Для рабынь Божіихъ, то-есть, для небеснаго воинства, ты будешь тѣмъ же, чѣмъ была оная Дебора для своего іудейскаго народа; и ни время, ни какая-либо случайность не заставятъ тебя прекратить эту славную борьбу, которая окончится только твоей побѣдой.

А такъ какъ имя Деборы, какъ вѣдомо твоей учености, на еврейскомъ языкѣ означаетъ пчелу, то и ты будешь также Деборою, то-есть пчелою, ибо ты соберешь медъ, но не для себя одной: все доброе, чтò собрано тобою въ разныхъ мѣстахъ и отъ разныхъ людей, ты всецѣло передашь твоимъ сестрамъ или кому-либо иному, дѣйствуя примѣромъ, словомъ и всѣми доступными тебѣ способами. Въ продолженіе краткаго времени сей земной жизни ты и сама себя питаешь сокровенной сладостію Священнаго Писанія, и блаженныхъ сестеръ своихъ насытишь открытой проповѣдью, до тѣхъ поръ, пока, по слову пророка (*Иоиль, III, 18*), въ оный обѣтованный день, «искапаютъ горы сладость и холми источать млеко». Хотя это сказано о времени благодати, но то же самое можно, и еще утѣшительнѣе, сказать и о времени славы.

Мнѣ было бы весьма пріятно долго бесѣдовать съ тобой о подобныхъ предметахъ, ибо я радуюсь твоей славной учености и еще болѣе утѣшаюсь твоей набожностью, о которой отъ многихъ слышалъ. О, если бы ты жила въ нашемъ Ключійскомъ аббатствѣ! О, если бы ты, вмѣстѣ съ прочими рабынями Христовыми, заключена была въ пріятномъ уединеніи Марсиньи, ожидая тамъ небеснаго

избавленія! Сокровища набожности и науки я предпочелъ бы величайшимъ сокровищамъ какихъ угодно царей и радовался бы, видя, что это преславное общежитіе сестеръ еще сильнѣе возблестало отъ твоего присутствія. Да и ты сама получила бы отъ нихъ немалую пользу и увидѣла бы, какъ величайшая знатность и гордость міра сего не вмѣняется ни во что. Ты увидѣла бы, какъ всевозможныя мірскія роскоши мѣняются на достойную удивленія нищету, какъ гнусныя нѣкогда сосуды дьявольскіе обращаются въ чистѣйшіе храмы Духа Святого.

Ты увидѣла бы, какъ эти юницы Божіи, словно украденныя у Сатаны или у міра, воздвигаютъ на фундаментѣ невинности высокія стѣны добродѣтели и возводятъ вершину своей благословенной постройки до самаго неба. Ты возрадовалась бы, видя, какъ дѣвы, цвѣтуція ангельской невинностью, соединяются съ цѣломудреннѣйшими вдовами и всѣ вмѣстѣ поддерживаютъ славу блаженнаго и великаго воскресенія, тѣлесно уже погребенныя подъ сводами келій, какъ бы въ гробницахъ блаженной надежды. Правда, все это, а можетъ быть еще и болѣе, ты, вмѣстѣ съ данными тебѣ отъ Бога подругами, уже имѣешь и, можетъ быть, къ твоей ревности по Бозѣ ничего уже нельзя прибавить; но наше общежитіе, какъ я полагаю, съ приобрѣтеніемъ твоихъ духовныхъ качествъ получило бы весьма не малую пользу.

Но, хотя Божественное Провидѣніе, распредѣляющее все на свѣтѣ, и отказало намъ въ твоемъ присутствіи, однако намъ дано было пользоваться присутствіемъ твоего супруга, часто и всегда съ честью именуемаго раба Христова и истиннаго философа, магистра Петра, котораго то же Божественное Провидѣніе, въ послѣдніе годы житія его, переселило въ Кюни и тѣмъ обогатило наше аббатство даромъ, драгоцѣннѣйшимъ золотомъ и камней.

Въ краткихъ словахъ невозможно объяснить, какова была его святая смиренная и благочестивая жизнь среди насъ, чему свидѣтелемъ было все аббатство. Если я не ошибаюсь, я не припомню, чтобы мнѣ пришлось видѣть кого-либо подобнаго ему въ смиреніи и поступкахъ; и для внимательнаго наблюдателя даже св. Германъ не казался смиреннѣе и св. Мартинъ — бѣднѣе его. Когда онъ, по моему настоянію, занялъ въ обширномъ стадѣ нашей братіи высшую степень, то и тогда, по

своей бѣднѣйшей одеждѣ, онъ казался самымъ послѣднимъ. Я часто дивился этому; а когда онъ, по обычаю, въ процессіяхъ предшествовалъ мнѣ и прочей братіи, то я даже изумлялся тому, какъ чело-вѣкъ, имѣющій столь славное имя, можетъ до такой степени самъ себя презирать и унижать.

Бываютъ такіе наставники благочестія, которые даже въ отношеніи своего духовнаго платья стремятся къ возможно большей роскоши; онъ же былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно бережливъ и, довольствуясь самою простой одеждой, ничего болѣе не требовалъ. Таковъ же былъ онъ и въ пищѣ, и въ питьѣ, и во всѣхъ заботахъ о поддержаніи своего тѣла, и строго осуждалъ, какъ словомъ, такъ и собственнымъ примѣромъ, не только излишества, но и все, чтѣ превышало требованія крайней необходимости. Читалъ онъ безпрестанно, молился весьма часто, постоянно пребывалъ въ молчаніи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обращеніе къ нему братіи или проповѣдь въ собраніи о божественныхъ вещахъ побуждали его говорить. Насколько могъ часто, совершалъ онъ божественныя таинства, принося въ жертву Богу безсмертнаго Агнца; а послѣ того, какъ, по моему писъму и ходатайству, снова приобрѣлъ благосклонность Святого Престола, сталъ совершать таинства почти постоянно.

Но къ чему много говорить объ этомъ? Его умъ, его рѣчь, его труды, всегда божественные, философскіе, ученые, служили предметомъ размышленія и поученія. Такъ жилъ среди насъ этотъ чело-вѣкъ, простой и праведный, боявшійся Бога и удалявшійся отъ зла, посвящая Богу послѣдніе дни житія своего.

Ради отдохновенія—ибо онъ болѣе прежняго сталъ страдать отъ коросты и нѣкоторыхъ другихъ тѣлесныхъ болѣзней—я послалъ его въ Шалонъ. Въ пріятномъ климатѣ, господствующемъ почти во всѣхъ мѣстахъ нашей Бургундіи, я выбралъ для него удобное мѣстопребываніе возлѣ самаго города, на берегу рѣки Соны. Живя тамъ, онъ, насколько позволяло здоровье, опять возобновилъ прежнія свои занятія и все время сидѣлъ за книгами; подобно тому, какъ пишутъ о Григоріи Великомъ, онъ не пропускалъ ни одной минуты для молитвы, чтенія, писанія или диктовки. Въ этихъ-то занятіяхъ священными предметами засталъ его приходъ евангельскаго посѣтителя,

который нашель его не спящимъ, какъ многихъ другихъ, но бодрствующимъ. Да, поистинѣ бодрствующимъ нашель онъ его и призвалъ къ свадьбѣ съ вѣчностью не яко неразумную, но яко мудрую дѣву. Ибо онъ принесъ съ собой въ брачный чертогъ лампаду, полную масла, то есть, совѣсть, наполненную свидѣтельствомъ святой его жизни.

Когда ему пришло время платить долгъ, общій для всѣхъ смертныхъ, онъ заболѣлъ и вскорѣ былъ уже при послѣднемъ издыханіи. Монахи и вся братія монастыря, въ которомъ почиваютъ мощи святого мученика Маркелла, были свидѣтелями того, какъ свято, какъ благочестиво онъ совершилъ исповѣданіе сначала католической вѣры, затѣмъ—собственныхъ прегрѣшеній, съ какой сердечной радостью онъ воспринялъ напутствіе послѣдняго странствія и залогъ жизни вѣчной, то-есть тѣло Искупителя нашего, съ какой вѣрой онъ предалъ тѣло и духъ свой Богу, нынѣ и присно.

Такъ окончилъ магистръ Петръ жизнь свою. Тотъ, кто своимъ учительствомъ прославился почти во всемъ свѣтѣ и сталъ извѣстенъ повсюду, слѣдуя ученію Того, Кто сказалъ (*Матѳ.* XI, 29) «Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ», и всю жизнь оставался кроткимъ и смиреннымъ, перешель, какъ слѣдуетъ вѣрить, къ Самому Учителю.

Итакъ, почтенная и возлюбленная о Господѣ сестра, человѣкъ, съ которымъ ты была соединена во плоти, а вполсѣдствіи соединилась еще болѣе тѣсными и достойнѣйшими узами Божія милосердія, человѣкъ, вмѣстѣ съ которымъ и подъ руководствомъ котораго ты такъ долго служила Господу, теперь, вмѣсто тебя, и какъ бы ты сама, воспринять въ лоно Его; а когда Господь, при гласѣ архангельскомъ и звукѣ трубномъ, придетъ съ неба, вѣрь, Онъ, по Своей милости, снова возвратитъ тебѣ этого человѣка. Итакъ, памятуй о немъ во Христѣ и поручи его благосклонности святыхъ сестеръ, вмѣстѣ съ тобой служащихъ Господу; а также не забывай въ своихъ молитвахъ братію обители нашей и тѣхъ сестеръ, которыя повсюду на землѣ, по мѣрѣ возможности, служатъ тому же Господу, чтд и ты. Будь здорова.

ГЛАВА IX.

Плачь Израиля о Самсонѣ.

Судьбы Твои, о Господи, неисповѣдимы. Чѣмъ болѣе онѣ сокровенны, тѣмъ болѣе страшатъ; никакая сила не можетъ имъ противиться!

Сильнѣйшій изъ людей, тотъ, кто былъ возвѣщенъ ангеломъ, пылкій Назореянинъ, щитъ Израиля, — какое каменное сердце не сжалится надъ его страданіями?

Сначала Далила лишаетъ его священныхъ его волосъ. Затѣмъ враги лишаютъ его глазъ.

Лишенный силы и свѣта, благородный богатырь привязанъ къ жернову.

Заключенный въ темницу, ослѣпленный, изнемогая подъ гнетомъ двойной тьмы, онъ трудится въ потѣ лица надъ жерновомъ, утомляя свои члены, болѣе привычные къ трудамъ воинскимъ.

О, Далила! Зачѣмъ привлекла ты его къ себѣ ради нечестивой цѣли? Что ты сдѣлала? Какую награду желаешь ты получить цѣной этого ужаснаго злодѣянія? Никакая благосклонность къ предателю не длится долго.

Пища грубая и похожая на кормъ животныхъ, жестокой трудъ, удары и оскорбленія возбуждаютъ въ душѣ плѣнника глухую ярость.

Его силы возвратились къ нему; его кости наполнились мозгомъ. Его приводятъ на пьяный пиръ—на гибель его врагамъ. Своей смертию онъ положитъ конецъ всѣмъ своимъ скорбямъ.

На ваши насмѣшки, о филистимляне, въ его уязвленномъ сердцѣ уже отвѣчаетъ роковая для васъ мысль! Онъ налагаетъ руки на два столба зданія и соединяетъ свою смерть со смертью своихъ враговъ.

О женщина! Ты—вѣчный бичъ самыхъ великихъ людей: ты создана имъ на погибель. Первая женщина сгубила отца людей и всему роду человѣческому поднесла чашу смерти.

Кто былъ святѣе Давида? Кто мудрѣе Соломона? А до какой степени ослѣпленія и безумія довела ихъ женщина? Кто изъ сильныхъ не былъ обезсиленъ, подобно сильнѣйшему Самсону?

Адамъ, благородное созданіе Божественной десницы, былъ погубленъ женщиной. Онъ принялъ въ ней себѣ помощницу—и нашелъ въ ней своего врага.

Съ тѣхъ поръ женщина творитъ самыя сильныя стрѣлы на погибель мужчинъ.

Если ты мудръ, открой свое лоно аспиду, открой свою грудь огню скорѣе, чѣмъ предаться женской прелести: иначе ты идешь на вѣрную гибель, какъ тѣ, которыхъ я привелъ въ примѣръ!

ГЛАВА X.

Плачь дѣвъ Израиля о дочери Іефоя.

Собирайтесь, дѣвы Израиля! Стройтесь въ обычные хороводы! Привычны вамъ плачи и стenanія. Собирайтесь съ распушенными волосами, съ печатью скорби на челѣ, со слезами и рыданіями!

Долой богатая ризы и драгоценные камни! Дочь Іефоя Галаада (76), чистая дѣва, принесенная отцомъ въ жертву, взываетъ нынѣ къ вамъ о вашемъ ежегодномъ плачѣ, о звукахъ вашей благочестивой пѣсни. Ея добродѣтель заслужила эту погребальную почесть.

О, дѣва, достойная удивленія еще больше, чѣмъ отецъ! Какой мужъ сравнится съ ней?

Чтобы только исполнился обѣтъ ея отца, чтобы обѣщанная жертва не ускользнула отъ Господа, она сама утѣшаетъ народъ, сама протягиваетъ свое горло къ ножу.

Вотъ, отецъ возвращается побѣдителемъ съ битвы, окруженный народомъ: она, въ радости, бросается ему навстрѣчу, ударяя въ тимпанъ.

Завидѣвъ ее, отецъ смущается, стонетъ: онъ вспомнилъ свой обѣтъ. И побѣдный восторгъ народа превращается въ плачь.

«О, какъ ошибаешься ты, моя дочка единственная! — говоритъ вождь.—И эта ошибка будетъ оплачена дорого: дарованная Богомъ побѣда—твоя гибель».

И отвѣчаетъ она: «О, пусть, въ моемъ невѣдѣніи, стану я добротной жертвой ради такого дѣла! А, вѣдь, самъ Авраамъ, желав-

шій принести своего сына въ жертву, не удостоился такой благодати, чтобы Богъ привялъ приношеніе дитяти.

«И вотъ, Тотъ, Который отвергъ мальчика, принимаетъ дѣвочку. Какая честь моему полу! Какая слава плоду твоему, батюшка! Умоляю же тебя, будь мужемъ, и по своему полу, и ради такой чести! Не препятствуй ни своей, ни моей славѣ, предпочитая меня своей душѣ; не подавай всѣмъ дурного примѣра!»

«Уважимъ же выборъ Неба, принесемъ жертву Богу: иначе ты оскорбишь и Господа, и народъ; не угодивъ Господу, потеряешь и любовь Израиля.

«Жестоко это, но благочестиво: вѣдь, не прими Богъ жертвы не было бы и побѣды! Уплати же, батюшка, долгъ Господу и тѣмъ умиловать Его! А позже, пожалуй, Онъ и не приметъ! Такъ пусть же десница мужа дерзаетъ на то, что готова снести безтрепетно нѣжная дѣва! Обѣтъ—дѣло святое!»

«Молю только объ одномъ: дай мнѣ два мѣсяца сроку, чтобы пройти мнѣ, съ моими подругами, по горамъ, по доламъ и оплакать приговоръ Господа, который лишаетъ меня сѣмени, становится моимъ проклятіемъ. О, не послужить на благо міра жертва, на которой нѣтъ ни пятнышка!»

Совершивъ сіе, возвращается къ отцу его единственная дочь. Она вступаетъ въ свой сокровенный покой и снимаетъ скорбныя одежды. Она опускается въ ванну, окруженная хороводомъ дѣвушекъ. Мало по малу вода прогоняетъ ея усталость, смываетъ пыль странствія, возстановляетъ ея силы, освѣжаетъ ея тѣло.

Заливаясь слезами, приносятъ дѣвы разныя любимыя умащенія въ золотыхъ ящичкахъ. Однѣ умащаютъ ее, другія убираютъ голову, приготавливая невѣсту Господу.

Вотъ, вскорѣ дѣва выходитъ изъ ванны и посылаетъ вѣстника сказать отцу, чтобы готовилъ жертвенникъ и возжегъ огонь. А сама готовила жертву, чтобы она пріятна была Богу, достойна владыки.

О, какой взрывъ рыданій у всѣхъ вызвалъ этотъ вѣстникъ! А вождь торопитъ народъ помогать ему; она же торопитъ дѣвушекъ убирать ее, какъ убираютъ подъ вѣнецъ. И одна подаетъ рубаху, другая пурпурный плащъ,—все увлажненное ихъ слезами.

Золото, драгоценности, жемчугъ блещутъ на ея груди. Еще

больше сіяютъ сережки, браслеты, золотыя цѣпи, обременяя нѣжное тѣльце дѣвы.

Вдругъ, въ нетерпѣніи, она вскакиваетъ съ постели, отбрасывая остальные украшенія со словами: «Для невѣсты—довольно, для умирающей—слишкомъ много!»

И схватываетъ она обнаженный мечъ и подаетъ отцу...

Что же намъ еще прибавлять? Остается рыдать да стонать.

Но, разъ начавши, мы должны кончить, обливаясь слезами.

Подбирая платье, всходитъ она по ступенямъ пылающаго жертвенника и на колѣнахъ принимаетъ ударъ булата, поданнаго ея собственными руками.

Вспоминайте, дѣвы Израиля, вашу славную дѣву, великую дѣву Израиля! Вѣдь, это—ваша честь! (77).



ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Страница IX.—Это прозвище и осталось за нимъ, какъ фамилія. Въ тѣ времена еще не было *фамилій*. Мало было и собственныхъ именъ по крещенію. Люди представляли еще сѣрую безразличную массу: все Иваны да Марьи. Даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, напримѣръ, при французскимъ дворѣ сталкивались разомъ больше сотни Гильомовъ. Людей различали обыкновенно по прозвищамъ, какъ и у насъ (Соколовъ, Козловъ, Съдой, Веселаго и т. д.). Салолобомъ назвали нашего героя потому, что онъ, въ дѣтствѣ, поѣлъ сало, присланное его отцу въ подарокъ. Уже послѣ крестовыхъ походовъ знать начала обозначать себя сначала гербами и девизами, а потомъ и фамиліями. У нея фамиліями служили названія родовыхъ земель и замковъ съ присоединеніемъ частицъ *de, von, don*, а потомъ и безъ нихъ. Позже фамиліи явились и у низшихъ классовъ, гдѣ онѣ были обыкновенно прежними прозвищами, намекавшими или на качества человѣка (Lefort, Lebon) или на родъ занятій (Marechal, Müller, Meier).

2) Стр. IX.—*Диалектикой* тогда называлась собственно „Логика“ Аристотеля, т. е. отрывки ея, спутанные съ толкованіями латинскихъ переводчиковъ, особенно Боэція. Больше всего обращалось вниманія на „категоріи“ или общія понятія, съ ихъ подраздѣленіями на „роды (genere) и виды (species)“, затѣмъ—на „силлогизмы“ или умозаключенія да на „софизмы“ или искусство диспутировать.

3) Стр. IX.—*Перипатетиками*, странниками, гуляющими, назывались въ древности собственно ученики. Аристотеля. Въ данномъ случаѣ, это прозвище вдвойнѣ подходило къ Абельяру: ему льстило названіе „peripateticus Palatinus“, которымъ окрестилъ его извѣстный схоластикъ Іоаннъ Сольсберійскій.

4) Стр. IX.—*Компъень* (Compiègne)—промышленный городъ на р. Уазѣ, въ 80 в. къ с.-в. отъ Парижа. Въ средніе вѣка онъ былъ еще важнѣе: тамъ происходило много соборовъ, и церковныхъ, и земскихъ. Въ Компъенѣ недавно воздвигнутъ памятникъ Жаннѣ д'Аркъ, которая была плѣнена тамъ: сохранилась и ея тюрьма.

5) Стр. X.—*Университеты* не были извѣстны въ древности, когда высшее образованіе давалось въ видѣ публичныхъ лекцій. Только во времена имперіи, въ Афинахъ, видимъ высшую школу, напоминающую университеты. Лишь въ половинѣ 12-го в., при смерти Абеляра, начали выдвигаться университеты въ нашемъ смыслѣ слова, какъ прочныя учрежденія — конечно подѣ ведомствомъ церкви, и то только въ Болоньѣ и Парижѣ. И они не могли быть „всеобщими“ въ смыслѣ всѣхъ наукъ: собственно въ Болоньѣ утвердился юридическій факультетъ, а въ Парижѣ — философско-теологическій, т. е. по-нашему филологическій и богословскій.

6) Стр. XII.—*Бретань*, которая прославилась потомъ въ наукахъ, кромѣ самого Абеляра, цѣлымъ рядомъ остроумцевъ-философовъ, до Ренана включительно, считалась тогда обиталищемъ дикарей. Даже имя бретонцевъ производили отъ „brutus“ — туница, по свѣдѣтельству самого Абеляра. На дѣлѣ такъ называли британцевъ (англичанъ), давшихъ имя Вретани, которая называлась у кельтовъ Арморикой; а „британецъ“, какъ и „пиктъ“ (латин. pictus) значило крашеный, т. е. татуированный.

7) Стр. XIII.—Это—слова *аббата Фулька Деймского*, въ его утѣшительномъ посланіи къ Абеляру. Они приведены въ 27-мъ примѣчаніи Кверцетана къ сочиненіямъ Абеляра. См. изданные Кузенномъ „Abaelardi Opera“, р. 50.

8) Стр. XIII.—Свѣтскіе *романсы* Абеляра не дошли до насъ: они не записывались, какъ чисто народная поэзія. О *труверахъ* см. 81-е примѣч. въ нашемъ „Ричардѣ“.

9) Стр. XIII.—*Canonici non regulares*—люди еще свѣтскіе, какъ бы испытываемые: ихъ называли еще „свѣтскими“ (saeculares). Настоящее духовенство называлось regularium clericorum ordo. Первымъ, духовнымъ саномъ лишь по имени, часто пользовались сынки знати, чтобы только получать выгодныя бенефиціи, не обязываясь ни къ чему, нисколько не связывая своего будущаго поприща.

10) Стр. XV.—*Безбрачіе* духовенства (целибатъ) было введено Григоріемъ VII лишь лѣтъ за 40 до того времени (1074). Однако, такъ какъ оно противно не только природѣ челоуѣка, но и апостольскимъ правиламъ, то духовенство противилось ему въ теченіе цѣлаго столѣтія. И молодые клерики не женились открыто только для того, чтобы не лишиться дальнѣйшей карьеры; сожителство же негласное никого не смущало. Именно когда случилась исторія съ Элоизой, реймскій соборъ (1119) счелъ нужнымъ вновь торжественно и строго подтвердить целибатъ. Самъ Абеляръ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что, по его понятіямъ, священникъ можетъ жениться, но только одинъ разъ.

11) Стр. XV.—Нѣтъ точныхъ свѣдѣній ни о лѣтахъ, ни о родителяхъ, ни о родинѣ Элоизы. Предположеніе о томъ, что она ро-

дидась въ 1101 г., выводить изъ того, что современники были убѣждены, будто она умерла однихъ лѣтъ съ Абеяромъ.

12) Стр. XVIII.—*Saint-Denis* считалось почти предмѣстьемъ Парижа, отъ котораго оно отстоитъ верстъ на 6 къ сѣверу. Здѣсь и теперь много святыхъ, въ томъ числѣ гробницы 25-ти французскихъ королей, начиная съ Дагобера, основавшаго аббатство около 600 года, въ честь обезглавленнаго перваго парижскаго епископа, св. Діонисія. Это аббатство—баловень двора, который одарялъ монаховъ всякими даяніями и льготами. Особенно хорошо было имъ при аббатѣ Сугеріѣ, могучемъ министрѣ Людовика VII, который перестроилъ церковь заново въ 1140 г. Многія сокровища и святыни Сен-Дени исчезли во время революціи; остальное было выкрадено въ 1882 г.

13) Стр. XIX.—*Суассонъ* принадлежалъ къ реймской епархіи. Онъ прославился уже другимъ соборомъ, осудившимъ Росцеллина въ 1092 г. Массы были тамъ такъ фанатичны, что тогда же сожгли самосудомъ одного несчастнаго, котораго приняли за манихея.

14) Стр. XIX.—Мѣткое слово Абеяра изъ его *Introductio ad Theologiam*,—трактата, который и судилъ соборъ: „Magistros divinatorum ibrorum qui nunc maxime circa nos pestilentiae cathedras tenent.

15) Стр. XX. — Ученый бенедиктинецъ Mabillon, посѣтившій Параклетъ въ началѣ 18-го вѣка, такъ описываетъ новаго *Триглава* въ своихъ „*Annales ordinis S. Benedicti*“: „Прежде чѣмъ покинемъ Параклетъ Абеяра, нелишне замѣтить фигуры трехъ ипостасей св. Троицы, которой было посвящено сіе мѣсто. Онѣ сдѣланы въ ростъ человѣка, изъ цѣльнаго камня, по заказу самого Абеяра, необычайно, какъ все у него (*insolito, ut in omnibus insolitus erat, modo*). Посрединѣ—Отецъ, въ вѣнцѣ на головѣ и съ державой въ лѣвой рукѣ. Его ряса покрываетъ и двѣ другія фигуры. Съ ея застежки на шеѣ идетъ позолоченная лента, съ подписью: *filius meus es tu* (Ты еси Сынъ мой). Справа—Сынъ, въ такомъ же одѣяніи, съ крестомъ въ десницѣ, который онъ прижимаетъ къ груди, и съ лентой—въ шуйцѣ; а на ней надпись: *pater meus es tu* (Ты еси Мой Отецъ). Слѣва—Св. Духъ, въ такой же одеждѣ. У него руки сложены на груди, гдѣ надпись: *ego utriusque spiraculum* (Я — отдушина обоихъ). На Сынѣ терновый вѣнокъ, на Св. Духѣ—вѣнокъ изъ оливковаго дерева. Сынъ и Св. Духъ оба смотрятъ на Отца, Который одинъ только обуть. У всѣхъ трехъ фигуръ лица и формы одинаковы“. На нашъ взглядъ, болѣе удачна употребляемая у насъ тройная картина, которая изображаетъ всѣ ипостаси разомъ, если посмотрѣть на нее прямо и съ двухъ боковъ. Изображеніе въ Параклетѣ было сдѣлано однимъ ученикомъ Абеяра, знавшимъ ваяніе.

16) Стр. XX. — *Клеродъ* (Clairvaux) — мѣстечко въ департаментѣ

Абеяляръ.

Обы, въ 15-ти льё отъ Труа. Здѣсь-то было знаменитое аббатство лангрской епархіи, основанное, въ 1116 году, монахами, выведенными Бернаромъ изъ стараго монастыря Сито.

17) Стр. XX.— На сѣверномъ берегу Бретани, близъ Ванна, у болотъ Морбигана, видны развалины монастыря на скалѣ, омываемой океаномъ. Это—процвѣтавшее при Абельярѣ аббатство *Святаго Жилды* (Gildasius) *Ройскаго* (*Saint Gildas de Rhuy*)—имя святаго, который основалъ его еще при сынѣ баснословнаго Меровея. Оно лежало на горѣ Руйсѣ, гдѣ хранились и мощи святи-теля. Въ 9-мъ в. норманы разогнали монаховъ оттуда; но въ 1008 году графъ Бретани возстановилъ обитель.

18) Стр. XXV.—*Domino specialiter, sua singulariter.*— Тутъ собственно не переводимая игра словъ. Схоластически здѣсь можно разумѣть „видъ“ и „особь“; а Dominus—и господинъ. и Богъ. Теперь Элоиза сказала бы: „монахиня—Божья, женщина—твоя“. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ знатокъ дѣла, *Rémusat*: *Abé-lard*, I, 160.

19) Стр. XXXI.— Русскій переводъ *Гаусрата* (Средневѣковые реформаторы, 1900, стр. 183). Здѣсь прибавлено: „Съ высшей точки зрѣнія исторической необходимости, эта борьба мистики и діалектики вполне понятна; но что великая историческая борьба велась человѣчески-мелочными способами, вина этого всецѣло лежитъ на Бернарѣ“.

20) Стр. XXXII.—*Sans* (Sens), въ Шампани, ^{былъ} древнѣйшимъ архіепископствомъ и оттого считался пролатствомъ „Галліи и Германіи“. Въ немъ хранилось множество святынь и драгоценностей, отчасти уцѣлѣвшихъ доселѣ. Его соборъ относится къ 12-му в.

21) Стр. XXXIII.— Протоколовъ этого собора не сохранилось: да нечего было и записывать на этой комедіи. Прибавимъ, что ватиканскій архивъ, вѣроятно, хранить протесты Абельяра и его друзей: до сихъ поръ онъ былъ щедръ только на писанія враговъ „Голіаеа“.

22) Стр. XXXIV.— Отъ Кюни отроилась обитель *Сито*, а отъ Сито—*Клерво*.

23) Стр. XXXVII.— Мы перевели письмо *Петра Достопочтеннаго*, какъ дополненіе къ перепискѣ Абельяра и Элоизы. Въ немъ не только тотъ же самый духъ, но оно составляетъ какъ бы послѣднюю страницу „Исторіи моихъ бѣдствій“: не только лучшаго, но и вообще другого свидѣтельства о концѣ жизни Абельяра нѣтъ.

24) Стр. XXXVIII.— Ново-латинское слово *praebenda* означало первоначально столованье монаховъ и послушниковъ за общей трапезой. Потомъ оно перешло на содержаніе канониковъ. Позже оно употреблялось такъ же, какъ приходъ и вообще содержаніе или

доходы церковниковъ. Наконецъ, пребенда стала означать пожизненную пенсію.

25) Стр. XLVI.—Въ древнемъ Римѣ слово *sententia* означало судебный приговоръ. У схоластиковъ это—приговоръ ученаго, мнѣніе, особенно разрѣшеніе противорѣчій. Въ описываемое время нерѣдко издавались „Книги сентенцій“. Наиболѣе прославилась „*Liber Sententiarum*“ — грузная христоматія библейскихъ изреченій Петра Ломбарда, ставшаго епископомъ парижскимъ вскорѣ по смерти Абеяра. Эта книга до самаго конца среднихъ вѣковъ служила учебникомъ теологіи въ парижскомъ университетѣ. Оттого Ломбарда называютъ отцомъ школы „сентенціонныхъ“, хотя онъ только первый преподавалъ въ этомъ видѣ официально. Истинный творецъ школы, Абеяръ, читалъ какъ бы частные курсы богословія. Самъ Ломбардъ не разставался съ „Да и Нѣтъ“ Абеяра, называя эту книжку своимъ „требникомъ“

26) Стр. XLVI.—*Sic et Non* ходила только по рукамъ учениковъ Абеяра и его преемниковъ, какъ подпольное произведеніе. Масса не видала книжки въ глаза, но была увѣрена, что тутъ сидитъ самъ невѣрующій Аверроэсъ, ловко прикрытый діалектическими хитростями философа-лицемѣра. Ученые бенедиктинцы 17-го вѣка признавались, что имѣли эту „ткань противорѣчій“, но, очевидно, не смѣли и заглянуть въ нее. Открытіемъ „Да и Нѣтъ“ свѣтъ обязанъ французскому философу *Cousin*'у, который нашелъ ее въ двухъ рукописяхъ, въ 1836 году, и издалъ въ своихъ „*Ouvrages inédits d'Abélard*“. Насколько намъ извѣстно, книжка до сихъ поръ не переведена ни на одинъ изъ новыхъ языковъ.

27) Стр. XLVII.—Эта склонность къ единству лица особенно сказывалась въ 3-мъ вѣкѣ. Тогда возникъ цѣлый рядъ „монархіанъ“, которые съ разныхъ сторонъ старались подорвать еще только слагавшееся ученіе о св. Троицѣ и служили предтечами арианства. Сюда относятся и *савелліане*—послѣдователи римскаго пресвитера Савелія (ок. 200 г.). Они признавали только одну божественную сущность въ трехъ временныхъ видахъ откровенія міру. Знаменитый „*Tractatus de unitate et trinitate divina*“ Абеяра былъ найденъ и изданъ лишь въ 1891 году, благодаря фрейбургскому богослову *Stölzle*.

28) Стр. LI. — Мы взяли въ нашъ переводъ два образца *Плачей* Абеяра (гл. VII и VIII). Они какъ бы дополняютъ „Исторію бѣдствій“, раскрывая наболѣвшую душу страдальца. Самсонъ—конечно самъ авторъ, который тутъ посылаетъ проклятіе женщинѣ. А Плачь о дочери Іефѳея обнаруживаетъ талантъ Абеяра не только въ лирикѣ, но и въ эпосѣ. Онъ хорошо передаетъ библейскій духъ, въ которомъ такъ ярко пережитки первобытности, съ ея человѣческими жертвоприношеніями. И жертва плачетъ о

томъ, что она будетъ лишена потомства—еврейская черта, живущая въ массахъ и теперь. Къ сожалѣнiю, мы не знаемъ музыки къ Плачамъ, но она не утрачена. Въ рукописяхъ сохранились точки и значки надъ словами: быть можетъ, наши „крюки“, на которые теперь обращено вниманiе историковъ музыки, помогутъ разобрать ихъ.

29) Стр. LVII.—Вотъ, напримѣръ, словно голосъ самой Элоизы, въ лицѣ дочери Якова, *Димы*, которую братья отвергли за сихемскiй проступокъ: „Я стала добычей нечистаго человѣка: вражьи глаза обольстили меня. Горе мнѣ, несчастной: я погубила сама себя!. Но увлеченiе любовью освящаетъ заблужденiе... Юность, легкомыслие возраста, еще не созрѣвшiй разумъ,—развѣ они не должны смягчить кару зрѣлыхъ мужей?.. Горе мнѣ, горе и тебѣ, жалкiй юноша!“.

Amoris impulsio
Culpaе sanctificatio.

30) Стр. LVIII. — Есть одна любопытная народная пѣсенка, на кельтскомъ нарѣчiи Уэльса, гдѣ *Loiza* сама рассказываетъ, какъ она училась у „своего клерка, у милаго Абеляра“ (*ma c'hloarek, ma dousik Abalard*) и сдѣлалась, благодаря знанiю языковъ, чародѣйкой, вродѣ друидессы. Пѣсня напечатана въ *Chants populaires de la Bretagne Villemarqué*. Paris, 1839, I, 93.

31) Стр. LIX. — Выдуманная поэтомъ *Роре* Элоиза была дѣйствительностью для его времени, особенно для англичанъ. Нѣмецкiй поэтъ *Weiss* измыслилъ переписку Абеляра и Элоизы, а г-жа *Sontheim*, на ея основанiи, сочинила цѣлое изслѣдованiе, подъ заманчивымъ заглавiемъ: „Исторiя любви или опытъ философи и исторiи для дамъ“ (1855). Переводъ переписки, сдѣланный *F. Bürger*омъ, также поэтическая вольность, хотя и красивая по формѣ. Настоящiй переводъ былъ сдѣланъ у нѣмцевъ и снабженъ хорошимъ ученымъ изслѣдованiемъ *Морицомъ Карьеромъ* (*Carrière: Abälard und Heloise*. 1844).

32) Стр. LIX. — Наиболѣе важны указанiя въ лѣтописи епископа—*De rebus gestis Friderici I Caesaris Augusti*. Оттонъ—очевидецъ событiй. Монахъ ордена цистерцианцевъ, онъ находился сначала на самомъ мѣстѣ дѣйствiя, потомъ сталъ епископомъ Фрейзинга въ Баварiи. Оттонъ доводился дядей императора Фридриха Барбароссы, жизнь котораго и описана имъ. Сюда онъ вставилъ связанный разсказъ о жизни и осужденiи Абеляра.

33) Стр. LXI. — Дѣльная оцѣнка труда *Кузана* помѣщена въ „*Journal des Savants*“ за 1862 г., июнь.

34) Стр. LXII. — Такъ извѣстный историкъ *Schlosser*, который и

не могъ знать ничего про Абеляра толкомъ въ свое время (1807), издалъ статейку, которая изобличаетъ свою нищету уже заглавіемъ: „Абеляръ и Дульсино, или Жизнь и мнѣнія одного сумасброда и одного философа“. Feuerbach разсматривалъ Абеляра, конечно, исключительно съ своей антропологической точки зрѣнія. Его „Abälard und Heloisa oder der Schriftsteller und der Mensch“ написанъ (1844) въ разгаръ его новой проповѣди—между его „Das Wesen des Christenthums“ и „Das Wesen der Religion“. Статейка Scherr'a (1857) любопытна по отношенію къ автору-чудаку, который видѣлъ въ исторіи „траги-комедію“ и считалъ своимъ знаменемъ слова Аристофана о людяхъ вообще: „немоощные карлики, глиняныя тѣни сновидѣній“.

35) Стр. LXII.—Абеляръ вошелъ въ книгу Hausrath'a „Средне-вѣковые реформаторы“, которая появилась въ русскомъ переводѣ въ 1900 г. Изъ этого перевода мы и взяли приведенное у насъ мѣсто. Въ виду указаннаго значенія трудовъ Ремюза и Гаусрата, не станемъ перечислять болѣе мелкихъ изслѣдованій. Объ Абелярѣ писали, съ 1850-хъ годовъ, многіе, особенно въ Германіи и Франціи—Jacobi, Wilkens, Schuster, Bonnier, Hayd, Sauerland, Deutsch.

36) Стр. 1. — Это письмо и есть *Historia calamitatum nearum*: такъ называлъ его самъ Абеляръ, по свидѣтельству Петрарки. Послѣдній говоритъ въ своей статьѣ De vita Solitaria, т. е. объ уединенной жизни: „Къ столькимъ древнимъ философамъ прибавлю и одного новаго, не особенно далекаго отъ нашего вѣка. Не знаю хорошенько, кто онъ; но слышно, что у иныхъ онъ на дурномъ счету (Suspectae fidei), однако человѣкъ не малаго ума. Его зовутъ Петромъ Абеляромъ. Онъ много говоритъ о себѣ въ *Historia suarum Calamitatum*. Благодаря людской зависти, онъ тридцать лѣтъ провелъ въ уединеніи“. Сама рукопись „Исторія бѣдствій“ принадлежала Петраркѣ. Она найдена, въ 17-мъ вѣкѣ, въ парижской публичной библіотекѣ. Остальные списки, болѣе испорченные, не раньше 16-го вѣка. Такъ какъ это, въ сущности, не письмо, а литературная канва для истиннаго романа, то мы разбили его на три главы, для удобства чтенія, снабдивъ каждую изъ нихъ своимъ заглавіемъ, по содержанию.

37) Стр. 1.—*Pallet*—palais, латин. palatium, т. е. дворецъ; отсюда прозвище Абеляра palatinus. Въ тѣ времена Паллэ принадлежалъ бретанскимъ сеньерамъ. Ихъ замокъ былъ разрушенъ во время усобицы 1420 года. Графство Нантъ, гдѣ лежалъ Паллэ, давно было присоединено къ герцогству Бретани; но тамъ продолжали называть бретонскихъ герцоговъ нантскими графами.

38) Стр. 2. — Абеляръ не упоминаетъ своего перваго учителя, Росцеллина, ученіе котораго онъ развилъ. Кверцетанусъ думаетъ,

что это—изъ страха: Росцеллинъ уже былъ уличенъ тогда въ превратныхъ толкованіяхъ Троицы и т. под.

39) Стр. 2. — *Melun* (лат. *Melodunum*)—древній городъ, въ 10-ти миляхъ къ югу отъ Парижа, гдѣ тогда нерѣдко проживалъ дворъ. Теперь это—главный городъ департамента Сены и Марны, примыкающій къ лѣсу Фонтенебло. Въ немъ много фабрикъ и торговыхъ заведеній.

40) Стр. 2. — *Corbeil* (лат. *Corboli*) похожъ на Мелэнъ. Онъ лежитъ въ 40 в. къ югу отъ Версаля, у Сены, и богатъ промышленностью. Это—тоже весьма древній городъ: здѣсь были свои графы со временъ Гуга Капета. Корбейль, въ свою очередь, былъ мѣстопребываніемъ если не королей, то королевъ.

41) Стр. 3. — Вотъ это замѣчательное мѣсто у *Порфирія*, этотъ источникъ сомнѣній, приведшій къ паденію философскаго идеализма: „Не стану доискиваться, существуютъ ли роды и виды сами по себѣ или только въ нашемъ мышленіи, а если существуютъ, то тѣлесно или нѣтъ. Не стану также доискиваться, существуютъ ли они отдѣльно отъ чувственныхъ предметовъ или въ нихъ, какъ ихъ составныя части. Это—задача чрезвычайно трудная; она требуетъ болѣе обширнаго изслѣдованія“.

42) Стр. 4. — Это вѣрно фактически. Дѣло въ томъ, что тогда нельзя было занимать кафедру „*sine magistro*“, т. е. безъ званія магистра или безъ разрѣшенія магистра, занимавшаго кафедру. Нужно было стать какъ бы помощникомъ профессора или, какъ говорилось потомъ, адъюнктомъ. А въ данномъ случаѣ, магистръ не только разрѣшилъ, но просто уступилъ свою кафедру Абельяру—дѣло, кажется, небывалое въ исторіи профессуры.

43) Стр. 4. — *Geneviève* (лат. *Genoveva*)—святая покровительница Парижа. Она родилась недалеко оттуда и предсказала, по преданію, наступленіе Атиллы. Въ 460 г. она построила церковь, которая разрослась потомъ въ знаменитое аббатство Сен-Дени. Не раньше 18-го вѣка надъ ея могилой былъ воздвигнутъ храмъ, который сталъ потомъ французскимъ Пантеономъ, усыпальницей великихъ сыновъ отечества. „Гора св. Женевиэвы“, вѣрнѣе холмъ, гдѣ лежали чудотворные останки святой, находилась за городомъ до 1211 года, когда Филиппъ-Августъ обнесъ Парижъ стѣной.

44) Стр. 4. — *Priscianus*—латинскій грамматикъ 6-го вѣка. Онъ училъ латинскому языку въ Византіи. Онъ оставилъ обширный учебникъ грамматики и разныя стихотворенія.

45) Стр. 5. — Съ тѣхъ поръ, какъ распалась держава Карла Великаго, при его дѣтяхъ, *Франціей* или Иль-де-Франсомъ, т. е. Островомъ Франковъ, назывался Парижъ съ окрестными землями, или страна между Сеной, Марной и Уазой. Позже, когда Каролинги размежевались по вердѣнскому договору (843), Франціей стали во-

обще земли къ западу отъ Рейна. Но провинціальный духъ живучь. Какъ у насъ долго провинціалъ, отправляясь въ Москву, говорилъ, что ѣдетъ „въ Россію“, такъ и у французовъ „Франціей“ признавался только древній Островъ Франковъ.

46) Стр. 5. — *Ланъ* (Laon) — главный городъ департамента Эны, въ провинціи Пикардіи, и крѣпость. Въ немъ много остатковъ старины, въ томъ числѣ соборъ 11—12 вѣковъ. Въ описываемое время Ланъ славился, по словамъ очевидца, „какъ нѣкая великая сходка студентовъ изъ всѣхъ краевъ“. Этимъ онъ былъ обязанъ тому Ансельму, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Ансельмъ такъ славился своей ученостью и краснорѣчіемъ, что у него были ученики, которые сами приобрѣли извѣстность въ разныхъ странахъ. Самъ Ансельмъ ланскій былъ ученикомъ Ансельма кентерберійскаго. Его-то учителемъ былъ Гильомъ Шампо.

47) Стр. 8. — *Родители Элоизы* остались неизвѣстны. Отцомъ ея считали и графа Монморанси, и одного каноника, и самого Фульберта. А про мать совсѣмъ ничего не слышно.

48) Стр. 9. — Красота Абеляра и Элоизы доказывается не одними свидѣтельствами современниковъ. Если у насъ нѣтъ ихъ портретовъ, зато говорятъ ихъ кости. Протоколъ осмотра ихъ останковъ, составленный въ 1817 году, утверждаетъ, что оба они были высоки и отлично сложены, причемъ у Абеляра были широкія, могучія кости. А о миловидности Элоизы свидѣтельствуеетъ красивый черепъ съ прелестнымъ лбомъ.

49) Стр. 11. — *Астралыбіей* называли тогда глобусъ, на которомъ объяснялась система Птоломея.

50) Стр. 13. — Вотъ все это любопытное мѣсто изъ посланія ап. Павла, какъ читается оно въ синодальномъ изданіи русскаго перевода Библии (Изд. 5-е, 1900 г., стр. 1438): „Соединенъ-ли ты съ женою, не ищи развода; остался-ли безъ жены, не ищи жены. Впрочемъ, если и женишься, не согрѣшишь; и если дѣвица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ. Но таковыя будутъ имѣть скорби по плоти; а мнѣ васъ жаль. А я хочу, чтобъ вы были безъ заботы. Неженатый заботится о Господинѣ, какъ угодить Господу“.

51) Стр. 16. — Эта „рѣчь Элоизы о бракѣ“ прославилась. Ее приводили многіе писатели. Она любопытно отразилась въ „Roman de la Rose“ въ слѣдующихъ стихахъ:

Pierres Abailart reconfesse
Que suer Helois, l'abeesse
Du Paraclet, qui fu s'amie,
Accorder ne se voloit mie,
Por riens qu'il la preist à fame;
Ains li faisoit la genne dame

Bien entendant et bien lettrée,
Et bien amante. et bien amée,
Argumens à li chastier,
Qu'il se gardast de marier.

52) Стр. 17.—Въ подлинникѣ сказано съ прямою, которая была въ духѣ того времени; намъ пришлось смягчить это выражение.

53) Стр. 17.—Это—святая правда. Сохранилось письмо къ Абелью очевидца, Фулька Дюгиля, гдѣ живо описываются проклятія и стоны толпы, въ особенности плачь женщинъ. Тамъ сказано: „почти весь городъ болѣлъ твоей болью“.

54) Стр. 18.—Эти стихи взяты изъ Лукана: *Pbarsalia*, VIII, 94 и слѣд. Здѣсь идетъ рѣчь о Корнелии, женѣ Помпея, которая такимъ образомъ встрѣтила мужа послѣ фарсальской битвы, гдѣ онъ былъ разбитъ Цезаремъ (48 г. до Р. X.).

55) Стр. 19.—Здѣсь Абельяръ имѣетъ въ виду *Евсевія*: *Historia Ecclesiastica*, VI, 7. Евсевій—отецъ исторіи церкви. Онъ былъ епископомъ Цезареи, гдѣ умеръ около 340 г. То былъ ученѣйшій изъ греческихъ церковныхъ писателей, сохранившій намъ много отрывковъ древнихъ авторовъ. Евсевій—послѣдователь Оригена; въ арианскомъ спорѣ старался примирять противниковъ. Оттого онъ считался потомъ „семи- (полу) арианиномъ“; и многія его сочиненія были истреблены. Евсевій написалъ также свѣтскую лѣтопись до 325 г. и приложилъ къ ней хронологическія таблицы.

56) Стр. 19.—Въ подлинникѣ сказано: *Accedit autem mihi ut ad ipsum fidei nostrae fundamentum humanae rationis similitudinibus disserendum primo me applicarem*“. Это — классическое выражение въ исторіи мысли. Здѣсь какъ бы самъ разумъ живо и просто заявляетъ о своемъ возрожденіи. Это—колыбель рационализма новаго времени.

57) Стр. 19.—Въ подлинникѣ читаемъ: „*humanae et philosophicae rationes*“. Тутъ „человѣческой“ противопоставляется „божественному“, т. е. свѣтская наука богословію. Вотъ первое употребленіе слова гуманизмъ, которымъ опредѣляется все Возрожденіе.

58) Стр. 20.—*Реймсъ* былъ именно недалеко отъ Мэзомена, отъ котораго его школа и страдала больше всего.

59) Стр. 21.—Въ подлинникѣ сказано: „*non curamus rationem humanum, aut sensum nostrum in talibus, sed auctoritatis verba solummodo*“. Во времена господства папства слово „авторитетъ“, особенно въ противоположеніи съ „разумомъ“ (*ratio*), всегда означало власть церкви и исключительность Откровенія.

60) Стр. 22.—Chartres—главный городъ департамента Эр и Луары. Это—одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Франціи: онъ

славился, подъ именемъ Carnutum, еще до римлянъ. Съ начала христіанства онъ сталъ мѣстопробываніемъ епископа. И этотъ епископъ даже въ описываемое время занималъ второе мѣсто во французской іерархіи, выше парижскаго владыки, уступая только своему реймскому собрату. Епископомъ шартрескимъ былъ тогда Жефруа II—человѣкъ знатнаго рода, ученый и благочестивый; это былъ уже одинъ изъ учениковъ Абеяра.

61) Стр. 26.—Святой *Médard* былъ апостоломъ суассонскаго края и первымъ епископомъ нойонскимъ. Сынъ Карла Великаго, Лотарь I, богато похоронилъ его подъ Суассономъ, на берегу р. Эны, и построилъ надъ его прахомъ базилику. Отсюда возникъ знаменитый монастырь: въ 6-мъ вѣкѣ папа поставилъ его главой всѣхъ монастырей и аббатствъ Франціи. Современникъ Абеяра говоритъ, что въ обитель св. Медара „посылали невѣждъ учиться, распутниковъ—исправляться“.

62) Стр. 27.—*Діонисій Ареопагитъ* былъ дѣйствительно епископомъ аѳинскимъ; но этотъ мученикъ 1-го вѣка не могъ быть Діонисіемъ, покровителемъ Франціи, который умеръ въ половинѣ 3-го столѣтія и былъ епископомъ коринѳскимъ. По своей власти все вязать и разрѣшать, папство очень просто рѣшило этотъ соблазнительный споръ чернецовъ. На знаменитомъ соборѣ 1215 года, гдѣ была освящена инквизиція, Иннокентій III мимоходомъ высказался и по этому мелкому вопросу католической дисциплины: онъ подарилъ аббатству Сен-Дени мощи Діонисія аѳинскаго, но съ тѣмъ, чтобы тамъ хранились и останки Діонисія коринѳскаго. Что касается нравовъ монаховъ Сен-Дени, никто не опровергалъ свидѣтельства Абеяра. Тѣмъ не менѣе этой благочестивой братіи представлялось „исправлять“ строптивыхъ геніевъ. Существуетъ преданіе, правда недоказанное, но и не опровергаемое, что, по поводу этой исторіи съ Ареопагитомъ, Абеяра постегали плетьюми.

63) Стр. 28. — Во времена Абеяра *графомъ Труа и Шампани* былъ Теобальдъ II, умершій въ 1151 году. Ему-то принадлежалъ замокъ Провэнъ (Provins), гдѣ находился *Saint Ayaul*.

64) Стр. 28.—Здѣсь разумѣется Адамъ, аббатъ монастыря Сен-Дени. Онъ умеръ тотчасъ по возвращеніи изъ Провэна. Его-то преемникомъ сталъ аббатъ Сугерій, всемогущій министръ Людовика VII, которому посвящено извѣстное изслѣдованіе Грановскаго.

65) Стр. 29.—*Troyes*, городъ департамента Обы, былъ тогда столицей Шампани и независимымъ графствомъ, которое было присоединено къ Франціи лишь въ 1339 году. Пустынь, о которой говоритъ Абеяръ, лежала на рѣчкѣ *Ardusson*, въ приходѣ *Quincey*, близъ города Ножана-на-Сенѣ, въ 10-ти льѣ отъ Труа.

66) Стр. 31. — *Параклетъ* былъ устроень въ 12-ти миляхъ отъ

Труа, у Сены, которая вообще была главнымъ поприщемъ Абельяра, Абельяръ назвалъ такъ свое любимое убѣжище конечно по словамъ св. Іоанна (XIV, 16, 17; XV, 26): „И я умоляю Отца, и дасть вамъ другаго Утѣшителя, да пребудеть съ вами вовеѣкъ... Когда же придетъ утѣшитель, Котораго я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидѣльствовать о Мнѣ“.

67) Стр. 34.— Намекъ здѣсь ясенъ. Кверцетанусъ прямо говоритъ, что Абельяръ разумѣлъ тутъ двухъ святыхъ—Бернара и Норбера. На это указываютъ и Элоиза, и всѣ толкователи сочиненій Абельяра.

68) Стр. 37.—*Argentueil*—городъ подъ Версалемъ, въ 2 миляхъ. отъ Парижа. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ мужскому монастырю, основанному еще около 650 года. Карлъ Великій превратилъ этотъ монастырь въ женскую обитель и даровалъ ей нешиту хламиду Христа, которую прислала ему византійская императрица Ирина. Якобинцы изорвали эту хламиду; но ея остатки хранятся и теперь въ позлащенной ракъ. Правда, вскорѣ Аржантэйльская обитель была подчинена аббатству Сен-Дени, что видно изъ грамоты дѣтей Карла; но вслѣдъ затѣмъ она стала независимой. Никто и не думалъ посягать на ея права. Вдругъ Сугерій, ставши аббатомъ въ Сен-Дени, отыскалъ помянутую грамоту и потребовалъ монастырь себѣ, чтобы, по его словамъ, „преобразовать его, ибо монахини вели дурную жизнь“. Могущественному министру не трудно было добыть папскую буллу, которая разогнала монахинь и снова превратила Аржантэйль въ мужской монастырь.

69) Стр. 50.—Увлекаясь своей страстью и прямою, Элоиза, все усиливая собственныя прозвища, дошла до непереводимыхъ словъ *amica, concubina, scortus, meretrix*. Каждое время ходить въ своей одеждѣ даже по языку. Довольно вспомнить пасквили гуманистовъ, будучи языкъ „старога порядка“ во Франціи и придворныя вольности временъ Карла II и Анны въ Англіи. Въ 12-мъ вѣкѣ вездѣ, даже въ нѣжной поэзіи трубадуровъ и въ проповѣдяхъ, встрѣчаются вещи невозможныя для нашего слуха, по откровенности языка. Тутъ, помимо общей грубости нравовъ дѣйствовали преданія и античной, и апостольской поры. Неприступныя спартанскія дѣвы плясали нагія вокругъ жертвенниковъ цѣломудренной Діаны. Блаженный Іеронимъ говоритъ: „Да не смущаетъ васъ простота, даже неблагопристойности въ словахъ Писанія“.

70) Стр. 52.—Эту великую мысль ꙗ судебной вмѣняемости Элоиза заимствовала, какъ и все, у своего Абельяра. Онъ съ любовью касается ея почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ; она, можно сказать, душа замѣчательной для того времени его „Этики“. Но, съ практической стороны, тутъ-то и „была зарыта собака“, какъ говорить нѣмцы. Абельяръ здѣсь же старался запутать свою мысль, ослабить

ее разными, хотя и слабыми, оговорками. Элоиза какъ бы въ теоріи, а Арнольдъ брешьянскій въ жизни выставили ее со всей прямою своихъ натуръ. Гаусратъ вѣрно сказалъ: „Арнольдъ, наравнѣ съ Элоизой, представляетъ намъ второй примѣръ того, насколько методъ Абельяра приводилъ къ болѣе свободомыслящимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые имѣлъ въ виду самъ Абельяръ, съ его ограничительными выводами“. Замѣтимъ, что прямо связанный съ идеей Абельяра вопросъ о свободѣ воли вовсе не былъ новостью даже въ католичествѣ: онъ съ самаго начала волновалъ церковныхъ писателей. Довольно вспомнить знаменитый споръ блаж. Августина въ Пелагіемъ, который отразился, черезъ тысячу слишкомъ лѣтъ, въ кальвинизмѣ.

71) Стр. 66. — Здѣсь выкинуто нѣсколько черезчуръ откровенныхъ строкъ.

72) Стр. 71.—Здѣсь намъ опять пришлось выпустить нѣсколько строкъ, по требованію приличій

73) Стр. 74.—И здѣсь мы выкинули нѣсколько вольныхъ строкъ.

74) Стр. 75.—Это производство имени *Элоизы*—конечно филологическій вздоръ. Но филологи и теперь позволяютъ себѣ удивительныя чудеса въ этомъ направленіи; а тогда не было и понятія о филологіи, которая родилась въ эпоху Возрожденія. Элоиза, это—*Heloise*, т. е. Луиза, или Гельвида.

75) Стр. 83.— Это письмо не сохранилось.

76) Стр. 91. — Въ книгѣ Судей (гл. XI) разсказывается, какъ борецъ Израиля, *Иефвай*, выступилъ противъ аммонитянъ. Въ случаѣ побѣды, онъ пообѣщалъ Богу принести въ жертву то, что первое встрѣтитъ по возвращеніи съ битвы. Его встрѣтила, „съ тимпанами и ликами“, его единственная дочь. Она покорилась своей участи; просила только отпустить ее, съ подругами, на два мѣсяца въ горы „оплакать дѣвство свое“. Въ свое время дочь возвратилась, и отецъ совершилъ надъ нею обѣтъ свой. „И она не познала мужа“.

77) Стр. 93.—Приводимъ нѣсколько стиховъ въ подлинникѣ, двухъ размѣровъ, чтобы читатель могъ судить объ изяществѣ и музыкальности латыни Абельяра въ ту пору, когда ученые писали „кухонной латынью“, не стыдясь говорить, на примѣръ, „*de verbi bus*“. Вотъ начало Плача:

Ad festas choreas coelibes
Ex more venite virgines!
Et more sint odae flebiles,
Et planctus ut cantus celebres.

Ниже отецъ плачетъ, увидя свою дочь:

Decepisti, filia,
Me, dux ait, unica
Et decepta ejus
Nostra lues gaudia,
Quamque dedit Dominus
Perdit te victoria.



Оглавленіе.

Введеніе.	СТР.
Глава I. Глубокое средневѣковье	III
II. Несравненный учитель	IX
III. Жертва жестокаго вѣка	XV
IV. Вздохи влюбленныхъ	XXI
V. Еретикъ-аскетъ	XXIX
VI. Вѣрная и великая до гроба	XXXV
VII. Колумбъ схоластики	XL
VIII. Сомнительный богословъ	XLV
IX. Проблескъ человѣка	L
X. Книги объ Абельяръ и Элоизѣ	LIX

Исторія моихъ бѣдствій.

Глава I. Высшее блаженство	1
II. Безпримѣрное бѣдствіе	16
III. Живой въ гробу и женщина	34
IV. Женское сердце	45
V. Покаяніе невинной	54
VI. Поученіе монаха женщинѣ	63
VII. Исповѣданіе вѣры	81
VIII. Награда страдалицѣ	83
IX. Плачь Израиля о Самсонѣ	90
X. Плачь дѣвъ Израиля о дочери Іефеая	91
Примѣчанія.	95

Просимъ читателей исправить два недосмотра. На страницахъ 81 и 83 вторыя названія главъ должно поставить первыми, какъ они и вошли въ это *Оглавленіе*.



ГЛАВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА

А. Трубецкого:

- 1) Польское безкоролье. Москва. 1869. Магистерская диссертация.
- 2) Современные задачи исторической науки. „Вѣстникъ“ за 1871 г.
- 3) Испанія XIX-го вѣка. Часть 1-я. Москва. 1872.
- 4) Das russisch-österreichische Bündniss vom Jahre 1781. „Historische Zeitschrift“ за 1875 г.
- 5) Германія наканунѣ революціи. „Вѣстникъ Европы“ за 1875 г. и въ отдѣльномъ изданіи О. Н. Поповой (1897 г.).
- 6) Союзъ князей. Спб. 1877 (и въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1876 г.). Докторская диссертация.
- 7) Высшіе женскіе курсы въ Одессѣ. Одесса. 1879.
- 8) La France et l'Allemagne sous Louis XVI. „Revue historique“ за 1880—1881 гг.
- 9) Витторино да-Фельтре. Очеркъ изъ исторіи педагогіи. Въ брошюрѣ „Новая школа“. Одесса. 1882.
- 10) L'Espagne à l'époque de la révolution française. „Revue historique“. Mai—juin 1886.
- 11) L'empereur Paul et le Premier Consul. „Revue d'histoire diplomatique“ за 1889 г.
- 12) Опытъ приложенія эволюціонной теоріи къ орудію. Труды археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. 3-й. 1889 г.
- 13) Воспитательные идеалы классическаго міра и Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ. „Русская Школа“. 1890—1892.
- 14) Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Документы архивовъ парижскаго и петербургскаго за 1800—1808 г. Томы I—IV. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. 1890—1894.
- 15) Mouvement social en Russie. „Revue internationale de sociologie“. Août 1895.
- 16) Судьба ислама. „Сѣверный Вѣстникъ“. Августъ и сентябрь 1895.
- 17) Политическая лѣтопись. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891—1894 и 1896—1897.
- 18) Московская смута XVII вѣка и основа социологіи. „Научное Обзорѣніе“. Январь, февраль и май 1900.
- 19) Наполеонъ I. Біографическій очеркъ. 1900. Изд. Павленкова.
- 20) Наполеонъ I. Историческое изслѣдованіе въ „Вѣстникѣ Всемирной Исторіи“ за 1901 г.
- 21) Историческіе очерки XIX вѣка. „Научное Обзорѣніе“ за 1901 г.
- 22) Историческія введенія и примѣчанія къ романамъ „Жанна д'Аркъ“, „Темное дѣло“, „Уатъ Тайлеръ“, „Дон-Жуанъ“, „Сыновья Будивоя“, „Ричардъ-Львиное Сердце“ и „Исторія моихъ бѣдствій“.

ВЪ ПРОДАЖЪ ИМѢЮТСЯ только №№ 5, 14, 19 и 22, а также Учебники Русской, Древней и Средней Исторіи — для среднихъ учебныхъ заведеній; а для учителей, студентовъ и самообразованія—а) Русская исторія, съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. 1895. 2 тома. 587+637 стр. Ц. 8 р. б) Средняя исторія, 2-е изданіе, съ 119 рисунками и 10 картами. 1897. 717 стр. Ц. 4 р. в) Новая Исторія. Томъ I. 1500—1750. 2-е изд. 1900. Ц. 4 р.



2-08-07887

Рядъ **Истори**

съ руководящими введе

А. С. Трачевскаго.

Всего до 230 печатныхъ листовъ (болѣе 35,000 буквъ въ листѣ).

Вотъ перечень романовъ, въ предполагаемомъ порядкѣ:

- 1) Маркъ *Твенъ*: Жанна д'Аркъ (борьба французовъ съ англичанами XV в.).—2) *Бальзакъ*: Темное дѣло (Наполеонъ I).—3) *Эисвортъ*: Уатъ Тайлеръ (крестьянское движеніе въ Англіи XIV в.).—4) Эженъ Сю: Жанъ Кавалье (истребленіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV).—5) Жоржъ Зандъ: Жижка (гуситское движеніе XV в.).—6) *Кроуфордъ*: Дон-Жуанъ (Испанія при Филиппѣ II).—7) *Шиндлеръ*: Царь Сіона (анабаптисты временъ Лютера).—8) *Абелларъ*: Исторія моихъ бѣдствій (автобіографія въ письмахъ къ Элоизѣ. Франція XII в.).—9) *Готье*: Завоеваніе рая (французы и англичане въ Индіи XVIII в.).—10) *Шперль*: Сыновья Будивоя (борьба славянъ съ нѣмцами при Оттокарѣ II и Рудольфѣ Габсбургѣ. XIII в.).—11) *Юлетъ*: Ричардъ-Львиное Сердце (рыцарство XII в.).

Эти романы составятъ не менѣе **ДЕСЯТИ** книжекъ разныхъ объемовъ. Книжки Историческихъ Романовъ будутъ выходить, начиная съ 1-го декабря, въ теченіе года. Цѣна за всѣ десять книжекъ по подпискѣ **ДЕСЯТЬ** рублей, которые вносятся такъ: при подпискѣ 2 р., затѣмъ, съ 1-го декабря 1901 г. по 1-ое іюля 1902-го включительно, по 1 р. въ мѣсяць. Пересылка оплачивается по разстояніямъ. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждой книжки—1 р. 25 к. Подписка принимается въ Картографическомъ заведеніи **А. ПЛБИНА** (СПБ., Пряжка 5) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Печатается романъ Эжена Сю: Жанъ Кавалье. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго о гугенотахъ и Людовикѣ XIV.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ ИЗЪ РЯДА КНИЖЕКЪ

„Историко-соціологическихъ“:

„КАКЪ МЫ УПРАВЛЯЕМСЯ“—

„учебникъ конституціи, правленія, законовъ и могущества Британской имперіи“, англійскаго законовѣда

Фонбланка.

Дозволено цензурою. Спб. 22 августа 1902 г.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.